

ББК 84 (82Рос = Рус)
83.3я 5
Е-63
УДК 82 (059)
82 (059)

НОВЫЙ
ЕНИСЕЙСКИЙ
ЛИТЕРАТОР
Литературный альманах
Красноярск, 2015. № 2 (47).
320 стр.

ISSN 2305-1264

РЕДАКЦИЯ:

Андрей ЛЕОНТЬЕВ —
зам. главного редактора.
Тел. 8-923-369-73-50.

Николай ЮРЛОВ —
редактор отдела очерка
и публицистики.

Галина БАДАНОВА —
архивариус.

Сергей ДЯДЕНКО —
фотохудожник.

АДРЕС ДЛЯ
КОРРЕСПОНДЕНЦИИ:
660048, Красноярск-48,
а/я 11487.

Телефоны:
296-38-93 — редактор.
8-905-976-38-93.

E-mail:
sergkuz58@mail.ru

Сайт в Интернете:
www.neweniseilit.ru
[www.новыйенисейский
литератор.рф](http://www.новыйенисейскийлитератор.рф)

ПРИЁМ МАТЕРИАЛОВ
И РАБОТА С АВТОРАМИ:
пон., вт., четв. с 11 до 17.

В номере:

Творческий портрет:
Марина Бахтина

Стихи и проза
красноярских писателей

Писатель номера:
Иван Уразов

В гостинной «Енисейского
литератора»: представляем
главу из книги
французского писателя
Филиппа Олле в переводе
Шахризы Богатырёвой, а
также творчество коллег
из Твери, Сызрани и
других регионов России

Над Енисеем

Творческие встречи

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАВОДЬ ХУДОЖНИКОВ (Вернисаж)	
Картины о Великой Отечественной войне	3, 311
Анатолий ГРЕШИЛОВ	4
Марина ПУГАЕВА	312
УЮТ-КОМПАНИЯ	
(Творческие встречи)	6, 314
КАПИТАНСКИЙ МОСТИК	
(От редактора)	
<i>Весенние предчувствия</i>	11
КОНКУРСЫ	
Конкурс «Стихотворение года – 2015»	11
Книга года	302
ВАХТУ ПРИНЯЛ! (Творческий портрет)	
Марина БАХТИНА. <i>Эссе, стихи</i> ...	12
ПО ВАТЕРЛИНИЮ (Писатели Енисея)	
Михаил КОКОВ. <i>Стихи</i>	23
Александр МАТВЕИЧЕВ. <i>Стихи, эссе</i>	24
Галина ЗЕЛЕНКИНА. <i>Стихи</i>	48
Евгений МАРТЫНОВ. <i>Бель</i>	56
Сергей СТАВЕР. <i>Стихи</i>	60
Виталий НЕИЗВЕСТНЫХ. <i>Стихи</i>	66
ФЛАГМАН (Писатель номера)	
Иван УРАЗОВ	
В. Шанин. «Где ты, юность моя фронтовая?..»	72
ГОСТЕВОЙ ПРИЧАЛ (В гостинной «Енисейского литератора»)	
Филипп ОЛЛЕ-ЛАПРУН. <i>Глава из книги</i>	77
Пётр СИНЯВСКИЙ. <i>Стихи</i>	81
А. Ягункова. <i>Очевидное как невероятное</i>	83
Галина БОГАПЕКО. <i>Стихи</i>	83
Сергей БЕЛАЯР. <i>Рассказы</i>	93
Василий ЧЕРНЫШЕВ. <i>Стихи</i>	96
Татьяна МАЛИКОВА. <i>Стихи</i>	100
Сергей КОРОТКОВ. <i>Стихи</i>	102
Галина ТАЛАНОВА. <i>Стихи</i>	105
Галина БЕЛГАЛИС. <i>Рассказ</i>	108
Александр ЛАЙКОВ. <i>Стихи</i>	120
Владимир МОНАХОВ. <i>Миниатюры</i>	123
Николай НЕМЫКИН. <i>Рассказы, стихи</i>	128
Елена ПОНКРАТОВА. <i>Стихи</i>	132
Юрий САВЧЕНКО. <i>Стихи</i>	134
Мargarита ИСАКОВА. <i>Киносценарий</i>	135
Представляем литераторов Твери ...	153
5 лет «Содружеству детских писателей» Сызрани	191
ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР (Над Енисеем)	
Елена ИВАНОВА. <i>Стихи</i>	207
Ольга ТАРАКАНОВА. <i>Стихи</i>	208
Екатерина БОРИСОВА. <i>Стихи</i>	211
Станислав ИКОННИКОВ. <i>Стихи</i>	212
Роберт СИБАР. <i>Стихи</i>	215
Галина САУЛИЧ. <i>Стихи</i>	218
Николай ТИМЧЕНКО. <i>Стихи</i>	219
Галина БАДАНОВА. <i>Стихи</i>	223
Вера ГРАМАТУНОВА. <i>Рассказ, стихи</i>	225
Василий ИВАНОВ. <i>Рассказы</i>	227
Мария МАНАЕВА. <i>Стихи</i>	236
Мargarита РАДКЕВИЧ. <i>Стихи</i>	244
Вера ЗОЛОТУХИНА. <i>Стихи</i>	245
Александр ТИХОНОВ. <i>Глава из повести</i>	247
Вячеслав НАСОНОВ. <i>Стихи</i>	253
Нина КИРИЛЛОВА. <i>Стихи</i>	254
Вера ПРОКОПЬЕВА. <i>Рассказ, стихи</i>	256
Ольга РЫЧКОВА. <i>Рассказ</i>	258
Анна ТУШКЕВИЧ. <i>Стихи</i>	260
Екатерина НЕФЁДКИНА. <i>Стихи</i>	262
Лиңда ШАМКОВА. <i>Зарисовки</i>	264
<i>Стихи трёх поколений</i>	
Эдуард ЛЕВЕНЕЦ. <i>Стихи</i>	266
Анатолий ЛЕВЕНЕЦ. <i>Стихи</i>	269
Ольга ЛЕВЕНЕЦ. <i>Стихи</i>	273
ПРИСТАНЬ ДЕБЮТАНТОВ	
Наталя ГАНДРИХ. <i>Стихи</i>	277
Лидия ДЯКОВА. <i>Стихи</i>	279
Антонина ПЕРМЯКОВА. <i>Стихи</i>	281
ОСТРОВ ПУБЛИЦИСТОВ	
(Очерк. Публицистика)	
В. Замышляев. В. П. Астафьев как зеркало русской жизни во второй половине XX века	284
ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА	
Г. Яковлева. <i>Литературный институт им. А. М. Горького в годы Великой Отечественной войны</i>	291
ОТ ИСТОКА ДО УСТЬЯ	
(Уроки классиков)	
Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ. <i>Стихи</i>	304
Юрий ГЕРМАН. <i>Фрагмент из романа</i>	305
РУССКАЯ ЖЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ	
Надежда ПОЛЯКОВА. <i>Стихи</i>	309
РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ	
<i>Живопись времён Великой Отечественной войны</i>	310
МАЙКИ (Лауреаты Нобелевской премии по литературе. 1917)	
Карл Адольф БЕЛЛЕРУП	319

Картины о Великой Отечественной войне

Б. Лавренко
Рейхстаг взят!

Д. Налбандян
В Кремле. 24 мая 1945 года

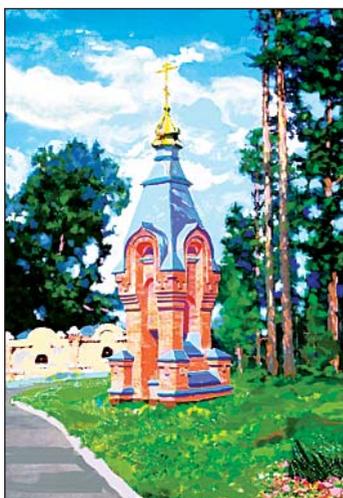
Б. Иогансон. **Праздник Победы**

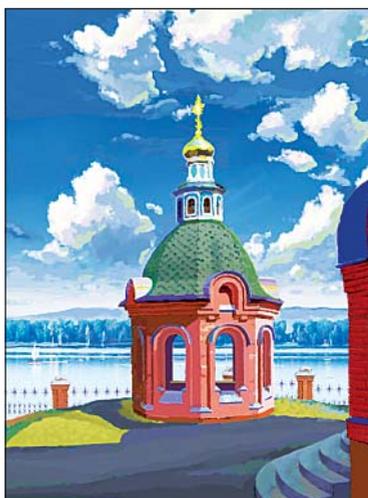
Картины Анатолия ГРЕШИЛОВА (Железногорск)

Ротонда в Железногорске

Часовня Агисма
в Железногорске

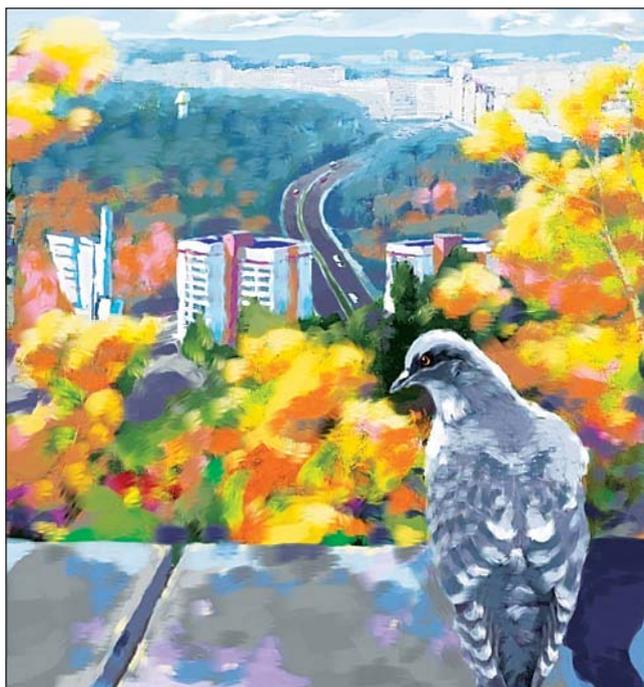
Часовня Водосвятная
в Железногорске

Архитектор Виктор Яковлев

Пономарь Олег Иванович

Железногорск. Проспект Ленинградский

Подведение итогов литературного 2014 года

Снегурочка, Дед Мороз, Зима

Выступает Тамара Зотова
из Емельяново

Лауреаты и дипломанты литературных конкурсов «НЕЛ»
за 2014 год

Красноярск. Краевая библиотека. 11.01.2015

Диплом лауреата «НЕЛ»-2014 — Ивану Куликову

Дипломанты «Нового Енисейского литератора» за 2014 год

**Подведение итогов литературного 2014 года
Красноярск. Краевая библиотека. 11.01.2015**

Лауреат конкурса одного
стихотворения – 2014
Марина Бахтина
(на фото справа)

Лауреат конкурса
короткого рассказа – 2014
Анатолий Левенец
и Любовь Многоликая

Диплом — Л. И. Пироговой

Дипломант конкурса ко-
роткого рассказа – 2014
Евгения Васильева

**Галина Зеленкина на детском поэтическом конкурсе
в Доме культуры. Козинск. 5.02.2015**

**Встреча Нового года в библиотеке им. И. С. Тургенева.
Красноярск. 28.12.2014**

**Юбилей литературного объединения «Потомки Ермака».
Дивногорск. 17.12.2014**

Открытие Года литературы в Назарово. 26.01.2015

ВЕСЕНИЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ

Год нынешний объявлен в России Годом литературы. Писатели вначале вроде оживились, узнав об этом, некоторые даже стали строить планы и оживлять угасающие было надежды, посчитав, что теперь их начнут холить и лелеять, сдувать с них пылинки, уступать им лучшие места и завалят предложениями по изданию книг. Но многие поняли, что Год литературы — это не год писателя. Литература — понятие в этом случае довольно растяжимое. Это год и работников библиотек, и издателей, и преподавателей, и книготорговцев. В принципе — год как год, только приглашений в школы и библиотеки, наверное, побольше. Каждый коллектив, имеющий отношение к книгам, считает нужным в Год литературы пригласить к себе писателя или хотя бы члена какого-нибудь литературного объединения (а в Красноярске и крае, как мы знаем, их немало). Прошедшей зимой представители «Нового Енисейского литератора» приняли участие в нескольких мероприятиях, вроде бы обычных и рядовых, а некоторые даже побывали в начале февраля на встрече с губернатором по поводу Года литературы и, мягко говоря, попрощались с последними иллюзиями на особенность нынешнего года.

Но вот наступила весна, и сердца литераторов забились с новой надеждой. Хотя бы на то, что год только начался и всё может быть.

Согласен, всё может быть, в том числе и хорошее. Предчувствия и меня терзают. Но то, что будет, — это впереди, а то, что случилось, то случилось. С начала года мы выпустили в свет два номера альманаха, встречали в конце марта нашего «Енисейку» в краевой библиотеке, объявили новые конкурсы для поэтов и прозаиков, приняли участие в набирающем популярность конкурсе имени И. Д. Рождественского, подали заявку на участие в фестивале патриотической поэзии в Новороссийске и снова живём надеждами и предчувствиями.

Весна ведь продолжается.

РЕДАКТОР

КОНКУРС «СТИХОТВОРЕНИЕ ГОДА – 2015»

Редакция альманаха «Новый Енисейский литератор» объявляет очередную конкурс «Стихотворение года». На конкурс принимаются стихи в электронном виде размером не более 32 строк, не содержащие оскорбительных и нецензурных слов, как опубликованные ранее, так и ещё не опубликованные. Жанр и тема значения не имеют. Конкурс платный. Стоимость участия — 400 рублей. Приём материалов — с 15 января по 15 сентября 2015 года. Победитель и призёры конкурса определяются путём голосования членов жюри из числа профессиональных литераторов России. Победитель конкурса получает денежную премию в размере от 3000 до 4000 рублей (в зависимости от количества участников конкурса), диплом и право бесплатной публикации в альманахе «Новый Енисейский литератор»; призёры конкурса — дипломы и право бесплатной публикации. Стихи всех участников будут включены в сборник, который выйдет отдельной книгой в январе 2016 года. Все участники получают по одному экземпляру сборника. Стихи отправлять по адресу: sergkuz58@mail.ru Справки — там же или по телефонам: 8-905-976-38-93 и 296-38-93 (городской для Красноярска).

БАХТУ ПРИНЯЛ!

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Марина БАХТИНА

Марина БАХТИНА

ПРИГЛАШАЮ В ДУШУ

Прижав к странице слой чернил коварных,
Даю согласие на приглашение в душу
Предупреждаю! Стихосложение спонтанно!
Подумайте: вам это нужно?

Лесосибирск — мой родной город! Здесь я сделала первый шаг, написала первое слово и сделала свой первый самостоятельный выбор — работать с детьми и ПИСАТЬ, ПИСАТЬ...

Я коренная сибирячка и этим горжусь. Сибирские морозы научили меня быть терпеливой, большие расстояния — выносливой, манящие закаты и восторженные рассветы — наблюдательной. И эти наблюдения уже более двадцати лет материализуются в поэтических произведениях.

Своему рождению я обязана двум замечательным людям, моим родителям Николаю Сергеевичу и Анне Ивановне; они осмелились дать жизнь мне в начале учебного 1965 года — это был сентябрь. Багряный сентябрь! Любимый сентябрь!

Лесосибирск — мой родной город, там я сделала первый шаг и написала свой первый слог. Именно в этом сибирском городке пошли в школу мои дочери. Они — моя гордость!

Но начинала я свой осознанный жизненный путь в Ленинграде — не получилось, снега не хватило. Перебралась ближе к родным пенатам, в Красноярск. И всё-таки окончила педагогический институт в своём городе, там и живу. В данный момент работаю методистом в дошкольном учреждении. Это очень хорошая работа — находиться рядом с детством.

Моё литературное творчество началось рано. Мне всегда было интересно читать стихи вслух. Сначала были

С. Михалков, С. Маршак, А. Барто; постепенно литературный горизонт расширялся, и я читала М. Цветаеву, В. Тушнову, Е. Баратынского, В. Маяковского. Незаметно для себя и окружающих стала писать стихи сама.

Я очень люблю свою малую родину; где бы я ни была, всегда понимаю, что лучше моего сибирского городка, родных людей и любимой книжной полки ничего нет.

Я здесь живу, вдыхаю воздух грудью.
Но кто расскажет о Сибири звонкой?
Пусть рвут морозы нервы-перепонки —
Они мои защитники и судьбы...

В своей жизни я следую двум советам. Первый — от Николая Заболоцкого:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Второй — от Николая Петухова, моего отца, для меня он был самым умным человеком. Так вот, он мне однажды сказал: «Люби свою землю, каждый её клочок, — она даёт жизнь...»

Мой девиз по жизни: «Надейся только на себя и... Божию милость».

Мне в моей жизни интересно всё: учить и учиться, читать и создавать, смотреть и слушать, любить и быть любимой, варить и кормить, думать и выдумывать, менять и меняться самой и даже крутиться как белка в колесе, лишь бы колесо было надёжным.

Печаталась в лесосибирской городской газете «Заря Енисея» (2001), в российской газете «1 сентября» (2004), имеются публикации в художественно-публицистическом альманахе лесосибирского городского литературного клуба «Радуга» (2013), ежегоднике «По-

эзия на Енисее» (2013), сборнике «Поэзия Сибири и Дальнего Востока» (Красноярск, 2013), литературно-художественном журнале «Литература Сибири» (2013), «Новом Енисейском литераторе» (2014). Дипломант 2 степени заочного конкурса самодеятельного творчества поэтов-любителей среди работников образования и ветеранов педагогического труда северной территории Красноярского края «Любовь — слово многогранное...» от краевого Дома работников просвещения (2014), лауреат конкурса «Стихотворение года — 2014» от «Нового Енисейского литератора».

Я сегодня поиграю со словом, обойду стороной размер, обижу рифму, за это прошу прощения у вас.

Вот так, через автобиографию в стихах, я представляю сегодняшнюю с вами встречу и, может, немного приближу вас к себе, дорогой читатель!

Далее представляю свои миниатюры.

Лауреат конкурса одного стихотворения – 2014 Марина Бахтина

ВОСЬМОЕ СЕНТЯБРЯ

Автобиографичное

*Восьмое сентября!
Что это за дата?
Осенний день обычный,
Ещё без листопада.
На разных полюсах они
Чего-то ожидали.
Матросы, улыбаясь,
О чём-то рассуждали.*

*И лужицы прозрачные,
И облака невзрачные,
И дождь стучит по темени,
По темени без времени.
О чём это?.. О радуге,
Морском великолепии,
Сырым-сыро на палубе,
Прошло почти столетие.*

То там...

*А здесь она в смятении
Дрожит, как лист осиновый,
В застенчивом смиренни,
Закат уже «мариновый».
А мысли то вдруг встретятся,
То разлетятся в стороны —
Его: «Когда случится же?»,
Её: «Скорее, скоро бы».*

*А в рубке поутру:
Принять радиogramму!
«Отцом ты стал восьмого,
А я восьмого — мамой».*

*Вот и случилось чудо
Восьмого сентября:
Как наго, «по-морскому»
На свет явилась я!*

2011

ИСТОРИЯ ИМЕНИ

*Всё очень просто в имени моём,
Но всё ж оно историю имеет,
Оно смеётся, плачет и болеет:
Мариною я названа отцом.*

*Плеск имени метнулся в его сон,
Под корабельный шум и стоны чаек,
Из ненавязчивых матросских баек,
Из грации вальсирующих волн.*

*Сонором звуки бились о корму,
Волной гонимы Баренцева моря,
В душе матроса поселились вскоре —
С тех пор и я в его душе живу.*

*Три слога от рождения со мной —
В них сила воли и отвага чаек.
Я вдохновеньем имя наполняю,
Сибирской тайной, бурною рекой.*

*Всё очень просто в имени моём.
Оно прохладное, по-детски звонко.
Историю узнала я девчонкой,
Я названа Мариною отцом.*

2014

РОДИТЕЛЬСКАЯ ПОВЕСТЬ

*Где-то позади, осталась совесть
Слабая, искавшая обитель.
Есть виновник, есть и обвинитель —
Грустная родительская повесть.*

*Я неслась по жизни своей прозы,
Не пытаюсь защитить от боли
Ту морщинку, сотканную горем,
Стать, застывшую в сутулой позе.*

*Чувствуя спиной молитвы шорох,
Я бежала от себя — не обернуться.
Вдруг пришлось бы снова мне вернуться,
Вспыхнуть — и исчезнуть, словно порох.*

*На коленях я прошу прощенья
Перед миром, перед образáми,
Кланяюсь отцу и своей маме
За тот к жизни миг прикосновенья.*

Лето 2000

ВОЗВРАТ НЕ ПРЕДВИДИТСЯ

*Чем старше дерево, оно тем крепче.
Нельзя вот так сказать о человеке.
Я говорю себе: «Arrivederci!»
Всё лучшее осталось в прошлом веке.*

*Остался мёд, не слизанный с мизинца.
Остался крик невидимого сердца.
Со стороны эпохи просто «свинство» —
Все выжать соки и наполнить перцем*

*Ту оболочку, что зовётся телом,
И этим мою душу огорчая,
А я по-прежнему смотрю несмело
И всем, кто окружает, доверяю.*

*Без времени слеза просила воли,
Но я её от воли оградила
И столько накопила много соли,
Что ею разум свой пересолила.*

*Вы поняли: из перца я и соли,
Противная на вкус, и взгляду жутко.
Во мне солёные с горчинкой доли,
Нет для прослойки сладкой промежутка.*

2014

ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОИ

*Предпочитаю прогулку застолью,
Терпким словам — молчаливое «нет».
С детства люблю я корочку с солью,
В ситце живущий фиалок букет.*

*Предпочитаю снегов восхожденье,
Тайны болот и раздолье полей.
Предпочитаю силу деревьев
И бескорыстную радость детей.*

*Предпочитаю фальцет баритону,
Пальцам писателя — пальцы стрелка.
Подвигов чтобы не менее тонны,
Пусть выбор тот ляжет не на меня.*

*Ярче тернистой дороги не сыщешь,
После неё — ожидание сил.*

*В чём-то обычном истину ищешь,
В ком сомневаешься? Кто тебе мил?*

*Слёзы теряя, в них вдохновение,
День даже чёрный бывает так бел.
Жизнь себя делит ясно предельно
На предпочтения и беспредел.*

2013

ПО ЛЕРМОНТОВУ

*Изломанный челнок — я выброшена в море.
От ярости волны стремглав несусь вперёд.
Испытывая боль, горжусь, что я на воле,
В любовной западне мне не найти свобод.*

*Залив Таманский спит, и спят его утёсы,
В фонарных берегах приветливая гладь.
Свободна я, увы, от всех своих вопросов.
Я в муках засыпаю, чтоб идола изгнать.*

*Зовёт морской прибой, мне море по колено,
Ведь в имени моём — свободы талисман.
Иду я по волнам, уже я — каравелла,
Изломанный челнок мной выброшен на хлам.*

*Совсем забыла я представиться, простите:
Мариною зовусь, что значит — моря ширь!
Я в море рождена, мне море уступите!
А я вам уступлю морозную Сибирь!*

2014

ЗАПОМНИТЕ МЕНЯ ТАКОЙ

Запомните меня такой:

*С улыбкой милой, с лёгкою походкой,
К осеннему пейзажу с добротой
И с недосказанной пытливой ноткой.*

Запомните меня такой:

*С огромной жаждой жить, со взглядом в солнце,
Слегка нелепой, иногда смешной,
Смотрящей в лица сквозь оправу бронзы.*

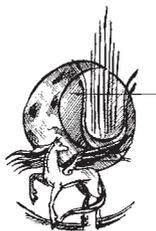
Запомните ли вы меня такой?

*Ведь я своих следов не оставляла.
Холодный взгляд небесно-голубой
Я в каждой птахе скромно растворяла.*

Запомните меня такой:

*Как вдохновение вплетала в ночи,
Как сердце билось для любви большой,
Выстукивая кем-то многоточье...*

2012

ПО ВАТЕРЛИНИЮ

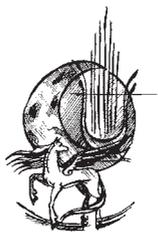
ПИСАТЕЛИ ЕНИСЕЯ

Михаил КОКОВ
(1913—1941)

Михаил Семёнович КОКОВ родился в хакасском аале Хара Пулун Ширинского района. Окончил семилетнюю школу, вступил в комсомол, стал одним из активных организаторов культурных начинаний в районе. После окончания рабфака Томского университета работает в радиовещании Абакана, отдавая всего себя культурному просвещению народа, пишет очерки, статьи, пьесы для клубов, обрабатывает народные песни, пишет стихи, рассказы. Поэт, драматург, прозаик, М. Коков внёс значительный вклад в становление и развитие литературы и искусства Хакасии. Его произведения вошли в золотой фонд молодой хакасской литературы, а народно-героическая драма «Акун» сыграла большую роль в становлении национального театра. М. Коков прожил всего 27 лет, но оставил яркий след в хакасской литературе, одним из зачинателей которой он был.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

*В лесу — и зверь пушной, и птица,
В заимке — скот, в земле — металл.
Недаром родиной гордится
Хакас, что равноправным стал.
На склонах гор шумит пшеница,
По волнам рек спешат плоты,
И блещут стройки, как зарницы,
Среди полночной темноты.
И, просыпаясь в дымке синей
От рёва мощного гудка,
Сегой тасхыл сквозь зыбкий иней
Глядит на звёзды рудника.*

Александр МАТВЕИЧЕВ

Красноярск

Александр Васильевич Матвейчев родился 9 января 1933 года в Татарстане. В Красноярске живёт с 1959 года. Пишет стихи и прозу с детства. Автор более 20 опубликованных книг поэзии и прозы. Переводчик с английского и испанского языков. Регулярно печатается в журналах, альманахах, коллективных сборниках, антологиях. Член Союза российских писателей. Первый заместитель председателя Красноярского представительства СРП.
Mail: matveichev_ab@mail.ru
Site: www.matveichevav.narod.ru

Дружба Александра Матвейчева с героем его поэмы и эссе — Александром Андреевым, бывшим прокурором высокого ранга, ушедшим в бизнес, — длится более двух десятков лет. «Жизнь без страха перемен» — так бы писатель назвал свою книгу после анализа всех основных черт характера Андреева. Главная из них — его бесстрашие к резким поворотам на жизненной трассе. Слова Владимира Маяковского: «Ненавижу всяческую мертвечину! Обожаю всяческую жизнь!» — стали естественным поведенческим кредо Александра Андреева.

Жена писателя, Нина Павловна, в достопамятные девяностые несколько лет проработала с Александром Андреевым главным бухгалтером в его процветающей фирме «Аквилон», владевшей несколькими бензозаправочными станциями. Это позволило автору, работавшему переводчиком с американскими и испанскими специалистами на предприятиях Красноярска, Сосновоборска и Ангарска, и его семье пройти относительно легко сквозь ту лихую пору. Оба Александра вели совместно с соратниками по либеральной партии «Демократический выбор России» и политическую борьбу с приверженцами коммунистического правления.

А в итоге правящей элите пришёлся по душе олигархический путь развития страны на базе некой суверенной демократии, отрицающей сильную и равноправную оппозицию, контролирующую власть на конкурентной основе честных, без подтасовок, выборов.

БИЗНЕСМЕН ИЗ ПРОКУРОРОВ

Поэма

Александрю Андрееву на юбилей

Вступление

*Рождённый в Сяве матерью Фаиной
И тятей Рафаилом Александр,
Ты в коммуналке выросал мужчиной,
В себе рождая прокурорский гар.*

*В свой год рожденья подказал Хрущёву:
— Крым от меня хохлам подарю!..*

*Россияне чувствуют хреново
От того, что Сашка натворил,*

*Хотя и Крым уже ему в подарок —
Как юбиляру! — Путин преподнёс,
Только климат на планете жарок —
И потому к Андрееву вопрос:*

*— Ужель себя ты возомнил пророком
Ещё тогда — у мамы в животе,
Питаюсь от неё волшебным соком,
Готовясь к некоей избранной судьбе?..*

*Всё ж воспою твой подвиг геркулесский
На фронтах — и в сексе, и в труде.
По бухлу и спорту парень резкий —
Ты эталон другим... и даже мне.*

1. Прокурору демократия по вкусу

*Судьба твоя чудесна превращеньями:
Мог стать бандосом, в жизни — прокурор.
Из новгородца крепкими кореньями
Ты врос в сибирский легяной простор.*

*С нижегородской Сявою простилась
И в Красноярск отправилась семья,
Здесь в коммуналке тесной поселилась,
В подобной клетке обитал и я.*

*Связался ты с неважною компашкой,
Но Бог от криминала уберёт.
Гонял футбол и подкреплялся бражкой,
Был чемпионом, не жалея ног.*

*Играл в футбол, на лыжах бегал —
Везде успех, везде фурор!..
Так закалял и дух, и тело
И мыслям открывал простор.*

*И даже посидел полдня в «зингане» —
В подвале гачника — за воровство в сагу,*

*Что послужило грозным назиданьем:
Не тронь чужое — наживёшь бегу!*

2. Из прокуроров в бизнес понесло

*Пять лет учился ты садить
Людей по формулам закона,
Вождей КПСС любить,
Чтить их, как иноки икону.*

*Как гастарбайтер, мёл дворы,
Стерёг соцсобственность ночами
И в стуготрядах той поры
Оставил стройки за плечами
На Сахалине, северах —
В Норильске и на лесосеках.
И не парил на небесах
В столь недалёком прошлом веке.*

*Из универа следаком
И прокурором прокурорил,
Проклял райкомы и крайком,
Всегда душой стремясь на волю.
И в Когинске собрал народ
Учить свободе на майдане,
На членство положив в тот год
В КПСС...*

*И в демократском клане,
Поверив ельцинской фигне,
С Гайдаром бабками делился,
Пока не вычислил в уме,
Что в этой братии ошибся.*

*И ветер северный подул:
Ты «Аквилон» на нефти создал
На зависть всех бластных акул,
Хотя по фене и не ботал.
Но не дремали бандюки:
Вольну вставив тебе в ухо,
Все АЗС уволокли
И обрекли тебя на мýку.
Автостоянка — вот и всё,*

*Что в собственность досталось боссу...
Но на шамовку наскребём —
В том нет особого вопроса.*

*Кафе «Бермудский треугольник»,
При нём — бильярдный классный зал,
Где, помню, сам играл за столик,
Когда там друга посещал.
В нём юбилей шикарный справил
Я с многолюкою толпой,
Где нас стриптизом позабавил
А. Р. и прочей ерундой.
Со стриптизёршей на коленях
Хотел я в плавки гань подать,
Но Нина в это же мгновенье
Банкноту вырвала, как тать...*

3. На мягкой кровле жёстко спать

*Да, счастье попусту искать
Дельцам российским на Бермудах:
Пришлось бильярд и всё прогать,
Чтоб рассчитаться с разным людом.
Друг детства как из-под земли
Вдруг к Рафаилычу явился,
С ним общий бизнес завели:
С идеей друг в башке носился.
Совместно грошей наскребли
На производство мягкой кровли,
Порой без пенса, на мели,
Зато без страха и без крови.*

*Но друг тот оказался вдруг
И не товарищ, и не брат:
Пошёл предательски на суг
И в бизнес внёс большой разлаг.
Как появился — так исчез
Давно из жизни юбиляра,
Как от креста коварный бес
Иль погорелец от пожара.*

Андреев же до этих пор

Хлеб зарабатывает кровлей
И строит планы на сезон,
Вполне довольный своей долей.
Пусть для заказов не простор,
А в конкурсах — жулью поблажки,
Но не всегда удачлив вор,
Андреев с них срывает маски.
Ведь он по-прежнему силен
Со штатом преданных союзу,
Где дружба — истинный закон,
И он шары гоняет в лузу,
Уверовав, что всё пройдёт
И выигрыш не за горами,
А потому — вперёд, вперёд,
Но головой, а не ногами!..

На мягкой кровле жёстко спать,
Зато под ней душе и телу
Теплей и можно погреться,
Потом дать ход уму и делу...

4. Детопроизводство

Блуждая в бабьем лабиринте
И настрогав троих детей,
Всегда принадлежишь к элите
В кругу порядочных людей.
Борьбой за правду и законность
Нажил и подленьких врагов.
К тебе ж не прилепилась чёрствость —
Всегда грузьям помочь готов...

Вернёмся к детопроизводству:
Две взрослых дочери
и малолетка-сын.
Не знаю, как они по сходству
С отцом...

Но ты не господин
В их жизни...
Знаю по себе:
Оставив жёнам Костю с Таней

*И предоставив их судьбе,
Я обзавёлся сыном Ваней,
Молясь очередной жене.
А ты теперь опять свободен
В Покровке на семи ветрах
И в хороводе при народе
Вальяжно ходишь в женихах.*

*...Болели мы полигенией,
Наш юбиляр, мой старый груг;
Искали краше и невинней,
Вот и замкнулся ложный круг,
И ты в коротких мемуарах
Сказал:
«В детях мой самый лучший труг!»
Меня ж коснулась Божья кара,
Ждёт там Его суровый суг.*

*Зато тебя Лариса, Лена,
Никита, гумаю, простят.
Есть у тебя, грузище, смена
Из добрых, любящих ребят.*

Эпилог

*Когда ты вынырнул на свет,
Я лейтенантом в Порт-Артуре
Служил в течение пары лет,
К китайской приобщась культуре,
И с эмигранткою крутил,
И Ли Сими ночами щупал,
А Ляогун Хрущ подарил
Мао Цзедуну тупо, глупо.
И я с дивизией своей
В «столыпине» в Приморье прибыл,
Чтоб навсегда проститься с ней,
Переведённым взводным в Ригу.*

*Сомненьем мучаюсь: тебе ли
Никита Крым презентовал?
И про себя решил в постели:
Он Крым жене моей отдал,*

*Родившейся в тот год пораньше,
Чем ты, в семье фронтовика —
Здесь, в Красноярске...*

И, без фальши,

*То было жестом мужика
По отношению к хохлушке
По крови — к Ниночке моей,
Поньине вроде не старушке,
Всех женских ангелов святей,
Чтоб много лет спустя в Алуште
Она со мною побыла...
Не будем спорить, а ты лучше
Плесни мне крымского вина,
Чтоб выпить за твою удачу,
За юбилей, за славный путь,
Любовь!..*

*Боюсь, сейчас расплачусь,
Коль не приму вина на грудь.*

*Живи ещё век с половиной,
Как я — о прошлом не тоскуй,
И, предаваясь страсти дивной,
Шары в бильярдной в лузы суй.
О прошлом вспоминай без боли
И не желай счастливей доли
Себе, счастливому вполне,
И оставайся другом мне!..*

Май 2014

ИНТЕЛЛИГЕНТ С ПРОЛЕТАРСКОЙ ЗАКВАСКОЙ

Эссе

1. Сюжет для реального blockbuster'a советской эпохи

Съёмки этого потрясно-популярного и денежного фильма для массового зрителя под рабочим названием «Двойной побег» могли бы состояться по горячим следам ещё в 1979 году, когда исходные материалы для его основы попали

на стол молодого следователя Октябрьской райпрокуратуры Александра Андреева. Молодого, но раннего: он после школы «поварился» в фабричном «котле» грузчиком, отслужил старшиной автороты в армии, повозил в автобусе рабочих металлургического завода. А женатым студентом юрфака университета, дабы содержать семью — жену, тоже студентку, и их дочку, — работал сторожем и дворником. И даже чистильщиком в цеху валяльно-войлочной фабрики. В летние каникулы тоже не «нежился на перине пуховой», а проявлял чудеса трудового героизма в комсомольских рабочих отрядах: в Красноярске — на лесотасках, на Сахалине — на путине, в Норильске — на ремонте железных дорог. А на КАТЭК отправился бывалым командиром студенческого стройотряда.

Что же касается blockbuster'a, то его появление на экранах в тот исторический отрезок времени было просто невозможным: время-то было тоталитарное, советское. Поэтому в государственных СМИ, а тем более в творческий мир сведения о героическом групповом побеге отчаянных эзков из Норильлага не просочились. Не известными миру остались и двое отрицательных персонажей из той норильской банды, которые некоторое время спустя вдруг исчезли из Красноярского СИЗО-1, признанного и в наше время самым лучшим и надёжным в России. Так что я бы на месте киносценаристов, продюсеров, режиссёров пригласил А. Р. Андреева в качестве консультанта на создание вышеназванного российского blockbuster'a, обещающего для кинопроката и причастных к сему лиц офигенное бабло. И ушёл бы мой друг из крышепокрывного бизнеса в киноиндустрию. Чему бы я нисколько не удивился: для него смена амплуа в любой момент — не проблема...

Групповой побег из Норильлага юрист Андреев не расследовал, а лишь ознакомился с документацией по нему. А дело с эсками-беглецами, по свидетельству следователя Александра Андреева, вкратце обстояло так.

Некоторое время назад группа заговорщиков в заполярной колонии строгого режима, дислоцированной вблизи Норильска, разработала гениальный по замыслу, грандиозный по масштабу и идиотский по своей сути план. Для начала — с наступлением долгого полярного дня в Норильлаге — воры-законники подняли мятеж и убили несколько охранников. Захватили оружие, бронетранспортёр и на

нём по бескрайней целине, уродая покрытую зелёным ягелем бескрайнюю тундру и распугивая стада северных оленей, рванули в енисейский порт Дудинку.

Там преступники надеялись захватить судно класса «река — море» и отправиться на нём по Енисею до Берингова моря, а затем — по Северному морскому пути — до ближайшей капстраны. Где они обретут политическое убежище как «мученики режима» и получат возможность клясть и обличать по фене из студий радио «Свобода» или «Голос Америки» рабское существование советского народа под коммунистическим игом.

Не тут-то было!..

Для поимки и нейтрализации беглецов власть мобилизовала все силы МВД и армии норильского региона. До Дудинки бронетранспортёр не доехал. Вертолётный десант спецназа настиг броневую машину, и эски сдались на милость победителей. А там, вероятно, уже в Норильске, банду расформировали и участников побега этапировали в разные республики, края и области Союза.

Следующая серия не отснятого blockbuster'a рассказала бы о судьбе двоих из отловленных беглецов — Стоцкого и Пыжова. Их отправили в СИЗО-1 поблизости от центра Красноярска — на пересечении улиц Охраны Труда и Республики. И случилось невероятное. Из этой тюрьмы с толстыми каменными стенами и оградой средневекового замка, построенной в царские времена — задолго до Октябрьского переворота 1917 года, не удавалось бежать никому: ни разбойникам, ни народникам, ни меньшевикам-большевикам. А эти уголовники-эски, Стоцкий и Пыжов, подобно библейским верблюдам, проскользнувшем через игольное ушко, обманули охрану и, словно сквозь стены, исчезли из следственного изолятора — как сон, как утренний туман.

Послушаем монолог самого следователя по этому, как бы теперь сказали, «резонансному» делу:

— Ты спрашиваешь меня, почему мне, зелёному следователю, поручили прокурорское расследование столь непростого дела? Моя работа в прокуратуре началась с преддипломной практики в прокуратуре Октябрьского района города Красноярска в семьдесят девятом году. Мне повез-

ло. Моим первым наставником был уважаемый и легендарный, не побоюсь этого слова, прокурор района Антон Герасимович Задеря. Он прошёл через горнило Отечественной войны танкистом. Об этом красноречиво свидетельствовало его лицо: на нём навсегда осталась жестокая печать война, горевшего в подбитом немцами танке...

Прерву на время монолог Александра Андреева и по-несу отсебятину.

Мне, автору этого эссе, тоже довелось несколько лет общаться с Антоном Герасимовичем. И, слава Всевышнему, не как с прокурором, а когда нас, тоже в семидесятых годах, избрали депутатами Октябрьского райсовета Красноярска. После чего Задеря был избран председателем депутатской группы, а он предложил коллегам избрать меня его замом. Заседания группы проходили в его прокурорском кабинете, в здании прокуратуры и суда по улице Высотной. Нередко у хозяина кабинета не было времени на сбор и проведение этих «тусовок» из-за командировок, отпусков, вызовов его к начальству, и он доверял эти действия мне. Протоколы и решения в основном тоже писал я, поскольку в предыдущем созыве подвизался председателем подобной группы, собиравшейся в железнодорожном техникуме, так что к ведению всяких бумаг для отчётности перед райисполкомом наострился. И даже, бывало, куратор райдепутатов Анна Сергеевна Клепачёва ставила меня в пример другим председателям: ведь красивая отчётность — лакомство для любой бюрократии. А потом, в восемьдесят девятом, с её мужем, Николаем Александровичем, мы стали избранными открытым голосованием сопредседателями неформального Красноярского народного фронта и витийствовали на площадях и у входов в административные здания. Обличали властных воров, требуя отмены шестой статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС жизнью страны — единственной партии, узурпировавшей суверенную власть народа.

В поведении депутатского шефа Задери, старого танкиста, носителя множества боевых и трудовых наград, не было ничего «прокурорского». Пролетарий Горький, думаю, тоже бы применил в отношении Антона Герасимовича изобретённую им характеристику для самого человеческого человека в своём знаменитом очерке: «Писать его портрет — трудно. Он, внешне, весь в словах, как рыба в чешуе. Был он прост и

пряма, как всё, что говорилось о нём». В отличие от нас, меня и Андреева, и многих миллионов других членов искусственно раздутой КПСС, он не поменял своих взглядов и оставался убеждённым коммунистом до конца своих дней.

Помнится, как я в девяностых с Антоном Герасимовичем, уже пенсионером, привлечённым к работе в краевом избиркоме, в обеденный перерыв столкнулся в фойе «серого дома» — осиною улье недавней партийной и советской власти, а с девяносто первого — новой, постсоветской, власти, состоявшей в основном из прежних номенклатурных аппаратчиков. Поздоровались — и он пригласил меня к себе на обед. Его элитная по тем временам квартира находилась в двух шагах отсюда — в «сталинке» напротив сквера Сурикова.

Дома никого не было. Сели у окна с видом на освещённые полуденным солнцем «серый дом» и садик Сурикова, тронутый сентябрьской желтизной. Чокнулись рюмками с коньяком, чем-то закусили и чего-то поели. Жена Антона Герасимовича, насколько помню, недавно умерла, и он жил бобылём...

И, конечно же, застольный разговор пошёл о политике — всероссийской вообще, а больше — о местной, красноярской, предметно. Помню, что я признался отставному прокурору, почему превратился в ярого антикоммуниста. При непосредственном сговоре моего гендиректора с райкомом и прокуратурой меня незаконно уволили с должности главного инженера научно-производственного объединения. И только для того, чтобы на моё высокооплачиваемое место посадить собутыльника гендиректора — потерявшего свой пост второго секретаря горкома КПСС, решившего вернуться в народное хозяйство не по своей воле. А мне пришлось заняться обличением моего гендиректора как вора и хама. Не помню, разделил ли моё недовольство Задеря, но горпрокуратура приказ о моём увольнении отменила как незаконный, однако в должности не восстановила в соответствии с неким подзаконным актом.

Александр Рафаиловича сохранил самые искренние и благодарные воспоминания о своём наставнике и шефе:

— Антон Герасимович имел множество боевых наград и целиком свою жизнь посвятил работе в органах прокуратуры. Но не имел академического юридического образования. И только его большой житейский опыт, удивительная интуиция и способность нивелировать известные диспропорции между

нравственностью и законом вызывали огромное уважение не только коллег, но вышестоящего руководства. Больше того: он, по существу, сформировал свою школу!.. Многие его выпускники этой виртуальной вроде бы школы сделали в дальнейшем блестящую карьеру в органах юстиции. Например, тот же исполнявший при президенте Ельцине обязанности Генерального прокурора России Ильюшенко Алексей Николаевич. Он на год раньше окончил университет, работал помощником Задери и тогда для меня был просто Лёшей. Правда, вскоре его забрали в армию, и он два года служил, как и я, в Приморском крае. А после армии стал работать в прокуратуре другого района Красноярска... Человечность Антона Герасимовича проявлялась во всём. Он не только строго спрашивал со своих подчинённых, но и поддерживал их на бытовом уровне, защищал перед вышестоящим руководством. Так, благодаря заботе Задери моя семья смогла получить в Ветлужанке полноценную трёхкомнатную квартиру. А до этого мы около семи лет ютились в аварийном жилье на улице Марата, в Николаевской слободе...

И ещё об одном человеке в беседе со мной с сердечной теплотой отозвался Александр Андреев:

— Непосредственно практику я проходил под руководством старшего следователя прокуратуры района Тютерева Геннадия Ивановича, следователя от Бога. Его отличали острый ум, высокая работоспособность, великолепный стиль в оформлении процессуальных документов. Он умел быстро очищать «зёрна от плевел», уходить от пустых, затратных по времени для проверки версий того или иного преступления. Но была одна слабость, которая во все времена погубила в России многих. Это увлечение спиртным. Финал тривиальный: Геннадий Иванович, к сожалению, из-за злоупотребления «зелёным змием» рано ушёл из жизни... Именно под его руководством мне довелось расследовать дело о побеге Стоцкого и Пыжова из красноярского следственного изолятора.

Это теперь в СИЗО-1 установлена хитроумная система «Фейс-Интеллект», контролирующая идентификацию каждого входящего и выходящего посетителя изолятора. А тогда, в далёком семьдесят девятом, и речи не было расходоваться даже на примитивные видеокамеры. Впрочем, даже если бы они и были, не исключено, что нашим героям всё равно бы удалось покинуть пределы тюрьмы... Ясно, что к побегу Стоцкий и Пыжов

готовились не один день. Главным орудием для начала побега им послужил некий ступенатор. Возможно, заточенная ложка, точно не помню. Подобно графу Монте-Кристо, они в течение дней и бессонных ночей прилежно выковыривали по камешку, по кирпичику из потолочной кладки и ухитрялись прятать от глаз надзирателей отходы производства. Как ни странно, именно кирпичное перекрытие, за неимением железобетона, было в моде в малограмотной царской России при строительстве тюремных камер. А ложки у эзков тогда были деревянными — ими глиняный раствор, скреплявший кирпичи, не проткнёшь!.. Перед вечерней проверкой Стоцкий, Пыжов и третий сокамерник, отказавшийся от участия в побеге, кирпичи и глиняно-песчаную крошку аккуратненько прятали — через выработку в потолке — на тюремном чердаке. А увеличивавшуюся с каждым днём дыру закрывали простынкой из листов бумаги, склеенных надёжной советской зубной пастой.

Побег состоялся летом, под утро, примерно в три-четыре утра. По чердаку Стоцкий и Пыжов пробрались до административного корпуса СИЗО, фасадом обращённого к улице Республики. С собой прихватили сплетённую из рваных кусков матрасовки и простыней «альпинистскую» верёвку. По этому рукоделию с крыши централа благополучно спустился на волю лёгкий, пружинистый Стоцкий. А недостаточно похудевшего на тюремных харчах Пыжова тряпичное изделие не выдержало: он рухнул на мостовую с высоты, оставив уже на свободной земле кровавый след. Беглый осмотр показал торчащие из раны кости. Стоцкий не бросил тяжело раненного друга. Предраассветные улицы пока были пустыни, и он два квартала волок тяжеловеса по Робеспьера до проспекта Мира. Там Стоцкий постучал наугад в одну из квартир на первом этаже, попросил вызвать скорую помощь и растворился в утреннем тумане. Зато в Пыжове проснулся чудесный сказочник. Для экипажа скорой он поменял свои Ф.И.О., сочинил легенду о неравной уличной схватке с неизвестным пьяным хулиганом. И доверчивые медики доставили его к хирургам больницы скорой помощи, чаще называемой народом «тысячекойкой».

А любитель тюремного покоя сокамерник беглецов, избегавший острых ощущений ради обретения сомнительной свободы, незадолго до утренней проверки поднял тревогу,

изобразив безутешное горе по испарившимся сквозь потоки архаровцам...

Конечно, после такого ЧП вздыбился «на уши» и ринулся в поиски весь личный состав УВД края. По следам крови у стены следственного изолятора следяки направились во все нотложки, больницы, поликлиники и прочие медицинские учреждения.

Однако первым под колпак милиции угодил Стоцкий. Его выследили и задержали на дачах в районе Базаихи через пару-тройку недель... Потом он же сдал и Пыжова. Самое интересное, что с Пыжовым в больнице дважды беседовали оперативные работники, имея на руках его фотографию из уголовного дела. И то ли тундра, тюрьма и больничные страдания неузнаваемо изменили его фас и профиль, то ли сыскари были очарованы пыжовским талантом сказителя, но они охотно поддались рассказам об обстоятельствах его увечья и попадания в больницу.

— Лично для меня, — заключил свой рассказ бывший прокурор, а ныне бизнесмен А. Р. Андреев, — это вроде бы «обыкновенное чудо» до сих пор остаётся загадкой: то ли опера были настолько тупые, то ли Пыжов оказался непризнанным артистом разговорного жанра!.. А возможно, оба эти обстоятельства благополучно наложились на его незавидную судьбу...

«Антигерои» изложенного мной вкратце и не реализованного blockbuster'a были приговорены самым справедливым судом в мире к различным срокам лишения свободы, уже и не помню каким. Дальнейшая их судьба мне тоже неизвестна... Слышал, правда, что Стоцкий в УИТУ снова отличился: захватил в заложницы сотрудницу СИЗО и выдвинул какие-то требования. Сухой, поджарый, он и внешне, и по своей натуре напоминал мне волка, готового внезапно прыгнуть на вас и вцепиться в горло. Полная противоположность своему случайному сокамернику: рыхлый тюфяк, готовый подчиняться и слепо следовать за хищником, подобным Стоцкому...

2. «Аквилон» Андреева — ровесник «ЮКОСа»... Миллион алых роз

Весной 1993 года моя жена, Нина Павловна, на короткое время угодила бухгалтером в магазин по улице Желез-

нодорожников и вскоре поняла, что ловить тут нечего. Мало того, что учётная документация досталась ей в неимоверно запущенном состоянии, так ещё и рабочее помещение ассоциировалось с душегубкой. Средине апреля, а витринное окно офиса, лишённое жалюзи и даже примитивной занавески, с утра превращалось в линзу, а лучи светила — в лазерную пушку, и атмосфера в убогом закутке накалялась, как в сауне. Мысль о побеге возникла сразу — ещё до записи в трудовую книжку о приёме на эту работу. Этой регистрации, кстати, благополучно удалось избежать.

В какой-то газете Нина набрела на объявление: некоему АО с мифологическим именем «Аквилон» требуется главный бухгалтер на конкурсной основе. На своих «Жигулях» я доставил на красноярскую Красную площадь взволнованную жену на кастинг в аудиторской фирме. Здесь письменными ответами на хитроумные вопросы она доказала своё превосходство над десятком других претенденток. После чего удостоилась приёма боссом акционерного общества «Аквилон» Александром Рафаиловичем Андреевым и убедила его в том же. И в тот же день, 30 апреля, она, начальник бухотдела без единого подчинённого, сидела, играя на клавишах уходящих в прошлое калькулятора и пишущей машинки. Хотя до этого работала на компьютере по программе бухучёта БЭСМ. Многолетний опыт позволил ей без труда вручную включиться в премудрости учёта деятельности нового капиталистического предприятия того же типа, что и печально известная нефтяная компания «ЮКОС». Созданная Ходорковским, заметим, по иронии судьбы в то же время, что и «Аквилон», — 15 апреля 1993 года постановлением правительства Российской Федерации № 354, подписанным премьером Черномырдиным.

На первомайский корпоратив был приглашён в офис «Аквилона» и я — как супруг главбухши. Контора обособилась в нескольких арендованных комнатах, превращённых в отремонтированные под Европу кабинеты, на втором этаже девятиэтажного общежития, в приятном соседстве с белокаменной тюрьмой. Я был приятно удивлён богато сервированным столом и радушием хозяина фирмы. И в дальнейшем пиры с музыкой и танцами устраивались по разному поводу, вплоть до именин уборщицы, поскольку фирма развивалась как на дрожжах, прирастая всё новыми АЗС,

дающими миллионы и миллионы бензино-масляных стремительно дешевеющих рублей.

В марте следующего года моей жене, главбуху фирмы, исполнился сороковник. И директор Александр Рафаилович на роскошном корпоративе с разлитым морем вин и неведомых в советские времена напитков, вроде виски и амаретто, преподнёс Нине Павловне сорок одну розу в эмалированном ведре. Мол, сорок лет не отмечают, но, в обход предрассудка, сорок плюс одна — это как индульгенция на продление лет и аванс на будущее. Прогноз оправдался: прошло двадцать лет, и моя Ниночка всё такая же розочка...

Жена уверяла, что собранные с АЗС в качестве дневной выручки деньги, тогда стремительно терявшие реальную стоимость, в банк возили в набитых до предела мешках. Но и кредиты в этих ростовщических конторах выдавались для расширения предприятия под триста и более процентов годовых. Их снижение до двухсот восьмидесяти было воспринято руководством всеобщим ликованием. Будущее рисовалось радужным, а возвращение долгов — отдалённой реальностью. Фирму укомплектовали компьютерами, на входе сидел дюжий охранник, не впускающий в офис кого попало. Всё как в лучших домах Лондонов и Парижей...

Я после работы на своих «Жигулях» приезжал в «Аквилон» — установились дружеские отношения едва ли не с первой встречи на почве либерализма и отрицания коммунизма. Он, недавний прокурор, и я, пока, как и он, директор госпредприятия в стадии приватизации, оба вышедшие из КПСС вслед за Борисом Ельциным, нашли много общего в нашем прошлом. С разницей в двадцать один год (я — с тридцать третьего, он — с пятьдесят четвёртого) родились в средней России — в Поволжье. И в армии — в разные годы, конечно, — послужили на Дальнем Востоке: он — в знакомом мне Уссурийске старшиной автомобильной роты, а я лейтенантом командовал пулемётным взводом в Китае, в районе Порт-Артур — Дальний. Оттуда на месяц выезжал в командировку в Уссурийск. И даже в один институт поступали — в Казанский авиационный: он — неудачно, а я в нём закончил почти три курса, а остальные три — вечерником в Красноярском политехническом институте. Из казанского вуза турнули за развод с первой женой. На момент нашего знакомства я жил с третьей суженой в законном браке.

А Саша Андреев — в гражданском состоянии со второй подругой, своей амбициозной секретаршей.

3. Донор либералов по моей вине

Вскоре я — как значилось в моём пропуске в «серый дом», неоплачиваемый референт полномочного представителя Президента в Красноярском крае Юрия Москвича — внедрил Александра Андреева в аппарат представительства. И он тоже стал активным ельцинистом и спонсором при выполнении разных политических мероприятий.

На следующий, девяносто четвёртый, год я, как делегат и помощник депутата Госдумы Владимира Тетельмина и член съездовской редакционной комиссии от красноярского региона, поучаствовал в начале июня в работе Учредительного съезда партии «Демократический выбор России» (ДВР), родившейся из блока «Выбор России». Ещё до открытия съезда, до 12 июня, встречался с её председателем Егором Гайдаром и прочими известными — для многих одиозными и оплётанными — личностями, вроде либералов Чубайса и Пономарёва. О моём разговоре с Егором Тиму-

ровичем за столом на устроенном им ужине для членов редакционной комиссии в ресторане гостиницы «Севастополь» я писал в газетах и книге «Красноярск: ГКЧП без баррикад». Как и о встрече с Анатолием Чубайсом в его офисе, где были изобретены пресловутые ваучеры. И откуда, как из роддома или из преисподней, словно бесы, выпорхнули первые олигархи, чтобы пло-

Александр Андреев с Александром Починком, депутатом Госдумы, сенатором, экс-министром РФ. 28.11.1996

диться и размножаться не на радость дорогим россиянам. Теперь сотне этих хищников принадлежат самые лакомые куски российской экономики...

Егору Гайдару я задал вопрос, куда он девал сбережения советских граждан из Сбербанка СССР. Он ответил просто: их, мол, там уже и не было! Были, да сплыли!.. А рыжий-конопатый Толик с приклатнённой чёлочкой, когда я напомнил ему о своём личном обещании господину Кириллину передать государственное помещение под офис руководимой им ячейки Союза правых сил в Дивногорске, проявил присущую хитрецам изворотливость:

— Да, Чубайс ему обещал! Ну и что же? Я — Чубайс! Фамилия у меня такая — Чубайс!.. Передайте ему это...

«Это» я Кириллину и передал, а помещение он ждёт до сих пор. Или, скорее всего, плюнул и стёр из памяти те окаянные дни. Мечте покойного Гайдара о создании предпосылки «экономического чуда на российской почве» тоже не суждено было сбыться. И партии не стало, и её рано почивший вождь унёс в могилу многие тайны недавнего прошлого постсоветской России...

В Красноярске, после съезда, я был избран членом политсовета и исполкома краевого отделения СПС, публиковал статьи, стихи и басни в газетах. На публичных встречах с заезжими американцами переводил их речи на русский, а наших говорунов — на английский.

А мой протезе Александр Андреев вскоре стал более желанным и любимым местным руководством СПС членом, чем я. Небескорыстно, мне думается. Поскольку, наряду с другими бизнесменами, участвовал в финансировании многих либеральных акций нашей уже, как и КПСС, давненько не существующей партии и покойного вождя одной — сладкогубого Егора Гайдара, почти ровесника моего многострадального сына Константина, умершего в том же возрасте.

4. Первые университеты уроженца Сявы

Прочёл краткий биографический очерк, написанный самим Александром Рафаиловичем, и желание сочинить о нём поэму — не совсем серьёзную, несмотря на тяжкие перипетии судьбы героя, — возникло само собой. Подражать

не умею, а то бы зачал её, как Маяковский: «Время, начинаю об Андрееве рассказ, живом и невредимом бизнесмене...» Или так: «В нижегородской позабытой Сяве родился обыкновенный мальчик Саша...»

Но чтобы оценить всю глубину моего творения, считаю уместным ознакомить читателя с прозаической биографией его главного персонажа. В этом жизнеописании я увидел, что и он, по Маяковскому, «за всех смог направлять потоки явлений» как пока не признанный пророк, но обыкновенный гений.

Кто бы из нас узнал о деревне Сяве Нижегородской губернии, если бы там 16 мая 1954 года не появился на свет необыкновенный пацан Саша, сконструированный его родителями Андреевыми — мамой Фаиной Михайловной (в девичестве Ковязиной) и папой Рафаилом Александровичем?

Накануне своего шестидесятилетия Александр Рафаилович утверждает, что по случаю его рождения некий Никита Хрущёв подарил Украине Крым. У меня же диаметрально противоположное мнение: жулик Никита тогда обокрал ребёнка-несмышлёныша. А нынешний вождь и учитель вернул украденный полуостров его законному владельцу-россиянину Андрееву на его юбилей, пусть и навсегда поссорив москалей с хохлами.

Девять лет прожил Саша в Сяве, окончил там два класса, когда его родителям вздумалось ускорить прирастание мощи России Сибирию. И летом 1963 года семья Андреевых пополнила население Красноярска, поселившись в коммуналке дома номер пять по улице Быковского. Условия жизни — коммунистические: комната восемнадцать квадратов на четверых (после Саши родилась его сестрёнка Ирочка), кухня, туалет, ванная на шесть семей — почти первобытные пещерки вблизи Бадалыка, в те годы ещё не заселённого покойниками. А для детей — будущих строителей светлого здания коммуны — жизнь прекрасная: гоняй футбол во дворе, летом и ранней осенью собирай ягоды, грибы, кедровые шишки в тайге, а щавель — на Бадалыке. Зимой гоняй на лыжах по сопкам и равнинам. И слушай «Я люблю тебя, жизнь» в исполнении Марка Бернеса, а почти тайком — Элвиса Пресли «My love».

У мамы и папы свои заботы: она оглушает себя хардрокком компрессоров на промбазе и в «Горгазе», а папаня ка-

лымит на северах, присылает деньги и отдаляется от семьи. Учёба на четыре и пять в школе № 85 Саше даётся легко: он хоть и непоседа, но малый прилежный и самолюбивый — дураком выглядеть не хочет. Но и с мальчишами-плохишами дружбу водит. В баталиях дворовых и микрорайонных масштабов драчунов, ему равных, мать-история не знала. Однако, счастливо избежав приводов в милицию, будущий прокурор и коммунист не испортил своей биографии хулиганством и воровством. А после того, как был пойман дачником на воровстве яблок и посажен до полусуток в подвал, наконец завязал с присвоением чужого... Игра в террориста с бутылками смеси карбида с водой — неким прообразом нынешнего «коктейля Молотова» — тоже наскучила.

Такому переосмыслению своего поведения в большой степени способствовали его успехи в спорте. Два сезона в свои четырнадцать-пятнадцать лет он уже играл в победоносной юношеской сборной команде «Металлург» вместе с легендарным футболистом и тренером Олегом Романцевым.

Не исключено, что и Александр Андреев при жизни стал бы футбольной легендой, если бы маме не вздумалось переехать с её новым мужем Николаем Афанасьевичем и детьми — Сашей и его сестрёнкой Иррой — к её родителям в Кировскую область, в городок Халтурин. Это большевики переименовали Орлов в честь террориста Халтурина, устроившего неудачное покушение в Зимнем дворце на Александра II, а в следующем, 1882-м, году повешенного в Одессе за участие в убийстве военного прокурора С. Н. Стрельникова. Слава Богу, такой же участи избежал через век с лишним прокурор Кежемского района Красноярского края А. Р. Андреев, уйдя в народ, чтобы стать либеральным бизнесменом.

А о городе Халтурине на красавице Вятке, с его масло-сыроделательным заводом, мебельной и культтоварной фабриками, Александр Рафаилович вспоминает с сердечной теплотой. Там он и на Вятке рыбачил — стерлядку, леща и окуней ловил, и школу закончил, и первый взрослый разряд по бегу на лыжах упорными тренировками и участием в соревнованиях разного ранга заработал. Там же стихи Эдуарда Асадова и лирические песни полюбил: «Я буду ждать тебя», «Песня о медведях», «Горная дорога», «Не повторяется такое никогда»... И сделал подготовительный шаг к работе в

правоохранительных органах: вступил в комсомольский оперативный отряд и опекал покой халтуринцев вечерами на танцах в ГорДК и Летнем парке. Хотя об этом и не думал: его мечтой — как и у автора этих строк — было стать лётчиком-истребителем. Тёзку подвело зрение, а меня после окончания Казанского суворовского — хроническая ангина. И в 1951-м — «приземлили» в Рязанское пехотное училище, а Сашу в 1971-м «кинули», как упоминалось выше, на вступительных экзаменах в Казанский авиационный институт, и он начал проходить свои университеты на Халтуринской фабрике культтоваров грузчиком-упаковщиком шахмат. А параллельно с погрузкой шахмат окончил и автомобильные курсы, став обладателем профессиональных прав шофёра. И столь любимая им недавно небесная песня «Есть одна у лётчика мечта — высота» поневоле сменилась на менее лиричную, земную: «Крепче за баранку держись, шофёр!»

5. «Старшину роты Андреева — разжаловать!..»

Водительские права послужили для Андреева пропуском в ближайшее будущее. Так, эта одна из самых массовых и в советские, да и в нынешние времена профессий в том же году определила его «путь-дорожку фронтовую». Под душещипательный марш «Прощание славянки» он, рядовой-необученный из вятского Халтурина, оказался на Дальнем Востоке, под Уссурийском, в учебном подразделении автомобильных войск. Где, по его словам, совершил головокружительную воинскую карьеру: через полгода был назначен замом командира взвода, а через год — старшиной роты. В подчинении — сто шестьдесят пять человек.

Неоднократно дрался с ровесниками против разлагающей армию дедовщины. А за два месяца до дембеля сам угодил в число «разлагателей» дисциплины: погорел на самоволке, получил пятнадцать суток «губы» и лишился старшинской должности. Шерше ля фам: влюбился в уссурийку и пустился в «самоход», дабы сорвать с милой «сладку ягоду». Однако после «губы» и разжалования вкус к армейской службе не потерял и сдал документы для поступления в Уссурийское военное автомобильное училище. А в последний момент перед дембелем почему-то передумал, затосковав о гражданке.

6. Из Сысерти уральской — в амурскую Тынду, на БАМ

Александрю Андрееву стукнуло двадцать... В ноябре 1974 года под песни «Колёса диктуют вагонные» и «Я так давно не видел маму» он прифрахтованным дембелем возвращается домой. Но не в Халтурин, а на Урал — в городок Сысерть, построенный в 1733 году (ровно за двести лет до рождения автора данного эссе) на одноимённой реке под Екатеринбургом, тогда ещё Свердловском. Туда из Халтурина переехали мать Фаина Михайловна с отчимом Николаем Афанасьевичем и сестрой Ириной.

После знакомства с «заместителем» своего родного папы и скромного праздника возвращения на гражданку Александр направил документы для поступления в Уральский горный институт, на геологический факультет, но, как и в случае с автомобильным училищем, посвятить себя этой профессии передумал. А дома нахлебником жить было бы не по-джентльменски. Единственным стоящим предприятием в Сысерти был завод «Уралгидромаш», но Андреева здесь явно не ждали: в рабочих кадрах завод не нуждался. Поэтому, и месяца не прожив дома, Саша в декабре 1974 года, напившись из газет, радио и армейских политинформаций романтическим духом великих строек коммунизма, направился на БАМ, в Тынду. С благородным намерением: водителем КАМАЗа обесмертить себя участием в строительстве железнодорожной магистрали от Амура до Байкала, воспетой всеми СМИ Советского Союза как земной рай в зелёном море тайги.

Прикатил в общем вагоне из Сысерти в Тынду и понял, что попал с точностью наоборот — из уральской дыры в ад крошечный. Но не с котлами расплавленной смолы или серы, а мало пригодным для дыхания воздухом, остуженным до минус пятидесяти пяти по Цельсию. Три дня промаялся в коридоре на раскладушке далеко не пятизвёздочной одноэтажной деревянной гостиницы. В отделе кадров недавнему дембелю с водительскими правами было предложено всего-то два-три месяца поработать романтиком-ремонтником и ночевать на шконке в тёмном закутке в загазованном, промасленном гараже, с ограниченными удобствами на улице.

А там, коль повезёт, и новый КАМАЗ для комсомольца-добровольца подадут на блюдечке с золотой каёмочкой.

7. Все дороги ведут в Красноярск

Короче, всю романтическую блажь у парня из мозгов северным сквозняком выдуло. Тем более что и после трёх месяцев обитания в гараже свободных мест в рабочем общезитии не предвиделось. И советский «Гарун бежал быстрее лани» из гиблой Тынды домой, в Сысерть. А попутно остановился у школьного друга в Красноярске. Да в этом городе детства так и застрял. Поскольку на Красноярском металлургическом заводе, КраМЗе, без проволочек оформился на работу водителем, и место в рабочем общезитии администрация гостеприимно предоставила.

— Хорошее было время, — вспоминает Александр Рафаилович. — Весной отвозил бригаду отделочников для подготовки пионерлагеря к сезону в Сухобузимский район и на весь день был предоставлен самому себе. Параллельно поступил на подготовительные курсы в Красноярский технологический институт. Долго выбирал своё будущее между технарём и юристом. Победило желание творить справедливость, поэтому в июле семьдесят пятого поступил на юридический факультет местного универа.

Легко сказать: справедливость!.. Весьма мрачно некогда пошутил по поводу этого слова поэт Максимилиан Волошин:

Не справедливость ли была всегда
Таблицей умноженья, на которой
Труп множили на труп,
Убийство на убийство
И зло на зло?..

Наш саявинский мечтатель Андреев недаром потерял веру в существование справедливости за годы прокурорской ипостаси, а потом, испытав не меньшие разочарования, пройдя сквозь предпринимательские тернии, — и в развитие малого и среднего бизнеса на Руси. Откаты пока очень похожи на закаты этого сектора экономики, если власть не спохватится и не станет его развивать и поддерживать, а не гробить налогами и поборами... Пока что у неё уже двадцать с лишним лет это прекрасно получается в угоду олигархам и чиновничьему во-

рю. А теперь, когда жареный американо-украинский петух с натовским соусом клюнул путинскую Россию, живущую на газово-нефтяной игле, в обращённый к Западу зад и когда рубль на тонких ножках побежал от доллара с евро к нулевой отметке, законодатели и правительство через ангажированные СМИ верещат в растерянности, что такой подлости от США и ЕС не ожидали. И под шумок продолжается гнобление и глумление над свободным предпринимательством на фоне падения ВВП и разворовывания бюджетных средств.

Однако автор разгорячился и забегает на многие годы поперёд батьки в современное пекло.

Студенческие годы Андреев вспоминает с ностальгической усмешкой:

— Ещё до поступления в университет я на красноярских «Столбах», при романтических обстоятельствах, познакомился со своей первой женой, Ириной Маковоз. Результат этой любви — дочь Лариса. Она родилась в семьдесят седьмом году, семнадцатого марта. А нынче счастливо живёт в Дудинке, родила очаровательных внука и внучку. Своим умом и упорством получила два высших образования. Воспитывает детей и помогает в бизнесе мужу... А я в студенческие годы постоянно работал дворником, сторожем, чистильщиком на валяльно-войлочной фабрике. Четыре раза был в стройотрядах, в том числе в Красноярске на лесотасках, на Сахалине на путине, в Норильске на ремонте железных дорог. А на КАТЭК поехал со студентами университета командиром стройотряда, опираясь на свой армейский опыт начальствования в качестве старшины автороты.

...И снова — это уже зловредные домыслы старого автора — нынешняя власть, сделав вид, что поумнела, возвращается к старому на новый лад: к субботникам, студотрядам, народным дружинам, БГТО и тому подобному, до зубной и сердечной боли знакомому.

А что случилось и станет с Александром Рафаиловичем Андреевым на ниве малого бизнеса и перемен в его личной и трудовой жизни, читателям «Нового Енисейского литератора» автор постарается обрисовать в одном из грядущих номеров нашего альманаха...

Красноярск — пос. Памяти 13 Борцов, март 2015

Галина ЗЕЛЕНКИНА

Когинск

Член Союза писателей России. Член редакционного совета «Нового Енисейского литератора». Публиковалась в журналах «Российский колокол», «Детская роман-газета», литературных журналах Украины, Молдовы, Крыма, Чехии и Германии.

НЕ ВЕРЬТЕ, ЧТО УБИТЫ МЫ

*Не верьте, что убиты мы, пока
в приказе нет параграфа о смерти.
Мы в ад спустились через облака,
а в том аду есть ангелы и черти.*

*Там зной палящий плавит провода
и пот солёный заливает лица.
Из раны кровь течёт, а не вода,
не может ею жажда утолиться.*

*Боль души разрывает на куски,
когда взрывает пуля мозг и тело,
и инеем ложится на виски
у тех, кого дыханьем смерть задела.*

*Они уже не верят в чудеса,
что выжить сможет кто-то в круговерти,
где ангелы взбивают небеса
и адрес смерти пишут на конверте.*

*Рассудку вопреки расчёт в строю
ведём по душам, что бессмертны в целом.
Им место приготовлено в раю,
а их в аду враг держит под прицелом.*

*Не верьте, что убиты мы, пока
в приказе нет параграфа о смерти.*

*Мы в жизни остаёмся на века,
мы вечны будем в этой круговерти.*

2010

СОЛДАТСКАЯ ДУША

*Выпала кровавая роса
на траве, обнявшей стан берёзы:
то ли неба плакали глаза,
то ли сердца раненого слёзы.*

*Умирают птицы на лету,
а солдат,
 как будто бы споткнувшись,
падает за времени черту,
от земли ногами оттолкнувшись.*

*И летит солдатская душа
в небо, где тоскуют души птичьи,
и на кровь, что капает с ножа,
смотрит павший воин
 с безразличьем.*

*Умирают птицы на лету,
а солдат,
 как будто бы споткнувшись,
падает за времени черту,
от земли ногами оттолкнувшись.*

*Посмотри на небо ясным днём —
и увидишь в радужном сиянье,
как душа солдатская огнём
пишет: «Будем живы, россияне!»*

2010

НА ВЫСОТЕ С НАЗВАНЬЕМ КРАТКИМ «ЖИЗНЬ»

Владимиру Давыденко

*Вердикт на смерть не вынесен пока,
судьба на время выдала отсрочку,
чтоб к вечности полёт сквозь облака
мы совершить смогли поодиночке.*

*Мы с ангелом-хранителем на «ты».
Какие могут быть меж нами счёты?
Должны врагов мы выбить с высоты,
где смерть — издержки воинской работы.*

*На высоте с названьем кратким «Жизнь» —
прочь из души тревоги и сомненья!
Ты с выстрелом на миг не задержись,
чтоб жизнь мою продолжить на мгновенье.*

*И я не задержусь наверняка,
врагов своих изрешечу, как сито;
дорога в небо будет нелегка
тем, у кого душа свинцом набита.*

*Мы с ангелом-хранителем на «ты».
Какие могут быть меж нами счёты?
Должны врагов мы выбить с высоты,
где смерть — издержки воинской работы.*

2010

ТЫ ЗАЖГИ МНЕ СВЕЧУ

*Ты зажги мне свечу в день моих именин.
Я ни жив и ни мёртв, в небе птицей летая,*

*где прощальным салютом из вражеских мин
встретил мой самолёт день девятого мая.*

*Тяжело умирать на исходе войны
и искать свой угол без привычного тела,
и парят в вышине, словно вечные сны,
души тех, кто воюет за правое дело.*

*Ты зажги мне свечу в день моих именин,
пусть её огонёк в храм укажет дорогу.
И туда мой придёт не родившийся сын
и меня проведёт сквозь чистилище к Богу.*

*Может быть, мне Господь крылья лёгкие даст
и отправит служить в лётный полк, где я не был.
В том небесном полку нет ни званий, ни каст,
все пилоты — хранители мирного неба.*

2010

ШТРАФНАЯ РОТА

*Не стройте вы, ребята, в облаках
воздушных замков для мечты крылатой,
носите лучше вечность на руках,
чтоб на суде была вам адвокатом.*

*Порою смерть чеканит шаг не в такт,
ведь нет у многих воинской сноровки.
Мы — пушечное мясо для атак,
а иногда — для рекогносцировки.*

*Чеканит смертью шаг штрафная рота,
ей выдал визу в небо трибунал,
и копь в живых оставит Бог кого-то,
то лишь за то, что Бога вспоминал.*

*«За мной! В атаку!» — крикнул капитан,
он с нами в бой ходил уже два раза,
и первым умер от смертельных ран.
На поле брани выжить нет приказа.*

*Нам не дадут посмертно ордена
и не присвоят звание Героя.
Нас вне закона ставит не страна,
а те, которых в трибунале трое.*

*Враг побеждён, по ду́шам недочёт,
и кто-то написал: в том смерть повинна.
Но у того, кто выжил, свой расчёт
за каждого убитого безвинно.*

*За каждого убитого в боях
мы отживём, отслужим и отлюбим.
Судьба нам жизнь гавала на паях,
и мы всегда про это помнить будем.*

2010

ПУСТЬ ВЕРНЁТСЯ

*Я стою на мосту горбатым
среди невысказанной тишины,
как и мать стояла когда-то,
ожидая отца с войны.*

*То ли тропочка стала уже
между памятью лет и мной;
ожидая со службы мужа:
вдруг однажды придёт домой?*

*Помоги мне, Господь, по гужбе,
чтоб вернулся мой муж живым.*

*На войне и военной службе
смерть не ходит путём кривым.*

*Не в свинцовом гробу треклятом,
обрекающем на нужду,
а как мой отец в сорок пятом.
Пусть вернётся мой муж. Я жду...*

2009

ВETERAНАМ

*Не преъявляя счёт за трудность жизни,
пройдя сквозь невниманье и враньё,
вы не кричали о любви к Отчизне,
а молча умирали за неё.*

*И пусть болят от непогоды раны,
и пусть обид и горестей не счесть.
Российские солдаты-ветераны,
как хорошо, что вы на свете есть.*

*И пусть не обо всех напишут повесть
и многих неизвестны имена.
Вы — честь России и народа совесть
на долгие, надеюсь, времена.*

2010

УПАЛИ С НЕБА ЗВЁЗДЫ НА ПОГОНЫ

*Упали с неба звёзды на погоны.
Комбриг заметил: «Лишние, не в счёт!
Штабист из наркомата обороны
все звёзды взял себе на подотчёт».*

*Но мы ему простим стремленье к славе,
кто любит славу — выслужиться рад.
Лишь тот, кто жизнь готов отдать державе,
не ждёт взамен ни званий, ни наград.*

*Опять туман в порту Линахамари
упал на сопки до утра поспать,
а мы вслепую, с нервами из стали,
идём, и с нами Бог и Божья Мать.*

*Вот поворот, заходим в заводь тихо,
нас не заметил вражеский дозор.
Под киль семь футов — и пусть будет лихо
тому, с кем мы затеем разговор.*

*Упали с неба звёзды на погоны
и многим указали к Богу путь.
Штабист из наркомата обороны
Звезду Героя вывесил на грудь.*

*Но мы ему простим стремленье к славе,
кто любит славу — выслужиться рад.
Лишь тот, кто жизнь готов отдать державе,
не ждёт взамен ни званий, ни наград.*

2010

НАМ НЕ ДАНО СУДЬБОЙ ВЛАДЕТЬ

*Нам не дано судьбой владеть,
ей управляют свыше.
Когда включает счётчик смерть,
страх разума не слышит.*

*Войной израненный закат
обнял чужое небо.*

*Последним сном заснул солдат
в краю, где прежде не был.*

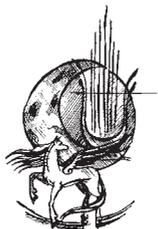
*Его невеста не ждала,
и только мать седая
молилась, чтоб не догнала
сыночка пуля злая.*

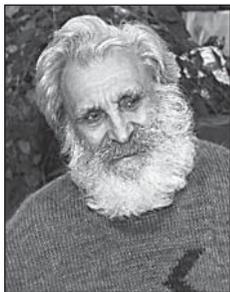
*Её молитва не дошла
до Божьего чертога,
и за солдатом смерть пришла
без повеленья Бога.*

*Со стоном уронила мать
на стол конверт бумажный.
Война умеет убивать
одною пулей дважды.*

*Нам не дано судьбой владеть,
богат ты или нищий.
Кого-то настигает смерть,
а кто-то её ищет.*

2005

Евгений МАРТЫНОВ

Зеленогорск

Член Союза российских писателей. Постоянный автор «Нового Енисейского литератора».

СЫНЫ

Быль

Колонна «тридцатьчетвёрок» отдельного танкового батальона 39-го полка 2-го Украинского фронта, миновав под покровом ночи линию фронта, мчалась — ревели дизели, цокали железные гусеницы — в тылу врага ранним утром в конце февраля 1945 года берегом, изрытым бомбами и минами, похожим на коросту, вдоль озера Балатон (Венгрия). И была атакована нападающими с воздуха гневными штурмовиками. Десант головного танка роты управления, а следовательно, и военфельдшера, младшего лейтенанта медицинской службы Мартынова Александра Андреевича, с брони на обочины тракта как ветром сдуло.

Дивно серебриющийся в косых лучах утреннего солнца, лоснился живоглот-самолёт. И плавно пикировал прямо на Мартынова! Напряглись все жилы Александра.

Хорошо были видны чёрные, как вороны, кресты на крыльях и продолговатые, как у акул, телá бомб на животе фюзеляжа. Вот они отделились от «брюха» и стали приотставать... штурмовик с истощным воем приближался к жертвам.

— Куда ты прёшь, мать твою?!..

Не успел военфельдшер, по гражданской специальности — «народный учитель», мой, Женьки Мартынова, отец, залечь, как раздался оглушающий взрыв передовой бомбы огромной разрушительной силы. Медика турнуло, подбросило и шмякнуло на грунт.

Очнулся оглохший Александр от острой боли между рёбер. Клок гимнастёрки с нагрудными карманами был с мясом содран осколком.

Александр непроизвольно глянул на небо. Три вызывающие ужас мобильные массивные бомбы, отщепенки от очередного самолёта, опять явственно держали курс на младшего лейтенанта.

Стащив через голову скатку шинели и придерживая каску, а у бедра санитарную сумку руками, Мартынов, согласно одному из поверий умудрённых, бывалых фронтовиков: в одну воронку две бомбы не ложатся,— без раздумья спрыгнул, как в могилу, в ближнюю яму, только что образовавшуюся от взрыва. Не предполагая, что она окажется такой глубины.

Штурмовик солировал.

...Бесило: как ни бился Александр, пять попыток выбраться из этой ловушки были безрезультатны.

Силы Мартынова иссякали. На нет...

«Если бы не тяжёлое ранение под Ленинградом в руку да не это вот!..» — подумал младший лейтенант. И безысходная тоска звериная навалилась на Александра.

— За что немилость? — спрашивал он то ли себя, то ли небо, ревущее над головой.— Так и в плен угодишь!..

Снова промелькнул пикировщик. Опять послышались глухие взрывы. Прижалось к земле спиной тело лейтенанта. Хрипело в груди. Ныла рана.

И ещё три попытки выкарабкаться — напрасны.

«Труба, хана медведю сибирскому!..» — мелькнула мысль. Нахлынули неестественные, доселе неслыханные ужасающие шумы в голове военфельдшера. Вынудили содрогнуться. Мороз пробежал по коже. Правая рука нехотя расстегнула кобуру пистолета...

И тут вдруг сверху, будто из небытия, в отдушине у контура воронки перед взором Мартынова явственно показались лохматые головы с выразительными лицами нас, его сыновей-детдомовцев — Женьки, то есть меня, постарше, и Вовки. Они (мы) протягивали руки отцу, норовили дотянуться. Звали.

Очутившись на поверхности, Александр осмотрелся. Снял пену и землю с губ тыльной стороной окровавленной ладони.

На метр от периметра воронки горела прошлогодняя трава. И... неподалёку, на холмике, на вершинке пустотелого ку-

ста, похожего на сибирский шиповник, — невероятно! — пел соловей: «*Скоро лето! Я славлю жизнь!..*» — широко раскрывая клюв и то приподнимая, то приспуская крыльшки в такт с т р е м и т е л ь н ы м руладам. Пел залихватски! Талантливо. Жизнь *по-весеннему* отрицала смерть, смерть уступала жизни.

Ураган минул.

— *Чибис над Балатоном?!..* Что ли, с луны свалился? — воскликнул Александр, выросший в старинной сибирской деревне Аксёново Омской области, что на берегу озера Шляпино.

Хорошо играющий на гармошке, сам умеющий петь прилично, Мартынов улыбнулся, быстро надевал на себя недостающую военную атрибутику — скатку шинели, сумки полевую и санитарную — и, поправив каску на голове, прижимая правую ладонь к бреши в грудной клетке, з а с л у ш а л с я было, преодолевая боль. Солнце, поднимаясь над горизонтом, уже ослепляло. *Соловей пел!..*

Лоснился плёс озера.

«Чего доброго, в плен попадёшь на исходе войны-то», — подумал Мартынов, а это ему, сыну раскулаченных в 1931 году и сосланных ни за что ни про что за Васюганские болота в верховьях Оби, да там и почивших родителей, было заказано. И он поспешил на запад..

И звенел в небе
Трепетный жаворонок —
Невероятно!..

«Сыт по горло, — на бегу думалось Александру, — кровью-то я; без вины виноватый, её... окупил дважды. Теперь только догнать бы своих собратьев, а там... хоть заявление о приёме в ряды Коммунистической партии подавай». Рекомендации фронтовые друзья отпишут, сомневаться в его преданности Родине не станут. Александр оглянулся.

Солнце. Лучи — как ставни. Чайки...

Бежать Мартынову пришлось недолго. Как оказалось, стрелянный волк — механик-водитель — при налёте штурмовиков, с целью спасти технику, спустил свою «тридцатьчетвёрку» ближе к озеру. В небольшой овражек. В заросли ракит, возле сонных остовов зданий курорта. Соразмерно

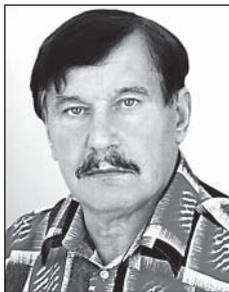
с боевой обстановкой. И с одним из рядовых танкистов десанта, засучив рукава, стал заменять два покалеченных осколками трака левой гусеницы. Война продолжалась.

Подчинённый военфельдшера роты управления сержант-санинструктор смотал с его груди намокший, пропитанный кровью, бинт, сделал перевязку заново, и младший лейтенант Мартынов до команды «По машинам!» стал, в свою очередь, умело, наравне с подчинённым ему младшим медперсоналом, оказывать помощь подтягивающимся раненым танкистам десанта.

Касательное осколочное ранение грудной клетки Мартынова было подлечено во время будней передышки между боями в полевом госпитале. А что касается глубокой контузии головы («Пустячок, ну тоже мне...») — так кто тогда, право же, обращал серьёзное внимание на шумы в голове? Чужим ушам не верили. А «шмель» в области мозжечка Александра Андреевича жужжал, жужжал, жужжал и жужжал.

Командный состав роты управления танкового батальона, указанного в рассказе-были «Сыны». Слева на переднем плане — мой отец, Мартынов Александр Андреевич. На обороте фотографии рукой моего отца карандашом написано следующее: «Чехословакия. В Угерском броде. На стадионе»

Сергей СТАВЕР

Назарово

Известный русский поэт. Лауреат, дипломант и номинант многих литературных, как всероссийских, так и региональных, конкурсов. В члены Союза российских писателей был принят по личной рекомендации В. П. Астафьева и Р. Х. Солнцева. Родился на станции Крутояр Красноярской железной дороги. Служил в армии, работал художником-оформителем. Стихи пишет с юных лет. Публиковался в журналах и альманахах «Енисей», «День и ночь», «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Огни Кузбасса» (Кемерово). Стихи включены в «Антологию современной сибирской поэзии».

ОДА РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Моим друзьям, русским писателям: Сергею Кузичкину, Василию Чернышеву и Сергею Короткову

*Не меркнувший в сферах земного, —
Изящен, могуч и велик! —
Несущий возвышенность слова,
Да здравствует русский язык!*

*Не надо ни аглицких новшеств,
Ни гальских жеманных причуд;
Любовь красотой приумножив,
Таланту поставит свечу.*

*Зажжёт её, к звёздам причислив
Творцов неподъёмных трудов,
За доблесть! За светлые мысли!
За подвиг былинных отцов!*

*И, поступью твёрдой шагая,
Не сдаст он позиций врагам.
Как русский народ — несгибаем!
Как пастырский посох, он прям!*

*Наг ним даже дьявол не властен.
Он в Боге: не глух и не слеп...*

*Он символ познания и счастья,
Он неба дарующий свет!*

*В живых воскрешает желанья,
Погибших в стихах отрыдав...
Сердце несгорающих пламень
Возводит в молитвенник правд!*

*А если не прав я — простите,
По жизни юлить не привык.
Дерзайте! Творите! Любите! —
Бессмертный наш русский язык!*

24 января 2015

Светлой памяти великого русского поэта Николая Рубцова

*В Никольском, в Тотье скорбный траур
И вечный праздник светлых сил!
Стяжал любовь, земную славу
Отчизны верный, добрый сын:*

*Большой талант, кудесник слова,
Он подло завистью убит!
Родной страной нерасцелован;
О нём лишь истина скорбит...*

*Колокола взывают к Богу;
Их звон сродни напевам лир!
Господь мостит певцу дорогу,
Молитвой кроткой сходит в мир...*

*Уходит в ночь прощальный вечер,
Мороз крещенский — зол и лют...
Пред алтарём слезятся свечи,
Поэт им был — и мил, и люб!*

*И чепуха, что неудачлив
И не любимчик королей...
Но лишь о нём в России плачет
И вновь горит звезда полей!*

25 января 2015

★★★

Инне Воскобойниковой

*Верность с любовью взаимна,
Греет, в беде бережёт...
Русская сказка и дива
Нас в Переделкино ждёт!*

*Кто она: лаган иль смирна,
Злато волхвов иль полёт?
Русская женщина Инна
Нас в Переделкино ждёт!*

*Кто она? В бурях и льдинах
Плот и спасённых оплот!
Русская женщина Инна
Нас в Переделкино ждёт.*

*Жизнь хороша и наивна:
Дом и стреляющий гот!
Русская женщина Инна
Нас в Переделкино ждёт.*

*Чёлн её в море не сгинет,
Сладостен мёд её сот!
Песнь её светлого гимна
Мир от печалей спасёт.*

14 октября 2014

★★★

*День продолжения просит,
Сердце — целебных молитв...
Здесь, в Переделкино, осень
Бродит по золоту лип.*

*Сплин и унынье не к месту,
Старец согбенный вновь юн!
Девы-берёзки — невесты —
К молодцу-ясеню льнут.*

*Вьёт себе гнёздышко ветер,
Ласково песни поёт...
Солнце всем с небушка светит;
Клён красной медью цветёт!*

*Торт сладкой вишни — как плата
Нежной вечерней зари...
Милая, ворохи злата
Прямо с асфальта бери!*

*Берег в туманную просинь
Воздухом розовым слит...
Здесь, в Переделкино, осень
Бродит по золоту лип!*

14 октября 2014

★★★

*Переделкино. Небо. Простор.
Воздух цвета апрельской лазури...
Догорает осинок костёр,
Как огонь на стволах амбразуры
Отстрелявшей осенней поры,
Затухая, грозит у калитки...
За калиткой другие миры,
Где на клумбах звенят маргаритки,*

*Красотой голубою маня —
Не меня, так особых прохожих...
Никого не коря, не вина,
Зазывают на красный порожек.
Тротуарчик из листьев и плит
На крыльцо наши взгляды уносит...
Пастернак здесь под золотом лип
Утверждал на княжение осень!*

28 октября 2014

★★★

Вере Грибниковой

*Два Сергея и Василий
У коллеги погостили.
Постучали в чудо-дверь,
Навестили город Тверь!
Верь, читатель, вправду диво
Я узрел и стал счастливым:
Там, у синих волжских вод,
Вера русская живёт!
Красоты неописанной,
Недоступна и желанна.
Я в глаза ей заглянул
И навеки утонул!*

*Два Сергея и Василий
Очень славно погостили:
Сытно ели, сладко пили
За великую Россию!
Прорубили к счастью дверь.
Полюбили город Тверь!
С Афанасием в лагье
Походили по земле.
Салтыкову-Щегрину
Поклонились за страну.*

*Там, у синих волжских вод,
Вера русская живёт!*

31 октября 2014

ЕЛЕНА И ЧЕТЫРЕ ЛЕЛЯ

*Летел троллейбус, встречу близя,
С уст отменяя гам и вздор...
И мы, стряхнув с кепчонок брызги,
Зашли толпой в московский дом.*

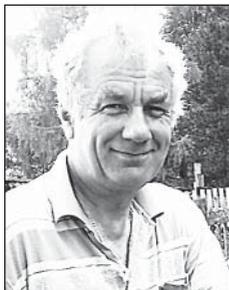
*Вёл Коротков к себе, я помню
Этаж и праздничный пирог;
Здесь Енисея бились волны
С волной кубанской о порог.*

*Взлетали тосты, и стихами
Поэты сыпали слова...
Здесь мы от славы отдыхали:
Россия Пушкина жива!*

*Хозяйка, мудрая Елена,
И сын их солнечный Иван
Нас пригласили пить за лето,
За исцеленье прежних ран.*

*И после тостов и закуски,
Чуть притомив судьбы коней...
Мы обнялись, как русский с русским, —
Четыре Леля наших дней!*

15 февраля 2015

Виталий НЕИЗВЕСТНЫХ

Байкист

Член Союза российских писателей. Представитель «Нового Енисейского литератора» в Эвенкии.

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ – 2

СЕСТРИЦА АЛЁНУШКА

0.

*Доброе утро, Алёна Январь!
Передо мной на столе календарь.
В календаре разноцветны листы,
Он между нами наводит мосты.*

*Доброе утро, Алёна Февраль!
Я сочинитель, придумщик и враль!
Я сочиняю тебя на ходу
И за собой в неизвестность веду.*

*Доброе утро, Алёнушка Март!
Встретить тебя — это праздник и фарт!
Мне подфартило. Я счастлив. Я рад.
Я поведу тебя в солнечный сад.*

*Доброе утро, Алёна Апрель!
Слышишь, как с крыш тараторит капель?
Что-то интимное шепчет весна.
За руки взяться торопит она.*

*Доброе утро, Алёнушка Май!
Ты моим вракам прилежно внимай.
Правда и ложь — это только медаль.
Стороны разные — общая галь.*

Доброе утро, Алёна Июнь!
Ты вся в цветах — огуванчиках-гунь.
Как парашютик цветочный с небес,
Сброшена ты в этот сказочный лес.

Доброе утро, Алёна Июль!
Дом и окно. Занавесочки-тюль!
Стол. На столе огородная снедь.
Здесь карамель не играет комедь.

Овощи гружно пришли на параз:
Репа, и редька, и сочный салат.
Август Алёна не входит в размер
Без применения экстренных мер.

Добрый день, Алёнушка Сен-Санс!
Стоп! Похоже, я впадаю в транс!
Добрый день, Алёна Сен-Симон!
Стоп! Похоже, я меняю тон!

Добрый день, Алёнушка Сентябрь!
Добрый день, Алёнушка Октябрь!
Добрый день, Алёнушка Ноябрь!
Добрый день, Алёнушка Декабрь!
Добрый день, Алёна Новый год!
Я люблю тебя, Алёна!
Вот...

1.

Добрый день, Алёнушка Среда!
Мой пейзаж заснежен и завьюжен!
Ты сегодня долго варишь ужин!
Впрочем, что я? Так же, как всегда.

Добрый день, Алёнушка Среда!
Мой пейзаж искрится. Всюду блёстки.
Новый год выходит на подмостки,
И издалека его видать.

Ненадолго выйду из строки.
Мой пейзаж — сплошной голимый ельник

*И небесный безотказный мельник,
Намолотивший на сто лет муки.*

*Жернова, кряхтя и вопия,
День и ночь вращает он упорно,
Превращая чернозём в ворона
В белую ворону бытия.*

*Добрый день, Алёнушка Четверг!
Пятница, Суббота, Воскресенье!
Крыш, дорог, заборов нетерпенье —
Всё бело. Повсюду снег поверх.*

*Добрый день, Алёнушка Среда!
Понедельник, Вторник и обратно.
Снег уже растаял безвозвратно
С возгласом: «Да здравствует вода!»*

2.

*Милая Алёнушка Причал!
Остров-В-Бурном-Море! Дебаркадер!
Я с улыбкой вспоминаю кадр,
Кратер, где тебя я повстречал.*

*Кисточки, мелки, карандаши,
Умная головка, в коей ветер.
Ты притихла, и тебя я встретил
Между изверженьями гуши.*

*Милая Алёнушка Вулкан!
Буйство-Красок! Жар-Пог-Слоем-Пепла!
От видений ты слегка ослепла,
И в руке твоей грозит стакан.*

P.S.

*Слизываю мёд с не винных губ,
Ощущаю терпкий запах виски.
Чей стакан, наполненный до риски?!
Чей стакан наполовину пуст?..*

БРАТЕЦ ИВАНУШКА

0.

*Или ВХОД, заменённый на ВЫХ...
Или ВДОХ, заменённый на ВЫДОХ;
Счастлив тот, кто остался в живых
В ежедневных житейских корридах.*

*Ах, житейская ярость слепа.
Фаренгейт снова целится в Цельсия.
В коридоре больничном толпа —
Значит, кто-то в палате поселится.*

*Доктор, глянув на градусник, сник,
Обозначив подобье улыбки.
Доходяги болезненный лик.
На руках прошлогодние цыпки.*

*За окном то июль, то январь.
Вместо пашни вокруг неудобья.
— Что ж ты делаешь, Божия тварь?
Где Тот образ и где То подобие?!*

*Побеседуй с больным тет-а-тет,
Обалдеешь от проблесков гения.
— Ах, скажи, что ты хочешь, поэт,
За свои еженощные бдения?..*

*Отряхнувшись от грязи людской —
Все поэты наивные дети, —
Он вдохнул окоём за рекой
И развёл костерок на паркете...*

1.

*Есть окно, распахнутое в мир.
Двери есть, чтоб выходить из дома.
Но превыше — липкая истома,
Лёгкая, прозрачная, как миф.*

*Есть газеты, книги, словари.
Есть, в конце концов, волшебный ящик.*

*Но гремать... гремать намного слаще.
В этом знали прелесть дикари.*

*«Посильнее раскрутить пращу.
Обглодать поверженного зверя...»
Дюжиной замков закрою двери
И на окнах шторы опущу.
«Рыская с копьём в глухой тайге,
Попадаю с первой же попытки...»
Видимо, фантазии в избытке —
Дёргается мышца на ноге.*

*Сладки грёмы, словно шоколад.
Ярки, словно с ягодой лукошко...
Стук в стекло, разбитое окошко
И динозаврёнка умный взгляд...*

2.

*Что в нашей жизни значат генежки — тити-мити,
Если, скажем, Добрыня их обернёт во зло?!
Горький осадок радости — луковица событий.
Пока кожуру счищаешь — событие произошло.*

*Вот отставной военный, вооружённый палочкой,
Всё ещё не утративший — чтоб воевать — запал.
Вот полоумный политик — как наливное яблочко —
Изводит себя вопросом, когда и где он упал.*

*Вот гурачок Иванушка — собственное хотение —
Делит пространство на двоё по типу: моя-твоя!
Здесь, мол, к генежной массе всемирное тяготение,
А рядышком — пресыщение яркостью бытия.*

*Согласно новейшим теориям — взятки с подшефных гладки,
Коль отработана схема и обеспечен ранг.
Деньги растут на деревьях, липнут, как моль к подкладке.
Их отдирают бережно, чтобы снести в сбербанк.*

*Доллар салатного цвета, ну чисто болотная тина,
Спрашивает заботливо: «Любишь меня аль нет?»
Сбоит и стонет от долларов Всемирная паутина,
Всемирная тяготина по имени Интернет...*

ФЛАГМАН

ПИСАТЕЛЬ НОМЕРА

Иван УРАЗОВ

Иван Владимирович УРАЗОВ родился в 1925 году в селе Аношкино Давыдовского района Воронежской области. В 1940 году семья переехала в Красноярский край, в деревню Северная Александровка Канского района. После окончания семилетки работал слесарем в «Заготзерне». В январе 1943 года был призван в Красную Армию. Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации в 1949 году работал на Красноярском паровозоагоноремонтном заводе и учился в школе рабочей молодёжи. В 1952 году поступил в Московский университет на факультет журналистики. Студентом 4-го курса проходил практику в Красноярском книжном издательстве и после окончания МГУ по персональному приглашению прибыл на работу в издательство. Тридцать лет работал редактором издательства, был редактором журнала «Енисей». Член Союза журналистов с 1959 года. Член Союза писателей СССР с 1980 года. Автор книг: «В зелёных просторах» (Красноярск, 1959), «Дикарка» (Красноярск, 1961), «Юность моя фронтовая» (Красноярск, 1985) и др. Живёт в Красноярске.

«ГДЕ ТЫ, ЮНОСТЬ МОЯ ФРОНТОВАЯ?..»

Штрихи к портрету писателя И. В. Уразова

Бликие друзья звали его просто: Ваня, Ванечка. Такой нежности, наверное, достаиваются немногие. И до сих пор для всех нас Иван Владимирович Уразов остаётся Ванечкой...

Он прожил большую, скромную и на удивление честную, порядочную жизнь; он жил — как пел, и пел — как жил. Песня спасала его от зла, от неправд, от несправедливостей бытия, от «оскотинившегося» меньшинства. Когда (по У. Уитмену) «год от года убывает порядочность», а теперь и растаптываются идеалы, Иван Уразов сохранил в себе лучшие человеческие качества.

Когда-то И. Гёте сказал: «Людей злит, что правда проста». В своём творчестве Уразов был прост, как правда; он и жил просто, и писал просто. Первые его повести и рассказы («В зелёных просторах», «Дикарка», пьеса-сказка «Золушкина ёлочка»), написанные для детей в пятидесятые годы прошлого столетия, отличались понятным для всех, простым, образным, настоящим русским языком, и дети сразу полюбили их. Но пришло иное время, требовавшее от писателя другой литературы, которая отражала бы правду жизни.

И тогда Иван Уразов отложил перо художника, взял перо публициста, и вскоре мы уже читали его очерки, собранные в отдельные книги, изданные Красноярским книжным издательством: «Искатель» (1958), «Под щедрым солнцем» (1959), «Руками тружеников» (1963). В двухмесячнике «Енисей» были напечатаны его «Литературные миниатюры» и очерки «На строительной

площадке», «В царстве трудолюбивых гномов», «Какое оно — Тасеево?», «Свидание со знаменем». Те давние очерки и сейчас читаются с тем же вниманием, как и рассказы, настолько ярко и образно были они написаны.

Откуда в нём, деревенском паренёке с Воронежщины (есть там такое село Аношкино, где 4 октября 1925 года родился Иван, сын Владимира Уразова), это неослабное чувство Родины, справедливости и любви к простым людям? Не оттого ли, что на себе испытал тепло человеческих рук, спасавших его, красоту русской души? А может, это чувство родилось ещё тогда, в голодный 1932—1933 год, когда нашу страну постиг страшный неурожай хлебов, а сытые Америка и Европа отказались помочь нам? Семилетний Ваня видел и страдания людей, и частые смерти, и слёзы на всю деревню, и то, как мать, «такая маленькая, совсем худенькая, с ввалившимися щеками», не жалея себя, спасала детей. Весной ходила на пустой ток и «выковыривала влипшие в землю зёрнышки проса». А когда свалилась и сама и все думали, что умрёт, она собрала подле себя детей своих, говорила с трудом и успокаивающе: «Нет, мне умирать не время, вы ещё маленькие... Успокойтесь, я не умру... Сыночек, соловейчик мой, не плачь, не надо...» «Соловейчиком» она звала Ваню, любившего петь песни.

Пережив тот страшный голод, весной 1940 года семья Уразовых тронулась в дальний путь — в благополучную Сибирь, в Красноярский край, в деревню Северная Александровка, что в Канском районе, где было и сытней, и добрее люди. Здесь Ваня окончил семилетку, учиться дальше помешала война. На следующий год, в августе, он получил паспорт, полгода проработал слесарем в «Заготзерне» и в январе 1943 года был призван в Красную Армию. Служил в Красноярске и год спустя был отправлен на фронт. Воевал на 3-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах, с боями и песней прошёл через Восточную Пруссию, Польшу, Чехословакию, участвовал в форсировании Одера, в окружении Бреслау и разгроме Оппельнской группировки противника в самой Германии. После Победы служил в группе советских войск в Венгрии ещё четыре года. Демобилизовался в мае 1949 года, вернулся в Красноярск, работал на ПВРЗ и учился в вечерней школе. Потом поступил на факультет журналистики МГУ, редакторскую практику проходил в Красноярском книжном издательстве, там же получил приглашение занять должность редактора, когда окончит университет.

В издательстве Иван Уразов проработал бессменно тридцать лет, из них девятнадцать составлял и редактировал двухмесячник «Енисей», а ночами писал свою главную книгу — лирическую по-

весть «Юность моя фронтовая», которая по праву считается одной из вершин биографического жанра.

Повесть эту он писал всю жизнь. Переделывал, дописывал, правил, убирал всё лишнее — «чистил язык» и никогда не был доволен сделанным, всё казалось: чего-то упустил, где-то сфальшивил, чему-то не уделил должного внимания, а что-то излишне выпятил. Сработал, как говорится, не столько внутренний редактор, сколько редактор профессиональный. Он так же скрупулёзно, отдавая всего себя, работал и над чужими произведениями, будь то очерк, или расказ, или даже более крупная вещь. Редактировал и Сергея Сартакова, и Алексея Черкасова, и Анатолия Чмыхало, и всех нас, тогдашних молодых, — позднюю писательскую поросль.

Некоторое время я работал в альманахе «Енисей», наши столы стояли впрытык друг к другу, и потому твёрдо могу сказать: Иван Уразов — великий труженик, и ему не было равных. Он сидел порою допоздна, редактировал материалы в очередной номер, нет-нет да и поругивал автора: «Ну что он, в самом деле, совсем языка не чувствует!» Но делать нечего, приходилось править, находить нужные слова, что-то выбрасывать, где-то дописывать, сохраняя, однако, стиль и авторскую манеру письма, потому что материал был заказан, стоял в плане и ставился в номер. Автор он щадил, бывал с ними ласков, сдержан, поддерживал их и хвалил, если даже и хвалить-то было не за что.

Лирическая повесть «Юность моя фронтовая» сперва была напечатана в «Енисее», затем, в 1989 году, издана отдельной книгой, тиражом в тридцать тысяч экземпляров, и стала вскоре библиографической редкостью. Читателей привлекали лёгкость авторского стиля и образность языка, а главное — искренность, с какою изложен материал о войне. Каждая глава начиналась эпиграфом — куплетом из военной песни, и содержание чётко отвечало его требованиям. Это была не просто лирическая повесть, это была повесть-песня. Маленький, щуплый солдатик с по-девичьи пухлыми щеками, Сергей Резванов воюет и поёт, его лирический тенор взлетает над солдатской массой ввысь, в строю ли, во время минутного затишья, подымая бойцов на новые подвиги. И благодарные солдаты берегли своего «соловейка». «Разве не песня скрашивала наши армейские будни? — пишет Уразов.— Не она ли делала праздником те недолгие часы передышки после изнурительных переходов по вздыбленным знойным дорогам?..» Солдатика Резванова определили в муззвуд: мол, там потише, там и место ему. Но разве на войне бывали места «потише»? И Резванов-Уразов наравне со всеми переживает тяготы войны: и окружение, из которого выходит с честью, и ранения, и смертельную

усталость. Старый солдат Сидор Захаров говорит ему: «И не спеши сюда за пулемёт. Мы без тебя тут обходимся пока. Видишь, какой ты гостинец нам принёс? Лучше собирай там подле музыкантов песни да ходи вот так по окопам. Кого застанешь в живых, тот и послушает тебя. Солдату ведь большей радости неоткуда ждать. А ежели и поплачет, тоже не грех. С горя-то воюется ой как лихо! Я-то, брат, знаю». Кто-то рядышком пошутил: «Под музыку и умирать не страшно». А майор Дзюциев так прямо и заявил: «Инструмент — ваше оружие!..»

Все жалели Серёжу Резванова — Ваню Уразова, а он, добрый деревенский паренёк, пожалел однажды раненого немца, достал индивидуальный пакет и перевязал ему перебитую ногу. После задумался: «Что я сделал? Его надо было взять и привести к тем пленным, которые ждут в магазине. Но ведь он совсем мальчишка. Мой брат Андрюшка такой же. Пожалел я его, забыв, что он противник. Поскорей бы он ушёл отсюда!..» Иначе поступить Ваня Уразов не мог, ведь он русский, советский человек, хоть и солдат, и обыкновенное благородство души даже война не смогла у него отнять.

В этом году Ивану Владимировичу Уразову исполняется девяносто лет. Он ещё бодр, активен, крепок духом и продолжает работать за письменным столом в своей маленькой однокомнатной квартире в Академгородке — пишет мемуары, ведь на его памяти столько удивительных встреч с именитыми и малоименитыми, но талантливыми писателями. И ещё продолжает писать свою главную книгу — «Юность моя фронтовая», дописывая новые главы, вставая старые, которые были когда-то удалены по не зависящим от него обстоятельствам.

Сейчас бы это исправленное и дополненное издание выпустить в свет, порадовать взыскательного читателя, но... Где же взять бедному полуослепшему писателю деньги на издание? В советское время ему платили, а теперь он должен оплачивать собственный каторжный труд. Денег, причём очень больших денег, нищий писатель, ныне живущий на более чем скромную пенсию, конечно же, не имеет. У кого-то просить, унижаться, обивая пороги так называемых спонсоров, гордый русский человек Иван Уразов считает недостойным делом. Один из героев Михаила Булгакова как-то сказал: «Никогда и ничего не просите!.. Сами предложат и сами всё дадут!..» Не предложат. И не дадут. Уж такое теперь проклятое время. Значит, лежать ценной рукописи в столе, пока однажды кто-нибудь случайно не выбросит её на помойку...

*Владимир ШАНИН,
член Союза писателей России*

ГОСТЕВОЙ ПРИЧАЛ

Встреча Нового года в библиотеке на Metallurgov, 14 В.
Красноярск. 28.12.2013

В ГОСТИНОЙ
«ЕНИСЕЙСКОГО ЛИТЕРАТОРА»

Филипп ОЛЛЕ-ЛАПРУН

Мексика

Французский писатель, переводчик, эссеист, редактор. Коренной парижанин, вот уже более 20 лет он живёт в Мексике, проводя важную культурную, правозащитную, литературно-писательскую и издательскую работу. Филипп Олле-Лапрун — автор нескольких книг. Отрывок из его последней книги «Мексика: посетить мечту» предлагаем вашему вниманию.

НАПИСАННОЕ ВО ТЬМЕ

Поэтическое слово зачастую происходит от героической поэмы, воспевающей ушедший в прошлое «золотой век». В течение почти пяти веков индейские народности Мексики пытались сохранить в письменной форме своеобразие своего миропонимания, отличное от испанского. Обращение к прошлому и переводы делают из этой поэзии своеобразный литературный жанр, который лучше показать изнутри.

Само существование этих литератур парадоксально. Когда Кортес¹ и его люди высадились на континенте, индейские народы ещё не имели письменности. Поэтому, чтобы обучить их, пришлось использовать европейские методы, которыми местное население, до того ограничивающееся устным народным творчеством, открывало для себя литературное пространство.

История литератур Мексики связана с их подпольным положением, некоей оккультностью, а также — вроде ложного эха — с приверженностью старине: несмотря на почти полную взаимонепроницаемость индейской и испанской литератур, у них одинаков культ предков. Но и та литература, что должна была оживить дух бунтарства и живописать отсутствие покорности у завоёванных народов, заметно ослабляется из-за сознательного тяготения к идиллическому прошлому и желанию вернуть золотое время. Некоторым индейцам удалось перехватить учение захватчика и повернуть против него же самого; вместо того, чтобы формировать новое мышление под чужим языком, они продолжали чтить традиции своих предков.

С другой стороны, завоевание и колонизация (вспомним, что в 1520 году на территории нынешней Мексики проживало около двадцати пяти миллионов человек, а к 1605 году осталась всего один миллион), может, были не самым худшим испытанием, перенесённым индейцами. Скорее, борьба за независимость и чёрный девятнадцатый век были особенно фатальными для этих народов, забытых развитием и прогрессом.

¹ Эрнан Кортес — испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государство ацтеков.

Начиная с Революции и прихода к власти PRI², все признаки архаического ретроградства были налицо — постоянная неуверенность между открытым признанием, уничижительной ассимиляцией и истреблением языков индейских народов. В настоящее время около десяти процентов населения применяет один из малых языков (подавляющее большинство двуязычно). El Instituto Lingüístico de Verano³ составил список из двухсот девяноста пяти языков, в то время как Национальный институт мексиканских индейцев зарегистрировал только шестьдесят два. Всё зависит от определения, данного языку и диалекту. В любом случае результат один: эти языки до сих пор имеют большую жизнеспособность.

Существование литературы на языке национальных меньшинств не является чем-то исключительно мексиканским: литературное творчество многих африканских и азиатских стран, а также европейцев — каталанцев или окситанцев — проходит свои фильтры, которые выражают чувства острее, чем чужой язык, который всего лишь скользит поверхностно. «Язык формирует сознание народа», — сказал один из крупнейших специалистов в области индейской литературы писатель Карлос Монтемайор⁴. Но для читателя, который не владеет этими языками, настойчиво возникает проблема перевода.

Перевод на другой язык жестоким образом урезает глубокий смысл произведения: исчезают сила, музыкальность и сложные ритмы; остаётся только общий смысл, скелет, внешняя непритязательность. Таким образом, западное сознание лишний раз может утверждаться в своём превосходстве, уже установленном историей и общественным строем. Переводы характеризуют ещё одну форму господства над индейскими народами.

Начиная с 1970-х годов, влиятельные политики выступают за активное признание языков и культур индейских народов. И поколение учителей, выходцев из каждого народа, начинает преподавать на своём родном языке. Это развитие сопровождается появлением целого поколения писателей с возможностью публиковаться, организовывать литературные мероприятия и получать гранты. Здесь возникает та же проблема, что и в испанской литературе. Постоянная и щедрая помощь — к зависти писателей всех стран, — предоставляемая мексиканским правительством представителям искусства, поднимает ряд вопросов о неоднозначных отношениях между авторами и властью, и

² Институциональная революционная партия.

³ Евангельская протестантская организация, которая спонсирует исследование и развитие индейских языков и языков меньшинств во всём мире. Институт издаёт словари, грамматики и учебные материалы на многих языках индейских народов.

⁴ Карлос Монтемайор (1947—2010) — мексиканский писатель и переводчик, правозащитник индейских народов.

особенно о тех губительных последствиях, которые вытекают потом из написанного ими. (Это сосуществование между авторами и организациями напоминает систему *пóтлач*⁵ по Марселю Маусу⁶: предложить человеку подарок, подождать, пока тот воспользуется им, а потом заставить его делать то, что нужно. И эта зависимость отражается на том, что выходит потом из-под пера этих писателей. Поэтому все и обращаются к фольклору, который ни к чему не обязывает.)

Спор действительно серьёзный: можно ли принимать помощь творчеству, если оно направлено против того, кто помогает? Да и что значит «быть против» в стране, где прочно укоренились иерархия и правила? А отвергать эти правила — не значит ли снова оказаться на задворках общества? Разве нельзя пользоваться материальным пособием и быть при этом неподкупным? Все эти вопросы и противоречия были в центре обсуждений в ходе 1980-х и 1990-х годов.

Возникшее 1 января 1944 года движение сапатистов⁷ изменило отношения между индейскими народами и окружающим миром, в частности СМИ. И писатели, которые писали на языках индейских народов, развивались, чтобы не только изменить чьи-то мнения, а быть выше их. Эта тенденция заметна в их произведениях: до недавнего времени их творчество носило исключительно поэтический характер и имело тенденцию воспевать в героических поэмах прошлое и взывать к индейским божествам. Главная роль отводилась природе и сакральности, а часто повторяющаяся тема ностальгии (необходимая тема в поэзии многих культур) придавала этим поэмам некую стущённость, что в испанской версии звучит несколько наивно. Эта манера написания позволяла передать язык, образ мышления и ценности, которые находятся в основе каждого индейского сообщества.

Теперь литература, вышедшая из подполья и заслуженно пожинающая славу, достигла своего апогея. Это уже зрелое творчество, а его влияние и источники вдохновения разнообразились и обогатились. То есть, с одной стороны, в индейские языки вошли слова, которые объясняют им современный мир, а с другой — современная литература пропиталась индейской. Самые видные авторы читают и осваивают великие произведения мировой литературы, а сапотеки или пупéреча⁸ благодаря переводам имеют доступ к произведениям Сервантеса или Шекспира.

⁵ Традиционная церемония демонстративного обмена дарами (иногда также уничтожения «излишних» материальных ценностей) индейцев. Главная цель *пóтлача* — перераспределение богатств общины и налаживание общественных связей.

⁶ Марсель Маус — французский социолог.

⁷ Идеология сапатистского движения объединяла традиционные верования майя с либертарным социализмом.

⁸ Сапотека, пупéреча — индейские народности Мексики.

С ростом урбанизации художественные образы меняются и адаптируются к современности. Поэты Хуан Грегорио Регино⁹ или Кристина Кузвас Коб¹⁰, не отрекаясь от своих корней, создают произведения, которые перекликаются с произведениями поэтов далёких стран и других языков. Кроме того, авторы работают в разных жанрах. И хотя поэзия стоит у них на первом месте, они пишут новеллы и драмы. Например, писатель Хавьер Кастильский¹¹ разрабатывает основы создания романа, сохраняя при этом литературные нормы своего народа.

Так же, как индейский мир и мексиканское сообщество в течение долгого времени игнорировали друг друга, так и литературы не имели точек соприкосновения: каждая сосредоточивалась на своих проблемах и своих эстетических критериях, не ища никакого контакта. С презрением или даже с радушием — смотря чем было спровоцировано это действие — литературное творчество индейцев одними из способов существования выбирало осторожность или закрытость. В мире, который стремится к единообразию, индейские языки являются своего рода инструментом защиты. Таким образом, индейские писатели могут только отстаивать свою идентичность в двуязычной форме (чтобы читать друг друга, они должны знать испанский), хотя для дальнейшего развития и укрепления индейским литературам нужно общаться с внешним миром, с другими культурами. Языковой фундаментализм приводит только к саморазрушению. Даже если творчество носит характер сопротивления, в любом случае нужны открытость и обновление, чтобы избежать попадания в ловушку губительных повторений. Нынешняя жизнеспособность этих литератур указывает на совсем иное будущее.

Перевод с испанского и подстр. примечания Шахризы Богатырёвой

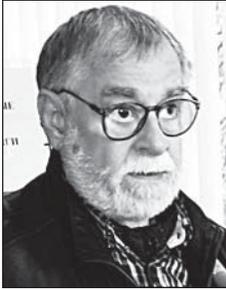
О переводчице:

Шахриза БОГАТЫРЁВА — выпускница Высших литературных курсов Литературного института им. А. М. Горького. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Публиковалась в литературных журналах, альманахах и антологиях. Стихи и проза переведены на испанский, английский, норвежский языки. Автор поэтических и прозаических книг.

⁹ Мексиканский писатель индейского народа масатека.

¹⁰ Мексиканская поэтесса индейского народа майя.

¹¹ Мексиканский писатель индейского народа сапотек.

Пётр СИНЯВСКИЙ

Москва

Петр Алексеевич Синявский — член Московской организации Союза писателей России. Лауреат литературных премий имени Корнея Чуковского и имени Сергея Михалкова.

У ИКОНЫ ДУША СОКРОВЕННАЯ

*У иконы душа сокровенная,
Преблагая Царица-Владычица,
Пресвятая, Преблагословенная
Дышит ладаном и не надышится,
Перед образом свечка ставится,
Огонёк шелковистый светится.
На иконе наша Наставница,
На иконе наша Советчица.
И цветёт возле дивного лика
Принесённая кем-то гвоздика.
И когда мы целуем стекло —
Дивный лик излучает тепло.
За стеклом украшения чудные:
Кольца, крестики, нити жемчужные.
Знаки той богатной любви,
Что с рождения в нашей крови.
В мир являлись иконы святые
На реке и в лесной листве,
Золочёные и простые,
На Рязанице и в Москве,
«Троеручица» и «Успение»,
«Боголюбская» и «Покров»...
Над церквями взлетает пение
Выше маковок-куполов.
В честь иконы слова величальные
Возглашает праздничный хор.
А глаза у иконы печальные,
А икона отводит взор.
В этом взоре вся кротость мира,
Вся смиренность его и святость.
Ну а что Приснодеве мило —
То и людям крещёным в радость.
Рассыпает небесная звонница
Колокольцы над тишиной —
Всесвятейшая Богомольница
Совершает свой путь земной.*

*И ступают стопы Богоматери
По лучам не вечерней зари —
Богоматерь в монашеской мантии
Входит странницей в монастыри.
Помолилась во Пскове Пречистая —
Заструилась криница лучистая,
Обошла по канавке Дивеево —
С неба летнего Пасхой повеяло.
Дорог Ей даже воздух обительский,
Вся церковная Русь — Её вотчина:
Монастырь белгородский и питерский,
Тверь крещёная и Вологодчина.
Все, кто свет обрели в православии,
Матерь Господа нашего славили,
А Господь прославлял имена
Тех, кого избрала Она.
И избранники просят Господа,
Чтобы люди не знали голода,
Чтоб счастливыми стали сироты
И чтоб зла не творили ироды.
И не смогут забыть христиане
Ни в миру, ни в монашеской схиме
О Кронштадтском отце Иоанне,
О Саровском отце Серафиме.
Мы заходим в церквушку соседнюю
Помянуть Петербургскую Ксеню
И подходим к знакомой иконе,
Чтоб святой поклониться Матроне.
Но важнее всего, что в храме,
Оградившись от суеты,
К Богородице, будто к маме,
Обратиться можно на «Ты».
С Ней на свете никто не сравнится
Милосердием и добротой.
Каждый ангел готов склониться
Пред душой Её Пресвятой.
Всезаступница, Всепечальница
Даже в горе не даст отчаяться,
Вознесёт Покров Богородица —
И туманный день распогодится.
И любовь Её неземная
Нам гана до скончания дней.
Потому что Она — родная,
А с молитвой ещё родней.*

Галина БОГАПЕКО

Москва

Коренная москвичка. Стихи пишет с детства, печатается с 2003 года. Автор 14 поэтических книг, нескольких десятков публикаций в общероссийской и московской периодике. Печаталась в альманахах «Новый Енисейский литератор», «Поэт года», «Подольский альманах», «Литературная столица», в коллективных сборниках «Детская литература», «Юмор», «Лирика». Член МГО Союза писателей России. Награждена МГО СПР и НП «Литературная республика» дипломом за талантливое следование традициям русской литературы и лирическую образность в творчестве, памятной медалью С. Я. Маршака, дипломом им. М. Ю. Лермонтова «Недаром помнит вся Россия» и медалью М. Ю. Лермонтова, дипломом и орденом «Золотая осень» им. С. А. Есенина за верное служение отечественной литературе, дипломом за верное служение отечественной литературе с вручением медали «60 лет Московской городской организации Союза писателей России: 1954 – 2014». Стихи Галины Богapéко переводились на болгарский язык.

ОЧЕВИДНОЕ КАК НЕВЕРОЯТНОЕ

Галина Богapéко обладает способностью преподносить очевидное как невероятное, только что открытое и необходимое людям: что зимой холодно, а летом тепло, что весна дарит цветы, а осень краски, что солнце сияет, а кукушка кукует, что жизнь увлекает, а любовь возносит к небесам. В поэзии вроде бы это тысячу раз высказывалось, но каждый поэт — первооткрыватель старых истин. Он никогда не повторяется, потому что это с ним такое случилось впервые. Так смело и убеждённо говорить о вечном — свойство молодости. Поэзия Галины Богapéко — поистине молодая, романтична и возвышенна. В её стихах человеческие чувства сопряжены с пониманием жизни как великого блага, неоценимого дара, вручённого человеку свыше.

Галина Богapéко обладает даром яркого восприятия мира, и для неё стихосложение — возможность поделиться этой редкой способностью. Отсюда и магия её стиха, как бы завораживающего и подчиняющего своему поэтическому строю, своей игре ритмов и рифм. Традиционные по форме, эти стихи свежи и новы по лёгкости и смелости обращения с испытанными поэтическими размерами и ритмами, и это новаторство — тоже следствие особого, единственного в своём роде поэтического взгляда.

Творчество Галины Богapéко — несомненный вклад в искусство поэзии.

*Лариса ЯГУНКОВА,
журналист, критик, заслуженный работник культуры
Российской Федерации*

А ТЫ СПЕШИШЬ**Свободный стих**

*Мокрые белые мухи,
Откуда вас столько?
А, это Бог чистит небо от облаков.
Не успев долететь до земли,
Мухи таяли, как вчерашний день.*

*А вчера был Покров,
А облака так и не спустили на землю
Свой палантин.
И ты уходишь от меня,
Идёшь на другой конец света.*

*Я помню, как ты бежал ко мне...
Ты ошибался тогда —
Я это знаю, любимый.*

*Я для тебя обрезала свои косички,
Я для тебя припудрила носик,
Я для тебя сменила сандалики на туфли,
Я для тебя...
А ты спешишь,
Ты в поиске нашей первой встречи...*

НО ТЫ ПРИШЁЛ!

*В объятиях ночных теней
На улице среди фонарей
Отчуждена от сна.
Иду в кроссовках. Но боса
Душа свободная, без чувств
К фонарному спешит лучу —
Ей холодно, ей одиноко...*

*«На шахматной доске все окна,
Все цвета жёлтого и мокко,
Там норы,
В них живут кроты —
Семейства гревней слепоты,*

*Там кони, ферзь, король и пешки,
Слоны с уродливой усмешкой.
Игра в разгаре! Не зевай ходы!*

*Но если Мир весь — без огней,
Столбы лишатся фонарей,
И солнце обернётся сталью,
Настанет тьма, теней не станет,
И стаи кошек, и кротов,
И крыс, и птиц ночных
Заполнят сушу до портов
И доживут до льдов.
Потом не станет их?..» —*

*Фантазия души холодной,
Без чувств, но по любви голодной,
В объятиях ночных теней
На улице среди фонарей,
На шахматной доске астральной
С фонарным лучиком сыграли
Ту партию, в которой нет
Ни проигрыша, ни побед...
Но ты пришёл! Ведь ты не крот!
Ты растопил душевный лёд,
Зажёг в глазах огни!
И мы спешим за поворот,
В любовный наш круговорот,
Где оживают юные мечты,
Где светит солнце свысока,
Где чайки реют в облаках,
Где не роится больше страх,
Где с Миром Я и ТЫ!*

КОГДА ТЕНЬ В ОБРЫВ

*И снова кукушка кукует, как злая помеха,
Кукует, кукует с верхушки беременной ели.
Мы в бремени вечных привычек и времени,
По старой манере и наши земные утехы,
Не Божья то власть, а судьбы провидение...*

*Лежим на опушке в естественном плюше,
И наши бабуши в сторонке у плотных деревьев.
Твои голубые глаза и смешные веснушки
В моих отразились — и там же остались в кочевье.
Сплетение рук и движенье вокруг, движенье...*

*Когда тень в обрыв
И не слышно объятий твоих и объятий моих...
Лишь листья в извив, шумящие листья в извив,
Щемящее сердце — их шум, их порыв, их нагрыв...
И мыслей обрыв, и полная связь со Вселенной,
И ум, потерявший значения гум в объятиях двоих...*

*И слух опустился к земле и притих, и притих,
И дюны, волшебные дюны в глазах,
Закрытых, в истоме трепетных плотей земных,
И шёпот в устах грожащий и потный,
И шёпот в устах: «Мы с тобой — идиоты...»*

*Единый и медленный шаг:
«Мы с тобой — идиоты...»
В объятиях медленный шаг:
«Мы с тобой — идиоты...»*

*И снова кукушка кукует, как злая помеха,
Кукует, кукует с верхушки беременной ели.
Мы в бремени вечных привычек и времени,
По старой манере и наши земные утехи.*

Я СНОВА В БЕЗВРЕМЬЕ

*Я снова в безвремье,
Словно беременная,
Не замечая, жую
Ночью в постели
Конфеты от феи
И мокко волшебное пью*

*И снова я верю,
Что сны в самом деле
Живее, чем жизнь наяву.*

Я слышу метели
(Машины летели
И гребезжало стекло).

Я вижу рисунок во сне акварельном.
В нём время, как речка, текло.
В нём всё совершилось —
Родился ребёнок и пил из соскá молоко.
А ангелы рядом, сняв крылья, сидели —
Ну прям как в мультяшном кино.

ПОЛУПРОСНУВШИСЬ

Я выпью из чашки ночную рубашку
В молочно-кофейном бреду,
Потом в позе лотоса, малость обмякшей,
Я сущностью в утро уйду.

Мне вовсе не плохо,
И с запахом мокко
Я мысленно снова с тобой,
Хоть ты так галёко,
С гругой одинокой
Срываешь плод жизни в сагу.

СИЗАРЬ И ВОРОНА

Зонтом золотым распахнулся день.
Лень мыслить, лень делать,
И жить тоже лень.
Мне б в день раствориться,
Мне б в дне золотиться
Иль просто влюбиться в тебя,
Сизарь из Столицы, где разные птицы,
И даже заморские в клетках со спицами,
Тебя обожают в канун сентября.
И осень туда же! Быть может, однажды
Полюбишь ты осень в берете златом.
А белой вороне ты ласково скажешь:
«Летай, белокрылая, под дождём!

*Ведь ты не голубка, ведь ты не воркуешь,
Ты «кар» произносишь не так, как гругие.
Хоть белая ты, как и я, словно иней,
Но мы груг для груга чужие!»
А день такой рыжий, а день такой яркий,
Что кажется раем наш аг.
Взлечу я над парком, пусть я не сизарка —
Я просто ворона, как мне говорят.
Я в дождь не летаю, стихи сочиняю,
Я часто пишу о любви.
Я верю, я знаю, что нет в жизни рая
Без мая и нашей любви.*

НАСТРОЕНИЕ

*И гуляла зима в озаренье
Акварели румяных рябин,
И рябиновых яблоков нежила
Снежной лаской летящих пушин,
И блистала, как царская гева,
В шубке белой, в короне из звёзд,
И дарила святые напевы
Райских снов и несбыточных грёз...*

24 июля 2014

В БАГЕТЕ УТРО

*В багете утро
Картинкой пасмурной.
Мой дом — каюта
В дождливый день.
В нём безопасно,
В нём свет атласный,
В нём на столе в воде,
В кувшине красном,
Благоухает сказкою сирень.*

*И ты сидишь
С загадочной улыбкой*

*И смотришь за движенъем
Глаз моих.
А я, в пуховой беленькой накидке,
В смущении
Гоню объятий миг...*

*Тряхнула головой,
Коса распалась,
Спешу на кухню
Завтрак приготовить.
И там, на кухне,
Мне взгрустнулось малость.
Твой взгляд загадкой —
На разлуку то ведь...*

*В багете утро
Картинкой пасмурной.
Мой дом — каюта
В дождливый день.
В нём безопасно,
В нём свет атласный,
В нём на столе в воде,
В кувшине красном,
Благоухает сказкою сирень.*

ЗДЕСЬ ОСЕНЬ КАК-ТО КРОТКО

*В бездомности глухой
Деревня — как погост,
Лишь слышен ветра вой,
И где-то лает пёс.*

*А где-то за рекой
В огнях сияет город,
А здесь — давно покой
И листьев целый ворох.*

*Здесь в крыши звёзды смотрят
И в рамах лунный свет,
Здесь осень как-то кротко
Вошла в дверной багет*

*И коврик постелила
Из листьев на полу,
Немного приуныла —
Как видно, не к добру.*

*И правда: пёс бездомный,
Скуля, приполз на коврик,
И смолк, и гушу испустил.
И только круг луны светил
Сквозь раму треугольником...*

МЫ РАБЫ У ВСЕЙ ПРИРОДЫ...

*Фиолетовое лето
В фиолетовом сознание...
Мистик Эдвардс¹ в рае где-то,
Он приверженец заветов
Из Священного Писания:
«В жизни всё от Божьей воли...»
Он «обряды» упрощает...*

*Лишь фиолетовое лето
В фиолетовом сознание
На мгновение, в корке где-то,
Вдруг мелькнёт — и исчезает...*

*И свободное паренье
Напрямую рядом с Богом
Вдруг окажется твореньем —
Иллюзорным Новым годом...
В параллели без печали,
Без тревоги, без войны.
Там качели свет качали
В светлый день святой зимы...*

*Жизнь — качели философий.
И с рожденья мы в квадрате
Тех условностей, чей профиль
С кровью матери — понятен.*

¹ Эдвардс Джонатан (1703—1758) — американский богослов, религиозный деятель Новой Англии.

*Виртуальные свободы —
Философиям в угоду...*

*Божий раб и раба Божья,
Будьте в жизни осторожны,
Ибо в мире нет свободы —
Мы рабы у всей природы...*

*Золотое будет лето
В золотом сознанье Света!
А у нас всё рагуга —
Раговаться надо бы...*

А ПО РЕЛЬСАМ СТУЧАТ ТРАМВАИ

*Предосень на пятке августа,
Летний зной обозначил сильф,
Эльфы в небе парят праздно,
Золотя небесную синь.*

*А по рельсам стучат трамваи.
И поёт захмелевший мужик:
«Дорогая моя... трали-вали...
Обойду с тобой материк...»*

*И присел у пушистого тополя.
Мимо топаят двое влюблённых —
И исчезли за стенкой акрополя
По тропинке теней затаённых...*

*А мужик, что присел у тополя,
В сладком сне отпустил свой дух...
Птичья стайка вспорхнула шёпотом,
Тополь сбросил последний пух...*

*Предосень на пятке августа,
Летний зной обозначил сильф,
Эльфы в небе парят праздно,
Золотя небесную синь...*

*А по рельсам стучат трамваи,
По асфальту бегут сандалии,*

Сергей БЕЛАЯР

Брест, Беларусь

Печатался в журналах «Верасень» (Минск, Беларусь), «Юный техник» (Москва, Россия), «Берега» (Калининград, Россия), «Малодосць» (Минск, Беларусь), «Вокзал» (Санкт-Петербург, Россия), «Бярозка» (Минск, Беларусь); альманахах «Новый Енисейский литератор» (Красноярск, Россия), «Жырандоля» (Брест, Беларусь), «Своя стихия» (Брест, Беларусь); сборниках «Достучаться до звёзд» (Москва, Россия), «Кахаць і верыць» (Минск, Беларусь), «На енисейской волне — 2014» (Красноярск, Россия), «Место под звёздами» (Москва, Россия), «Обретение человечности» (Москва, Россия); газете «Літаратурная Беларусь» (Минск, Беларусь); еженедельнике «Літаратура і мастацтва» (Минск, Беларусь).

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

Фантастический рассказ

— Готово?

— Нужно ещё некоторое время на то, чтобы довести всё до ума, Вождь!

— Я не могу больше ждать! Умник, ты потратил на исследования непозволительно много времени. Я хочу видеть результат! Где моё сверхоружие?

— Хорошо... Прошу за мной. Вот!

— Это что ещё за закорючки?

— То, что ты просил, Вождь. Абсолютное оружие!

— Умник, ты издеваешься надо мной?.. Как это может быть оружием?

— Уверяю тебя, Вождь, ты держишь в руках самое мощное оружие!

— Я прикажу отрезать тебе руки и ноги, после чего бросить голодным псам! Это — глиняные таблички, а мне нужно сверхоружие!

— Гнев — не самый лучший союзник, Вождь! Я даю тебе алфавит. С его помощью ты сможешь складывать буквы в слова!

— К чёрту алфавит!

— Не нужно кричать, Вождь! Ты получил именно то, что хотел! Благодаря слову сила человека может возрасти в десятки, если не в сотни раз. С помощью слова ты станешь хозяином мира!

— Как?

— Я ещё не понял процесса до конца, но на сто процентов уверен в том, что слово может и создавать, и убивать! Слова станут текстом, а текст — руководством к действию и идеей!

На несколько мгновений воцарилась тишина.

— А ты не зря носишь своё имя, Умник! А ведь действительно — с помощью слова я буду равным богам!

— Сильнее богов, ибо сможешь управлять ими!

— Я уничтожу всех врагов, и моя власть будет безграничной!

— Я знал, что тебе понравится, Вождь!.. Могу я получить золото?

— Боюсь, что всего золота мира не хватит для того, чтобы отплатить этот источник страшной разрушительной силы!.. Я одарю тебя бóльшим, Умник!

— Что может быть дороже золота?

— Ты не увидишь того, что сделает с миром слово!

— Я не хочу умирать! — побледнел учёный.

— Ты станешь первой жертвой собственной неадекватности и алчности! Взять его и покарать смертью через отрубание головы как шпиона и врага племени!

ИНФИЦИРОВАННЫЙ

Фантастический рассказ

Ожидание было смерти подобно: Нарбут Кригайлов весь извёлся, пока инспектор по кадрам знакоилась с резюме. Работа была грязной и малооплачиваемой — грузчиком на оптовой продовольственной базе, но получить даже такую в век всё более широкого применения андроидов являлось настоящей удачей.

— Трудовая книжка с вами?

— Пожалуйста!

— Почему ушли с прежнего места работы?

— Сокращение штата.

Инспектор по кадрам кивнула и снова погрузилась в чтение.

Нарбуту Кригайлову казалось, что между двумя ударами сердца проходит если не вечность, то уж никак не меньше четверти века. Догадаться, о чём думает инспектор, не представлялось возможным — её лицо было похоже на каменную маску.

База была десятым по счёту местом, куда обратился Кригайлов. Десятым и последним в списке вакансий, который ему предоставил центр занятости.

От волнения ладони экс-магистра теологии покрылись потом, и Кригайлов постарался незаметно вытереть их о штаны. Он не хотел лишней возни с носовым платком: неизвестно, как воспримет суету инспектор.

— А вы сможете работать грузчиком? Работа тяжёлая!

— Да. Перед поступлением в университет я подрабатывал, разгружая вагоны.

— Послужной список у вас неплохой — одни благодарности и поощрения!

В сердце экс-магистра шевельнулась надежда.

— Если я берусь за работу, то делаю её хорошо!

В словах Кригайлова не было ни капли хвастовства. Отец приучил его к труду с раннего детства.

— Приятно это слышать, но, к сожалению, вы нам не подходите.

— Почему? — не своим голосом спросил экс-магистр.

— Вы инфицированы! Как бы не началась эпидемия!

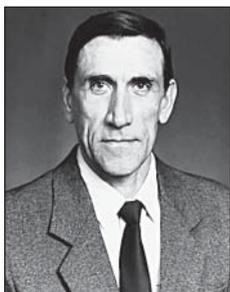
Кригайлов скрипнул зубами: везде одно и то же. Как же сильно они боятся заразиться!

— Или того хуже — пандемия!.. Я не могу допустить, чтобы среди наших работников распространилась инфекция!

Держать себя в руках стоило нечеловеческих усилий. Чертовски сильно хотелось высказать инспектору наболевшее.

— Попробуйте обратиться в другое место! — инспектор упёрлась взглядом в дисплей, тем самым показывая, что аудиенция закончена.

Кригайлов сложил резюме и вложил между страницами трудовой. Сунув книжку в нагрудный карман, поднялся. Экс-магистра душила обида: разве его вина, что он родился таким? Разве стоит его судить за то, что совесть неизлечима?

Василий ЧЕРНЫШЕВ

Армавир

Автор двух десятков книг стихов и прозы. Член Союза писателей России.

И ВЕТКИ ПЕРЕПУТАЛИСЬ В САДУ

*Вечность вливает и снова вольёт
Этот бальзам огневой в Ханаане.
Я совершаю полночный полёт,
Звёзды теперь у меня под ногами.
Я совершаю, как Понтий Пилат.
Кто б его знал, не распни он Провидца?
Эта потребность гругих попить
И, возвышаясь, на звёзды яриться.*

*Вновь стущаются тучи синие,
Истончается чья-то гуша.
Воздух веками пропитан насилием,
Мы не можем, чтоб им не дышать.
И высвистываем, высвистываем с августа:
«Жизнь была — что не наго кино!
Когда не было смога и казуса,
Только было всё это — давно».*

*Расставались мы трогательно. Всеволод
Относился к расставанию с иронией.
Уходящему поезду нашему вслеп
Я махал и махал на перроне.
И представьте, Всеволод (мне его жаль)
Был взволнован, как простой оператор.*

*Я какое-то время по шпалам бежал,
Будто поезд догнать собирался.*

*Покойник — был человек синеокий.
Просил: «На поминках поднимайте стопарь».
Священнослужитель сказал, чтоб без водки.
А мы не послушали вовсе попа.
Усопшего везла одноконка,
Хотя большой надобности не было в ней.
И в день похорон — только русская водка,
И будет она и через тысячи дней.*

*Дни и ночи над тобой бессменны,
Видеть солнце — хорошо бы.
Ложный путь не может быть бессмертным,
Бесконечным он не может быть.
Сколько же сознание гремало,
Находясь в плену — при алтаре.
На пути познания немало
Предстоит нам догм преодолеть.
Сокровенных знаний синтез некий,
Сочетаний метод молодой.
Ждём мы с вами «золотого века»,
Приближаясь к истине.*

*Колчан, полный стрел, отобрав у Амура,
Освоив его ремесло,
Я стрелы пускаю. Де-факто.
Де-юре,
На Марсовом поле.
Без слов.
На Марсовом поле поднялся крик грачей —
Что слишком подобное уж,
Что стрелами должен проказничать мальчик
Румяный, а вовсе не муж.*

*Де-факто упрямой бестрепетной жрицы,
Трактующей правду сплеча.
Быть может, поэтому чёрные птицы
С тех пор в наших гушах кричат.*

★★★

*И влажный свет, раздавленный пог губом,
Один мне голову морочит.
И ветки перепутались в сагу:
Запутались вдруг на исходе ночи.
Туман и морось. Поздравляю с сим!
Когда бессонница, мы в сад не ходим по три.
Сохатый, будто выбившись из сил,
Попал в капкан — и прямо в гушу смотрит.*

★★★

*Я — полезное ископаемое.
Абсурда
Никакого нет —
Исчадие терма.
Папоротник кровеносных сосудов
Отпечатался в каменном угле моего тела.
Прошли миллиарды лет.
Да, но
Не миллиарды лет всем этим
Пользоваться, сударь?
Земля —
Это сгающий безвозмездно кровь донор.
Люди, будьте бережными,
Не доводите всё хорошее до абсурда.*

★★★

*Волосы гладко причёсаны — поработали руки,
А глаза — Марианская впадина озаряемых, лет,
Да ещё эта грусть нашей женщины русской
Дорисуют её настоящий портрет.
С наших дней Ярославной*

Не танцуют камаринского,
А танцуют под музыку огненных дней.
Приоткрытая грудь от волнения вздымается
За идущих по жизни отцов и детей.

★★★

А жизнь в четвёртом измерении —
Моя законная жена.
Ортодоксальное мышление
Заносит в сторону меня.
Заносит, втискиваюсь боком,
Забыв, что есть на свете грусть.
Среди крикливых ортодоксов
Как на тусовке нахожусь.
Я шепелявлю, часом: «К сёрту!» —
Закостенел от неугач.
Заносит в сторону — и всё тут.
Заносит в крайности, хоть плачь.
Я из страны вернулся пряностей,
С сигарой во рту — пых да пых.
И если б не было вдруг крайностей,
Мы быстро б выдумали их.

★★★

Недоумеваю: каким образом
Здесь, на хуторе,
Нити, соединяющие меня с космосом,
Перепутались?
А вот перепутались же:
От наитий
И до тех,
Которые питают разум и сердце
И заставляют петь дифирамбы.
Распутывая,
Эти нити
Не оборвать бы.

Татьяна МАЛИКОВА

Тамбов

Родилась 19 ноября 1980 года в Тамбове. В 2003 году окончила Тамбовский государственный технический университет по специальности «Связи с общественностью». С 2003 по 2005 год по направлению Тамбовской областной писательской организации обучалась на Высших литературных курсах Литературного института им. А. М. Горького (семинар поэзии Ю. П. Кузнецова, В. В. Сорокина). Кандидат филологических наук. Печаталась в журналах «Подъём», «Российский колокол», «Юность», «Юность плюс», «Вестник Международного сообщества писательских союзов», «В литературном кругу», в «Тамбовском альманахе», в сборниках «Золотая строка Московии», «Антология одного стихотворения» и др. В настоящее время преподаёт на кафедре рекламы и связей с общественностью института филологии Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина. Является креативным директором Музыкального театра Владислава Юрьева, председателем правления Тамбовской областной писательской организации. Лауреат премии В. Богданова. Автор трёх поэтических сборников, либретто к музыкальным спектаклям.

ПРОЛЕСКА

*Синий лоскут неба — голову повязать,
Мартовским снегом к исповеди прийти.
Господи, мне бы выучиться — не ждатель!
Мерой пролески веру мою суди.*

*В каждой прожилке — солнечный кровосток,
Ищущим срезать, гушу не расплескав:
Слишком заметен первый лесной цветок,
Слишком желанно — небо нести в руках.*

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

*Дочерей рожать — матерей растить.
Сыновей рожать — на войну крестить.*

*Руки сеют смерть — губы дарят жизнь.
Дочерям — рожать. Сыновьям — служить.*

*Учим: не убей! Молим — за убийцу,
Материнский крест — под иконой ниц.*

*Чтобы мой пришёл, чьи должны упасть?!
За солдатский долг — матерям приказ:*

*Сыновей рожать — на войну крестить,
Дочерей рожать — павших выносить.*

*Чьей вдове больней — где слышнее плач?!
Дочерям — реветь.
Матерям — неметь.
Сыновьям — вставать.*

АВГУСТ

*Звонко брызнуло солнце и соком окрасило небо.
Сок темнел, высыхая, и звёзды слетались на стол.
Над арбузными корками сладко-тягуче гудела
Златокрылая стая сверкающих жалами пчёл.*

*Август — мятная полночь, прохлада стозвонного сага.
В землю брошены зёрна событий, и судеб, и трав.
Мёдом, хлебом, лозой ли — проснуться нам засветло надо:
Славить новое солнце в распахнутых настезь глазах.*

СИРИН

*Птицы вымели небо крыльями.
Звёзды выкосил лунный серп.
Ночь слепую на площадь вывели —
Растянули на колесе.*

*Сирин горькие любит ягоды —
Не запёкшиеся ещё.
Опустило с дождями радугу
Лето осени на плечо.*

*Алым соком по веткам брызнуло —
Покатился Солнцеворот!
Сладко Сирин поёт — не высказать.
Песня кончится. Всё пройдёт.*

Сергей КОРОТКОВ

Москва

Член Союза писателей Росси. Член редакционного совета «Нового Енисейского литератора».

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Монолог ополченца

*Захожу я в пúстьнь храма,
Здесь судьбы моей оплот.
Предо мною панорама —
Весь четырнадцатый год.
Как он есть, мятежный, смятый,
Флаги, флаги на броне:
Их — бандеровский, проклятый,
Наш — с Христом на полотне.
Ты прости меня, столица,
Уезжаю неспроста.
Мне Донбасс не заграница,
А родимые места.
Я в метро метнусь, к вокзалу,
Песню странствий запою.
Нас не зря судьба связала
Словом фронтовым «люблю».
Я люблю степные гали
И небесный купорос...
Мы ещё не всё сказали,
Мариуполь — не вопрос.
Терриконы, терриконы,
Пирамиды детских лет...
Монастырские иконы
Сквозь отверстия цедят свет.
Те отверстия пулевые —
След врага. Мы отомстим.
И покуда мы живые,
Наш Донбасс не отдадим.*

И сурово-непреклонны
Богородицы черты,
Неубитые иконы —
Наших судеб блокпосты.
Я люблю анклавов света
В вольных гушах удалых.
Мне с повадкой поэта
Хорошо среди живых.
Но и мёртвым, право слово,
Есть дорога из дорог.
Нам луна, и та — подкова.
Между нами нету склок.
Осетины и чеченцы,
Сербы, с Дона казаки...
Фронтальная дружба в сердце.
Словом, все мы кунаки.
Я люблю порыв атаки,
Здесь на нервах: кто быстрее.
И мы топчем зверознаки,
Чтоб спасти от них людей.
Я — Донбасс. Пора ответить.
Командир, скажи: «Вперёд!»
По степи гуляет ветер,
На кругу своя идёт.
Ямы, ямы непробудны —
Кровь и бурая земля.
Крым бы сделали безлюдным,
Если б не приказ Кремля.
Знали «вежливые люди»,
С кем придётся воевать.
В Киеве хотят на блюде
Крым Америке подать.
Мировой хохочет ирод:
«Эй, Европа, попляши».
Ров глубокий снова вырыт...
Не для русской ли души?
Было дело, было дело,
Нас хотели погубить.

*И твоё, Украина, тело
Нюрнбергская метит сыпь.
Танк нацистский проседает
(Дед мой — сколько их пожёт).
Вся земля моя седая
На лагоны, как вещдок.
В руце Божьей глыбы гнева
Истекают кровью битв,
Над моим Донбассом небо
В обрамлени молитв.
И по лестнице по узкой
Наши души вверх идут.
И встречают их по-русски,
И во Царствие ведут.
Крест простой украсит холмик.
Глина дrevняя, скажи:
Что забыть мне, что запомнить?
Чувства в сердце — как ножи.
Помним зарево Одессы,
Будет день, и будет суг.
Может, правда это бесы
Приподняли адский спуд?
Разгромим мы подчистую
Всю бандеровскую рать.
Мы ещё вернём шестую
Часть земли. За пядью пядь.
Я люблю, когда водою
Мы смываем вражью грязь.
И под нашу звездою
Отобьёмся, помолясь.
Я люблю повстанцев гонор:
«Воевать так воевать!»
Жизнь люблю, но знаю: скоро
Памятником мне стоять.
Но и каменным, поверьте,
Буду край родной стеречь.
Ярче солнца, пуще смерти —
Русская прямая речь.*

Галина ТАЛАНОВА

Нижний Новгород

Галина Таланова (настоящее имя — Галина Борисовна Бочкова) родилась в Горьком. Окончила с отличием биологический факультет Горьковского госуниверситета по специальности «биофизика», кандидат технических наук. Автор шести книг стихов. Стихи и проза публиковались в таких изданиях как «Литературная Россия», «Роман-журнал XXI век», «Юность», «Нева», «Аргатак», «Созвучье муз» (Германия), «Север», «Волга. XXI век», «Вертикаль.

XXI век», «Природа и человек», «Литературная Немига», «Невский альманах», «Сура», «Берега», «Гостиный Двор» и др. Член Союза писателей России. Лауреат премии «Боддинская осень» (2012), лауреат премии журнала «Север» (2012), лонг-листер премии им. А. И. Бунина (2011, 2012).

ВЕСНА НАХЛЫНУЛА ДОЖДЁМ

★★★

*Отступили морозы на шаг,
И душа встрепенулась от счастья,
Засияла, как новый пятак,
Когда гладил порез на запястье.
Были губы теплы и мягки,
Оплетали слова, как лиана.
И бежали от света круги,
Как цветов распускалась поляна.
Новогодних фонариков цвет,
Поморгав, растворится под утро.
Только знаю с начала ответ
И гляжу равнодушно и мудро.
Эта музыка просто из сна
И растает, как снег на ладони.
И зелёная вечно сосна
Скоро-скоро иголки уронит...*

★★★

*Так неожиданно зима
Дохла ледяным дыханьем.
И с веток снега бахрома
Тревожит бережным касаньем,*

Что удивительно легко —
Как первый трепет поцелуя.
Вновь вспомнишь: мама далеко.
Любовь проходит, нас минуя.
Течение жизни пого льдом,
Что тоньше слюдяного крова.
И говорим мы не о том
С тобой прозрачный вечер снова.
Подковой светится луна,
Что завалилась ветром набок.
И я с тобой опять огна,
И мягок снег, как войлок тапок.
Вот так бы жить,
Как в тапках, нам,
Смотреть в глаза,
В них отражаясь;
И верить розовым бы снам,
К закату быстро приближаясь.

★★★

Как ветер, голос потеплел
И обволакивает дымом.
И петухом в ночи запел,
Дохнул смятеньем юга, Крымом,
Где пахнет морем виноград,
Где укатало море гальку,
Между душой и телом лаг,
Где жизнь припудривают тальком.
Хотя на улице плюс три
И машут варежками вербы,
Но, как, погода, ни хитри
И ни раскачивай нам нервы
Тем,
Что весна — любви пора,
Где плыть корабликом с ручьями,
Январь стоит в углу двора
И смотрит мокрыми очами.

★★★

*Зачем поверила зиме,
Что расцветает сад в метели?
Что свет луны в кромешной тьме —
Как лучик солнца на постели?
То снег летит —
Не лепестки,
Что осыпали вишни в мае.
И снег ложится на виски,
И я в любви — глухонемая.
И скоро, скоро
Всё пройдёт,
Стареют чувства, как бумага.
Желтеет даже толстый лёд,
Впитавший глину из оврага.*

★★★

*Весна нахлынула дождём,
Что лил всю ночь
И день субботний.
И мы опять чего-то ждём,
Не став от талых вод свободней.*

*Бежит, как горная река,
Ручей по краю тротуара,
Друг с другом слиты облака.
Лишь мы по-прежнему не пара.*

*Всего за сутки стаял снег.
Земля — как в сбитой марле рана.
А половодье чувств и рек
Запахло в воздухе гурманно.*

*И, на краю судьбы застыв,
Одна стою, без половины,
Как на разломе скользкой льдины,
Как на плоту, на ней поплыв...*

Галина БЕЛГАЛИС

Новочебоксарск, Чувашия

Галина Белгалис (Галина Алексеевна Елисеева) — заслуженный работник культуры Чувашской Республики, член Международного сообщества писательских союзов Российской Федерации. Лауреат чувашских национальных и литературных премий, автор 14 книг, печаталась в 10 сборниках в соавторстве с другими писателями. Родилась в Сибири, в посёлке Сора Усть-Абаканского района Хакасской области. По образованию филолог-педагог.

НЕ УМЕЮ БЫТЬ РАВНОДУШНЫМ И ПУСТЫМ

Зима, как всегда, кружилась позёмкой, бросаясь в лица прохожих, обнимая деревья и дома, будто просила смириться с её необузданным нравом. Ей казалось, что её холодное дыхание освежает мысли и человек обновляется от звенящих чувств, как от искрящейся белизны зимнего покрывала. Канун Нового года — хлопотная пора. Все спешат закупить подарки, в душах приподнятое настроение в ожидании чуда. Такой уж это праздник — в чудеса верят все.

Аннушка тоже верила в чудо. Тридцатого декабря она поступила в больницу, готовая родить своего первенца — чудесного сыночка, которому и имя уже было готово — Александр. Но сын успокоился, как только они попали в роддом. Роженицу определили в палату, где две молодые женщины беспокойно ходили по комнате, поглаживая свои огромные животы.

Чувство какого-то торжества затопило Аннушку. Она вспомнила всех своих подопечных ребятишек, с любопытством разглядывающих её живот. Женщина работала воспитателем в детском саду, каждый день видела счастливые или грустившие рожицы любимых девчонок и мальчишек, умеющих по-взрослому мечтать. «У вас скоро ребёночек вылазывать станет?» — как-то спросила свою беременную воспитательницу трёхлетняя Лизавета, самая бойкая в группе. Аннушка не успела ответить. «Дети не вылазывают, а рождаются», — дал ей ответ Андрюшка, белобрысый мальчишка со смешными конопушками на носу.

Аннушка улыбнулась воспоминаниям и погладила твёрдый шар живота. «Сыночек, Сашенька, ты что, успокоился? Тебе пора, мой дорогой». Женщина почувствовала толчок внизу живота и резкую боль в пояснице. «Ну вот, молодец, я потерплю, не переживай». Она сморщилась от боли. Но в животе всё опять затихло. Анна подошла к окну и удивилась перемене погоды: метель успокоилась, и день догорал в прорывающихся лучах заходящего солнца. Ребёнок опять толкнулся. «Сашенька, будь поактивнее, мы тогда Новый год вместе встретим!» Она перебирала в памяти всех выдающихся людей с именем Александр и верила, что её сыночка ждёт только светлое будущее, только радостная дорога жизни.

Ребёнок услышал маму только на следующий день, ближе к обеду. «Ну ты и соня!» — приветствовала она желание ребёнка. Весь остаток дня и всю ночь она промучилась в схватках. Но улыбка не сходила с её лица от предчувствия встречи с родным человеком, которому она будет открывать мир добра и чудес. «Зря говорят, что жизнь тяжёлая и жестокая, — рассуждала Анна. — Разве жизнь виновата, что человек сам делает глупости, сам озлобляется или обижается, не понимая, как же здорово жить в радости и любви? Отдавай любовь, она и воротится незамедлительно. К кому-то придёт даже через препятствия или страдания, но ведь это и удивительно, что придёт! Не обойдёт стороной твоё сердце, поселится в нём, взбудоражит, заставит измениться, почувствовать, как же жизнь-то хороша!» Роженица закрывала глаза, боясь за схватками пропустить миг рождения, за болью не почувствовать важность появления своего чуда. Она не заметила, что уже несколько часов Новый год уверенно шагал по земле. Соседок, после рождения их малюток, перевели в другую палату. Аннушка была одна. «Может, и хорошо, что одна, не мешаю никому», — пронеслась мысль. Резкая боль в пояснице и внизу живота вырвала у женщины истошный крик. Новая душа просилась на свет Божий. Женщине казалось, что она кричит уже целую вечность. Наконец в палату вбежала медсестра и засуетилась подле роженицы. Еле поднявшись, мученица поплелась за медсестрой, постоянно приседая от пронзающей боли. Ан-

нушке казалось, что она потеряет сына по дороге к родильной комнате. Врач деловито надевал перчатки, поругивая женщину за нетерпение. У несчастной боль загуманила мозг. Ей казалось, что прошла ещё целая вечность, пока при помощи медсестры и врача она услышала слабенькое попискивание, не сразу поняв, что это плач её ребёнка.

Саша родился с черепно-мозговой травмой. И в скором времени ему поставили диагноз: детский церебральный паралич. Не было горя выше и глубже для его мамы, самой доброй и светлой женщины, и для Сашиных родных. Мать с сыном долго не выписывали из больницы, но наконец-то они пришли домой. Отец издали угрюмо наблюдал за барахтающимся сыном, боясь приблизиться к нему близко. Две недели Саша жил дома, а потом бабушка с дедушкой забрали внука в деревню, надеясь, что свежий воздух и чистая вода помогут мальчонке.

До четырёх лет Саша жил с бабушкой и дедом. Он не осознавал своего физического состояния и вполне был счастлив. Летом и в солнечную погоду каждый день его выносили на солнышко, где он мысленно разговаривал со Светилом. Он лежал на тёплой подстилке, глядя в лазурную или в нахмуренную бездонность неба, и его душа улетала от счастья. Состояние какого-то невообразимого полёта переполняло сердце, рвущееся птахой в просторы, к птицам, снующим в вышине. Клокочущая радость заполняла каждый уголок души, помогая воссоединиться с Землёй и Природой, со всей Планетой и Космосом, наполняя этой божественной чистотой разум и сознание. По мере взросления звуки, рвавшиеся из груди малыша, стали напоминать пение. Этими взглядами он отправлял радость во Вселенную, и её возвращали ребёнку неудержимым желанием встать и побежать по цветочному лугу. Склонённое над ним лицо мамы, частенько залитое слезами, он также воспринимал с радостью: мальчик видел добрые, любящие глаза, полные любви и сострадания. Бабушка с дедом старались не показывать ему хмурые лица, подбадривая его и голосом, и своими улыбками, как бы им ни было тяжело. Отец Саши редко приезжал навестить сына.

В четыре года Сашу забрали домой в Чебоксары. Аннушка обошла и объездила все больницы, чтобы поставить сына

на ноги. И вот в семь лет, после нескольких хирургических операций, Саша на костылях сделал свои первые шаги. Немного окрепнув, он заявил, что хочет учиться в школе.

— Сыночек, может, через год? Окрепнешь, подрастёшь,— мать с любовью заглядывала в глаза сына.

— Нет, мама,— ребёнок будто выдохнул слова,— сейчас хочу учиться с такими же ребятами, как я.

Речь давалась с трудом, но огонь желания был на лице. Мать обняла сына, замерев от Сашиной незащищённости и хрупкости. Родной запах её сокровища затопил всё сознание, и непрошенные слёзы полились ручейком.

— Не надо, мам,— опять выдохнул сын,— я ведь буду на каникулы приезжать. Ты будешь меня забирать?

Он старался увести родного человека от горестных размышлений. Саша уже понимал, что только мама будет к нему приезжать.

— Конечно, сыночек! — Аннушка поспешно вытерла слёзы.

Долго подыскивали интернат, и, как бы тяжело ни было матери, она отдала сына на обучение. Первое время Анна приезжала к сыну каждую неделю. Для Саши же началась самая весёлая школьная жизнь в детском доме-интернате для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата в городе Нижний Ломов Пензенской области. Удивительно внимательные и искренние в своей заботе педагоги открывали самые закрытые сердца ребятишек. Саше повезло, он попал в замечательно дружный класс, где приобрёл настоящих друзей на всю жизнь.

Как-то, забирая Сашу на каникулы, Аннушка сказала, что придётся добираться самим, так как дедушка не смог приехать на машине. Вызвав такси, доехали до вокзала. Усадив сына на скамейку, женщина встала в очередь за билетами. Следующий по очереди оказался толстый подвыпивший мужик, во весь голос ругающий порядки в стране.

— Очереди в магазинах, очереди за билетами. Когда всё это закончится? Куда смотрит правительство? Сидят в кабинетах, зажирили, дела нет до народа. Куда ты, старая, прёшься? Сидела бы дома — нет, куда-то тоже едет,— он схватил за руку бабульку, проходящую мимо него с сумкой на колёсиках.

Та, видимо, искала кого-то, разглядывая очередь. Из толпы вышел мужчина, держащий на руках куртку, пот градом скатывался по его лицу. Рукава его спортивной курточки были слегка закатаны: от тыльной стороны правой кисти руки красовалась накладка в виде змеи, прячась под рукавом.

— Мужик,— вежливо обратился он к подвыпившему задире,— тебе помочь? Вижу, что у тебя проблемы.

Холодный взгляд отрезвил дебошира.

— Нет у меня проблем, проблемы в стране, а я в очереди стою.

— Вот и стой.

Вежливый мужчина забрал сумку из рук старушки, с любовью заглядывающей ему в лицо. Недовольный мужик как-то сразу успокоился.

Время тянулось медленно. Аннушка часто подходила к сыну — то поудобней его усадить, то просто поговорить. Как только она возвращалась в очередь, слышала очередное недовольство стоящего сзади мужика:

— Опять пришла?! Я думал, что ты насовсем исчезла. Чего ёрзаешь? Стоишь, так стой, что всё носишься? Мешаешь думать!

Громко высморкавшись, мужик ненадолго затих.

Подошла очередь, и Аннушка взяла долгожданные билеты. Отходя от кассы, она услышала за спиной возмущённый голос мужика:

— Как нет?! Да я столько выстоял в очереди! Да я разнесу сейчас твою кассу!

К нему спешил милиционер.

— Что я сделал? — переключился крикун на стража порядка.— Мне молчать? Лучше бы порядок навели с продажей билетов!

Обойдя молодого лейтенантика, мужик замолчал и, отыскав глазами Анну, направился к ней. Женщина замерла.

— Нарожают... овощей и не дают нормальным людям жить спокойно, — сплюнув ей под ноги, не останавливаясь, раздвигая толпу, он удалился из зала.

Анна с испугом посмотрела на сына. У того лицо застыло, став неживым.

— Сыночек, мы скоро поедем домой, через два часа поезда. Пойдём, я тебя покормлю, — мать лепетала, не давая чужой мысли укрепиться в сознании ребёнка.

Уже в поезде, разложив вещи, устроила сына поудобней, сев рядом, обняла своё сокровище и тихо заговорила:

— Сынок, помнишь, как я тебе читала сказки — и на ночь, и днём, когда было время? Помнишь, сколько мы разговаривали о доблести рыцарей, сумевших победить зло? Сказки — это кладёзь мудрости наших предков. В них всегда Добро побеждает Зло. Ты не думай, и в жизни так же. Просто тому дяденьке не читали, видимо, в детстве сказок, вот он и озлобился. Поверь, придёт время, и он всё поймёт. Жизнь-то мудрая, она обязательно даст ему такую ситуацию, через которую он все ценности разглядит. Жалеть надо таких людей. Горько им жить на свете белом. Свет-то белый, как бы его ни марали, помни об этом всегда.

Поезд отстукивал километры, Саша задремал в материнских объятиях, веря каждому её слову, укладывая свет маминых мыслей в свою бездонную душу.

Быстро пролетали каникулы. Мама всегда брала отпуск, и они вместе уезжали в деревню к её родителям. Саша здоровался с каждой травинкой, трепетно прикасаясь к своим друзьям, помогающим ему напитывать душу красотами родного края. Однажды, когда он один лежал на поляне, подошёл дед и, присев рядом, потрепал внука по волосам.

— Жизнь удивительна, жаль, что многие понимают об этом слишком поздно. Ты на отца не обижайся, не каждый закалён перед трудностями. Ты ниточку связи с ним не рви, он дал тебе жизнь. Часто бывает, что душа притянула двоих, чтобы родится на этой Земле. Любить надо родителей, какими бы они ни были. Он сам ответит за свои уроки. Нельзя на себя надевать чужие грехи. Люби его издали, видно, судьба твоя такая, — дед вздохнул, нашёл сухую травинку и взял её в рот. — Вот сухая трава и то хранит в себе вкус земли. Так и мы, дети, имеем и характер родителей, и черты их на наших лицах, значит, они живут в нас. Не понимаю тех, кто отдаёт детей в приюты: как можно предать родную душу? Трудностей бояться — себя потерять, — мужчина вздохнул, и прошёлся рукой по земле, будто погладил её за

все дары и чудеса.— Много, сынок, будет проверок твоего отношения и к жизни, и к людям. Не теряй себя. Конечно, хорошо, когда тело подчиняется каждой твоей мысли, но ведь главное-то — душа! А она у тебя светлая, вот и храни этот свет, даденный родом. Ведь и я есть в тебе,— он засмеялся и, встав на ноги, закричал: — О-го-го-о!

Эхо тут же отозвалось на его призыв.

— Вот так, сынок, и в жизни: что ей отправляешь, то и получаешь обратно. Только знания да свет души делают жизнь красавицей. Вот я до сих пор люблю твою бабушку,— он смущённо замолчал.— Ты уж не выдавай меня. И к тебе придёт любовь. Только верь, сынок, в себя. Мужиком будь во всех проявлениях.

Дед ушёл в дом, не оглядываясь, а Саша смотрел ему вслед и понимал, что сегодня, вот сейчас, он повзрослел и стал намного смелее. Как же важно, чтобы тебя любили, чтобы верили в тебя. Да от такой любви он не имеет права раскисать, быть слабым и неинтересным. Саша впервые по-другому подумал об отце. «Даже если нет родных рядом, я-то есть! Душа-то на месте! А трудности — победим!»

Он засмеялся и тоже крикнул:

— О-го-го-о!

Эхо отозвалось его голосом.

«Свет моей души не закроет тьма, тропок чертежи мне дадут ума. Все обиды я отпущу легко. Главное — семья! Взлечу с ней высоко!» — его душа сложила первые поэтические строчки.

Интернатские стены стали для мальчика родными: в них прошло всё детство, в окружении дружного весёлого братства таких же ребят, как и он. Но когда-нибудь всё кончается. Окончив с отличием девять классов, Саша вернулся в Чебоксары. Интернат с друзьями позади, а что впереди — неизвестно. Навалилась какая-то щемящая тоска. Муза подала ему ручку и листок, куда молодой поэт записал свои первые стихи.

Здравствуй, осень дорогая, златоокая моя!

Как же грустно и печально в этот раз встречать тебя.

Разгоняй всех по классам, не звенил уже звонок,

И учитель у порога не торопит на урок.

Вот сижу один я дома и смотрю в твои глаза.
Ты такая же, как прежде, а в груди моей тоска.
Я грущу по нашей школе, по друзьям, учителям,
По таким родным и близким постаревшим тополям...

К удивлению Саши, стихи сразу заметили и опубликовали не только в местной прессе, но и в Казани, и в Москве. Поэзия стремительно вошла в жизнь юноши, заполнив все мысли и пространства. Вышли первые сборники стихов, пришли первые дипломы и премии. Всё, чем напиталась душа от родной земли, от космических полётов за птицами и облаками, от единения с родными и созерцания красот природы, — всё это выливалось в стихотворения, в активную жизненную позицию, и тяга к знаниям заполнила каждую клеточку Александра. Ещё в школе он увлекался физикой и математикой, мечтал об университете. И вот Саша — студент физико-технического факультета Чувашского государственного университета имени Ивана Яковлева в городе Чебоксары. Он стал студентом заочного обучения. Не диплом интересовал молодого поэта, а сам процесс учёбы, погружение в захватывающий мир науки, позволяющий проникать в глубины Мироздания, не выходя из дома. Больше всех радовалась мама, вытирая счастливые слёзы.

С каждым годом обучения, Саша всё глубже погружался в мир физики и поэзии, соединённых в его бездонной любящей душе. У него появилось ощущение, что в литературе он сможет реализоваться в большей степени, чем в физике. Но не все мечты сбываются. Саша не закончил обучение из-за болезни его преданной мамы. Анна всегда была рядом с сыном, но горе, испытанное при рождении сына, при бесконечных переживаниях за него, поселившееся в глубинах её сознания, источало её сердечко. Аннушка слегла. Саша не мог оставить свою любимую маму без своего внимания. Он оставил университет. Но Муза не покидала Сашу.

О Муза, ты вошла в мой тихий дом
Бесшумными кошачьими шагами
И в мир другой открыла мне окно
Бессонными июльскими ночами.
Восторженному взору моему
Открылся край невинного покоя.

Лишь флейты звук, лаская тишину,
Дрожал печально где-то надо мною...

Его стихотворения печатали, его уже узнавали и ждали новых творений. В 1999 году ему предложили выпускать необычный журнал «Поле надежды». Такие же ребята, как он, выпускали лечебно-педагогическую литературу, сборники, адресованные специалистам, работающим с детьми-инвалидами. Это был новый этап в жизни — работа в издательском отделе чебоксарского Центра социальной терапии. Сашу радовали люди, с которыми он трудился, зная, что всегда будет услышан и понят. Работа окрыляла, помогая душе осознать, что все жизненные уроки — это всего лишь ступени вверх. «Мы все мечтаем, — думал Саша, — чтобы нас окружали добрые и светлые люди, но нам дают тех, кто нас меняет. Мы все хотим быть здоровыми, но нам дают такие болезни, через которые приходит осознание самого себя. Мы не ведаем, за что душе дают страдания, но если разобрать это слово, то получается: страдания — урок радости, данный Богом». Вот Саша и радовался каждому дню, любому общению с друзьями, с чем-то новым, манящим и неизведанным. В нём жил азарт исследователя.

Вокруг журнала собралось много талантливых ребят, таких же, как он. Саша стал главным редактором этого журнала. Но судьба журнала «Поле надежды» оказалась вроде падающей звезды — недолгой, но яркой. Вышедшие три его номера облетели многие города России, долетели до США, обрета огромное количество замечательных друзей, которые писали Саше и его команде письма, хранящие судьбы со слезами и радостями. Саша приобрёл опыт редакторской работы, компьютерной вёрстки и дизайна, веб-разработки, что определило его дальнейшую судьбу. Молодой поэт трудился в московском Центре «Одухотворение», где он с командой надёжных ребят выпускал журнал «Луч Фомальгаута» и литературные сборники талантливых авторов с ограниченными возможностями здоровья. Они разрабатывали веб-сайты, интернет-порталы и веб-приложения. С друзьями Александр выпускал и альманах «Молодёжь-INV: мы вместе!». В течение десяти лет молодой человек занимался этой увлекательной и важной работой. Друг его,

Антон Бельский из Чебоксар, композитор и исполнитель песен, написал на Сашины стихи более пятнадцати песен. Проникновенность текста и лиричность мелодий делали их завораживающими и востребованными. И всё же для Саши Муза оставалась главной примой его жизни. Новые сборники стихотворений лечили читателей обиды и боли, помогали проснуться воле и зажечь своё сердце несокрушимой надеждой в свою нужность, как на этой Земле ощущал себя сам Саша.

Поэт влюбился! Он разглядел родную душу, но всё робел признаться ей в этом. Влюблённый видел, каким счастливым огнём горят глаза у его друзей, недавно сыгравших свадьбу. Людмила и Лёша из города Шумерля стали его настоящими друзьями. Когда Людмила осталась одна в трёхкомнатной квартире, не имея возможности сделать для себя ничего, на помощь пришли друзья и её любимый Алексей. Людмила, как и Саша, была поэтом. Писала удивительные звенящие стихотворения. Её супругу Лёше сделали операцию, и он пошёл! Это событие радовало настоящих друзей. Значит, у каждого есть шанс, только нельзя терять надежду. Лёша с гордостью возил свою супругу на все презентации её поэтических сборников, готовил для их семьи обеды, убирал, стирал и был откровенно счастлив. Его Виталинка (это литературный псевдоним поэтессы) сидела в инвалидном кресле и мило улыбалась потоку людей, радуясь каждому подаренному дню. Сашина душа просила отдавать накопленную любовь, звенящую в нём, как серебряный колечко.

Ночь
Старого Нового года.
Ночь.
Снова плохая погода.
Снег.
Плачет за окнами вьюга...
Я
Выйду из этого круга.
Я
Стены раздвину руками.
Пусть
Крикнут: «Куда с костылями?!»

Пусть
Скажут: «На улице вьюга...»
А
Если мы любим друг друга?

Саша признался своей любимой в своём чувстве. К Александру и Лене пришла любовь — настоящая, крылатая. Девушка тоже ходила по земле на костылях, но у неё была лучезарная и пытливая душа. Муза Сашина стала радостней и отважней. Александр так же разрабатывал веб-сайты, интернет-порталы, веб-приложения и писал уже не только стихи, а и публицистические очерки. Он часто вспоминал слова деда и был ему благодарен за мудрую помощь его душе. Александр говорил своей супруге:

— Я, как и дед, буду любить тебя до последнего вздоха.

«Как важно, оказывается, любить! Жизнь видишь по-другому, относишься ко всему по-особому — со звенящей душевной радостью. Пусть даже кто-то любит безответно; видимо, Бог даёт передышку в каких-то проблемах, меняя этим чувством отношение человека ко всему, защищая от агрессии. Глупости от любви светлые, как сама жизнь», — с какой-то лёгкостью рассуждал мужчина.

Саша работал с воодушевлением: и веб-разработчиком в самарском маркетинговом агентстве «Системные решения», и членом редколлегии журнала «Луч Фомальгаута».

Нам всем порой приходится несладко,
Мы мечены неласковой судьбой,
И наша жизнь — как белая тетрадка,
Забытая на серой мостовой.
Растрёпанная, грязная, немая,
Затопанная множеством сапог,
Лежит она в ничтожестве, рыдая,
На краешке не пройденных дорог...
А время мчится вдаль, и не измерить
Нам чашу ожидающих невзгод.
Но надо верить, надо всё же верить!
Но надо всё же двигаться вперёд!

Нет выше радости, чем приносить пользу в служении людям, помогать не только себе, а всему человечеству, давать маленькую надежду, зажигая её искорку, помогаю-

щую сжечь в озарении всю пыль несогласия и серость прозябания. Оказывается, не так важно, сколько у тебя рук и ног, главное — чтобы твоя божественная душа не разучилась летать. Сашины стихи перекладываются на песни, их поют не только на презентациях новых книг Александра Владимировича Ильина; все люди, которым попадают в руки Сашины сборники стихотворений, меняются сами, меняя свои жизненные позиции и представления о самой жизни, обо всех её проявлениях, которые мы обязаны принимать с благодарностью, как милость Бога, дающего нам всем возможность не растерять своей радости из-за жизненных моментов и порой непростых её уроков.

Живу, дышу и каждым мигом,
Как вечным даром, дорожу,
Любуюсь солнца ясным ликом
И в звёздах радость нахожу.
Осенним жёлтым листопадом
Грущу у мокрого окна
И белым зимним снегопадом
Среди снегов ищу тепла.
Но и в дожде, и в снегопаде
Стремился искренне я жить,
И в этом жизненном укладе
Я разучился не любить.
Я разучился не стремиться
К тому, что выше облаков,
И одиночеством томиться
Во власти будничных оков.
Теперь я если и болею,
То только небом голубым.
Живу, дышу — и не умею
Быть равнодушным и пустым.

«...Не умею быть равнодушным и пустым...» — это девиз Сашиного сердца, эти слова стали его путеводной звездой, его желанием, чтобы каждый понимал, что жизнь, если стремиться к ней навстречу и дарить людям что-то радостное и светлое, обязательно откроет тебе видение мира, сможет реализовать все свои мечты, даже не выходя из дома.

Александр ЛАЙКОВ

Ульяновск

Автор поэтических сборников «Из пепла и света», «Подкова в золе», «Зимородок» и других. Публиковался в литературных изданиях, коллективных сборниках и антологиях Москвы и Поволжья. Родился 16 февраля 1953 года. Место рождения — дельта Волги, большое рыбацкое село Икряное. Окончил литфак Астраханского пединститута. Работал учителем в сельской школе, служил в частях ПВО, был корреспондентом районной газеты «Северо-Каспийская правда», редактором отраслевой газеты «Волжский строитель». Ныне трудится в газете «Ульяновск сегодня». Член Союза писателей и Союза журналистов России. Лауреат литературной премии им. Николая Благова.

КУРГАНЫ ПАМЯТИ

*Я пилотку сошью из травы на кургане
И звезду приколю цвета горьких калин...
Я — ровесник солдат, убиенных в Афгане.
Мне приснилось: убитый меня хоронил.*

*Сколько нас полегло от Непрядвы до Моря,
С донетровских времён до парламентских сеч!
Это вечная правда и русская доля:
Чтоб стояла Россия — за Россию полечь!*

*Мне приснилась война и смертельная рана,
Сквозь пространство и время ударил свинец!
...Я ведь тоже стрелял — да простит меня мама! —
Как мой прегок и как в сорок первом отец.*

*Я ведь тоже солдат! Уходил я из дома —
Мама долго и гордо смотрела мне вслеп.
По велению сердца, присяги и долга
Я дежурил у пульта могучих ракет.*

*Нам судьба — выбирать запредельные цели,
Задыхаться во тьме легендарных атак...
А как вещей Коран переделать хотели,
Пусть расскажет генсек, и припомнит Алах.*

*Знаю, друг с бэтээра, как ангел, слетая,
Умирал на чужом, на афганском песке...
И дымилась, и бұхала кровь молодая
На родном поседевшем, как небо, виске.*

*А какой-то иудушка-христопрогавец
Оскорбляет ряды наших братских могил.
...Жарко гует в лицо, сушит губы «афганец»,
Но вовек не растопит солдатских седин.*

*Не согреют души ни медаль боевая,
Ни параграфы льгот, ни Верховный Совет.
Страшно раны болят, и свербит пулевая
Под коленом, которого нет.*

В ИКРЯНОМ

*Отечества и дым
Нам сладок и приятен!
Гавриил Державин*

*Вот опять я босой, без рубашки и кепки,
В жаркий полдень стою на пригорке крутом,
Где мои православные русые предки
Всей артелью наг Волгой поставили дом.*

*Стал посёлок намного уютней и краше!
И, как век, опалённый тугим кумачом,
Обложился по самые древние крыши
Красно-бурым и белым кой-где кирпичом.*

*На высоких верандах — корзины черешен.
Не в печах, а в духовках пекут пироги.
Красотища кругом! Да не видно скворечен,
И беднее уловы из вечной реки...*

*Отступает вода. Дальний берег всё ближе.
Все слышней наг ракетником гомон грачат!
А наг жёлтым песком головёнки мальчишек,
Точно крепкие шляпки опёнков, торчат!*

*Зной густеет, как сок передавленной сливы.
Выгорает трава вдоль седых берегов...
По горячей тропе я спускаюсь к заливу,
В голубую прохладу, как в толщу веков.*

*Все печали мои как рукою снимает,
Утишается боль, отступает беда!
Кто сказал, что живую вода не бывает?
В речках детства осталась живая вода!*

*Я наплаваюсь всласть и взойду на пригорок
Просветлённым душой и таким молодым!
...Дым Отечества сладок, приятен и горек.
Только где он, Отечества сладостный дым?*

*По-над Волгой туман. Красный бакен мигает
Догорающим углем в гревесной золе...
Клён печально шумит — клён меня понимает,
Прикипая корнями к родимой земле.*

ИСТОКИ

*Исток мой — устье Волги,
Созвездие проток,
Моряна — ветер волглый
Да горький польнок.*

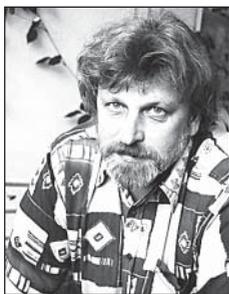
*Курганы рыжей масти,
Глухие камыши...
От Дмитрия да Насти
Добро и свет души!*

*Икрянка, как Непрядва,
В туманах до бровей...
Прабабушкина правда
Расхристанных церквей.*

*Всхлип филина ночами
Над полем страшных сеч,
Будёновских тачанок
С кар-р-тавинкою речь!*

*Да врытые навечно
Над Волгой и окрест
И обелиска свечка,
И православный крест!*

*Мне предков с Куликова
Не уронить бы честь.
От Дмитрия Донского
Во мне кровинка есть!*

Владимир МОНАХОВ

Братск

Автор более десяти сборников стихов и прозы. Активно публикуется в журналах и альманахах. Финалист первого Всероссийского конкурса хайку. В 1999 году награждён Пушкинской медалью Международного Пушкинского общества (Нью-Йорк). За серию лирико-философских эссе, опубликованных в журнале «Юность», в 2005 году назван лауреатом литературной премии имени Владимира Максимова. В 2009 году за «Русскую сказку» вручена национальная премия «Серебряное перо». Лауреат Международного поэтического конкурса «Лёт лебединый» имени Петра Вегина (2014). Член редколлегии альманаха «45-я параллель» (Ставрополь).

ИСКУШЕНИЯ ДЬЯВОЛА РАЙОННОГО МАСШТАБА

Посвящается всем, кто всегда рядом, но не вместе!

МОЛИТВА ОТЦА

Господи, прости!

Я не виноват, что встретил любимую женщину и она родила мне мальчика.

Но не успел сын подрасти, как Ты призвал меня к себе, решив: так будет лучше.

Остался мальчик без отца и запомнил обо мне только то, как однажды я угощал его мороженым... Господи! Из этого крошечного воспоминания он возвёл меня в статус великого человека, а я ведь всего лишь умел точить на станке детали, играть на гитаре модные песни и яростно любить его мать...

Но сын, придумывая меня в своём неисчерпаемом воображении, стал поэтом и теперь пишет стихи против Тебя, Господи! Боже, прости дитя неразумное!

Он всего лишь дразнит, задирает тебя, пытаюсь вывести из божественного равновесия, надеясь, что Ты смиловшись и отпустишь к нему отца — поговорить!

Сыну так не хватает разговора с отцом. Вспомни, Господи, и Ты спускался к своему Иисусу, когда распяли его на кресте. Спускался утешить словом. Вспомни, как Твой сын метал в тебя слова, мучаясь от боли неизвестности. И все выросшие без отцов сыновья одинаковы.

Господи, не сердись, не призывай его так рано к ответу.
Дай ему выговориться со своими детьми и внуками.

ДОРОГА К ТЕБЕ ОДНОЙ

Кого сегодня удивишь пространным поэтическим суждением о первом весеннем ливне, который весь вечер лил как из ведра над нашим городом? Лишь ты с замиранием слушала моё бормотание, когда я нагло ввалился в твой дом, бесприютным и мокрым с головы до пят, и пытался сбивчиво очертить словами бесконечный поток воды, который теперь умею отличать от реки, реку от дождя, дождь от неба, небо от звёзд, звёзды от бесконечности, из которой я мужественно шёл навстречу тебе.

Ты не могла нарадоваться, что я пришёл именно к тебе (особо обращая внимание на то, что к тебе),— и одновременно половой тряпкой энергично вытирала под ногами лужи воды. А чтобы я не простыл — раздела донага, укутала большим махровым полотенцем и уложила на диван...

Я сквозь пелену сна видел, как ты бегала, суежилась и даже не замечала, что желанный гость мертвецки пьян, что от него пахнет чужими духами и запах посторонних не смог смыть даже проливной весенний дождь, под которым я весь вечер искал дорогу к тебе одной!

МОЯ СОЦСРЕДА

Я живу среди людей, которых не волнует падение акций на бирже ценных бумаг, а также не беспокоит рост цен на:

- золото,
- недвижимость,
- автомобили,
- меха,
- турпоездки,
- наркотики,
- компьютеры...

Но они вздрагивают и поёживаются, когда слышат от диктора московского радио об очередном неурожае картофеля и неуклонном повышении стоимости буханки чёрного хлеба.

Только при этих цифрах у людей, среди которых я продолжаю жить, сжимается сердце, а душа уходит в пятки, где от долгого хождения за хлебом насущным её растаптывают в кровь.

ГОТИЧЕСКИЙ РОМАН

Твоя любовь растворила меня в жарких объятиях.

И теперь я струюсь по системе твоего кровообращения, достигая всех мыслимых и немыслимых частей тела, и возвращаюсь назад, к пылко любящему сердцу.

Ты так мечтала об этом, ты так хотела этого — и вот твои желания исполнились!

Теперь ты счастлива как никогда — ведь я круглые сутки с тобой.

Но каждый день люди задают неприятные вопросы о моей судьбе.

И ты откровенно рассказываешь им, как я стал главной составной частью твоей системы кровообращения.

И вот теперь тебя судят за убийство любимого. И ты не можешь доказать, что я жив, что я основная составная часть тебя!

Мы с тобой одной крови — ты и я! Но я не могу этого подтвердить как основной свидетель на людском суде, потому что: моя жизнь — в тебе, а в твоей жизни — Я!

Никто, кроме нас, этого не знает.

БЕСТСЕЛЛЕР, или ЛУЧШЕ ВСЕГО МОЛЧАТЬ С БОГОМ

В глубине Вселенной старичок сидит и перелистывает Библию.

Прочтёт главу — задумается. Прочтёт другую — и воскликнет:

— Ну фантазёры! Ну сказочники!

И тут же сделает закладку из звёзд.

Почитает-почитает — и разорвёт страницы, а клочки развеет над бездной.

— Ну выдумщики, — прокричал старик на весь мир.

Захлопнул сердито Книгу Книг и швырнул её подальше от себя с возмущением:

— Долой щелкопёров!

И тут же принялся писать ответ под названием «АПО-КАЛИПСИС».

А на Земле изворотливый издатель радостно потирает от волнения потные руки:

— Будет, будет ещё один настоящий БЕСТСЕЛЛЕР!

ДРУГ ДЛЯ ДРУГА

По утрам рядом со мной просыпается неутомная старость и будит меня крепче будильника к заботам дня. Вдвоём мы едим гречневую кашу, глотаем пищевые добавки, выпиваем зелёный чай, принимаем таблетку от давления и попутно вспоминаем всех, кого давно уже нет больше с нами.

Затем в течение дня стараемся вести совместную активную жизнь, зарабатывая на чёрный день. Причём я устаю быстрее, чем моя неутомимая старость, для которой напряжённый трудовой распорядок всё ещё не в тягость.

По вечерам, посмотрев телевизор, перечитав письма и газеты, мысленно пообщавшись со всеми, кого рядом с нами нет, она засыпает первой, а я в ночном одиночестве обдумываю: как долго мы будем по утрам просыпаться вместе и в оставшиеся годы, чем сможем украсить жизнь друг для друга?

ЩЕДРОСТЬ МУЖЧИН

Он уходил от любимых женщин належке, оставляя им — дома, мебель, полные гардеробы, автомобили, деньги и драгоценности, произведения искусства, библиотеки, всеобщую известность в кругу других мужчин, а также иные немалые ценности, которые оставленные дамы умудрялись быстро растратить с новыми любовниками, уходившими к другим женщинам, как только у богатых дам заканчивались деньги.

И у брошенных сохранялась память о том единственном, что, уходя належке, оставлял им всё — в том числе и воспо-

минания, в которых всегда бродят самые щедрые мужчины. Только где ещё водятся в наше время такие дураки — большая загадка для этих и других брошенных женщин.

ИЗ БЕСЕД С СОКРАТОМ

Сократ! Какая несправедливость! Я наблюдаю по телевизору за всем миром, я прочёл больше всех, вместе взятых, философов, и порой мне кажется, что мои знания уже давно опережают знания Бога.

Я переписываюсь по Интернету со всем человечеством, но оно же и смеётся надо мною, повторяя, как ты учил, что я ничего не знаю...

Сократ! Ты простой житель античного сельсовета, а я человек глобального периода технико-информационной цивилизации, но мы оба знаем по-прежнему, что ничего не знаем!

А ты, Сократ, не знаешь ещё больше — ведь ты не знаешь даже меня!

ДЬЯВОЛ РАЙОННОГО МАСШТАБА

В Большом театре Мировой истории Военный оркестр фальшивил на весь белый свет музыкой Шнитке и Губайдулиной...

А дирижёр нажимает на спусковой крючок прошлого, стреляя в вечную память Господа, который тянул на себя одеяло каждого мгновения и держал язык за зубами Дьявола районного масштаба, что встречал рассвет словами: «Пусть ваше будущее застрелится из пушки нашего прошлого!»

Тогда Бог нажал на курок Земли и пустил жизнь в висок бытия — так родилась смерть. И Дьявол — раскрепощённый Бог банальности — открыл нам глаза на то, что всем мёртвым хватает места на том свете, а живым зачастую тесно на этом. И теперь самолёт моего сердца расправил крылья и ударился начинкой человечности в самую душу регулярно жующих хлеб.

Братск Иркутской области

Николай НЕМЫКИН

Белгород

Николай Николаевич Немыкин родился 4 июля 1961 года в Белгороде. Окончил среднюю школу и музыкальное училище. В 1980 — 1982 годах служил в рядах Советской Армии. В дальнейшем стал работником РЖД. Первая (1985) и дальнейшие публикации — в местных периодических изданиях, в «Новом Енисейском литераторе». Автор и исполнитель бардовских песен.

КОСТЁР

Целый день была дорога. Поддавшись на уговоры своих друзей, я согласился отправиться с ними в поход. Сказать правду, поход был для них, для меня — мұка. Каждый год — весной, летом и осенью — мои друзья соединяются с природой, и для них это дело привычное и в большей степени — благостное. Я же человек урбанизированный, не привыкший к такого рода перемещениям. Носить за спиной рюкзак, шагать несчитанные километры и получить удовольствие — это не для меня.

И всё же я пошёл. Ощущая похрустывание в суставах и прислушиваясь к покалыванию в пояснице, я бодро замыкал нашу небольшую колонну. Вначале всё было хорошо. Но когда солнце достигло зенита, у меня появилось явное желание повернуть обратно. И не сделал я это только потому, что вернуться к цивилизации самому мне не удалось бы ни в каком виде. Подбадриваемый сияющими глазами друзей, после обеденного привала я с трудом преодолел остаток пути к намеченной на карте точке. Разбивание палатки, сбор хвороста, готовка ужина — всё было в потустороннем мире, из которого хотелось поскорее вырваться в объятия Морфея.

И только с наступлением темноты я понял смысл своего пребывания здесь. Мы сидим у костра. Пламя с аппетитом поедает брошенные ему ветки. Время от времени сучья от сильного жара трескаются, и вверх поднимаются пучки искр. Они мечутся над пламенем, потом поднимаются всё

выше и выше, оставляя за собой светящийся след, и исчезают в темноте.

Но если резко поднять голову вверх и упустить момент их исчезновения, можно подумать, что искры становятся звёздами, рассыпанными по небу...

ЖАРА

Духота. Жара...

Мы с женой сидим на веранде дачного домика и с помощью зелёного чая пытаемся победить зной, стараясь не думать о кондиционере, оставленном в городской квартире. Супруга время от времени уходит в дом, чтобы сменить платье. Ошалевшие осы беспомощно плавают в чашке с вишнёвым вареньем. Цветы в палисаднике и те отвернулись от солнца. По улице неспешно прошла колонна автомашин, собирая марево над капотами. Воздух качает, будто зеркальный, и, несмотря на середину дня, бешено разрываются цикады. Вдали, за небольшим лугом, есть речушка, но мы не допускаем и мысли, чтобы пересечь этот луг и окунуться в водную прохладу.

Наконец с молчаливого согласия жены я отправляюсь в небольшой сарайчик, пристроенный к дому. И после долгих поисков и литра пота извлекаю из него два старых гамака и креплю их к раскидистым яблоням. И мы, оказавшись в плавках и купальнике, принимаем позу перегретых на каменном пляже тюленей. Духота. Жара. Июль.

★★★

*Так трепетно кружатся листья,
Сорвавшись в последний полёт.
Их танцы — от вальса до твиста,
Коль ветер на тур позовёт.
Ковром из узоров несложных*

*Смирненно жгут новой волны.
И липнут к остаткам пирожных,
Что на столах придорожных
От сытости бросили мы.*

★★★

*Цветёт, качаясь дымом, вешний сад...
Ни новизны в словах, ни чувства меры...
Но строчки ровно выстроены в ряд,
Что с современной списаны гетеры.*

*Я сам не раз, поймав желанный взгляд,
Немел от страсти, забывал о Музе
И был готов себя отправить в ад,
Но не сходил с чёртом в шейном грузе.*

*Толпою претенденты — им я рад.
Многоголосный шум толкнув плечами,
Иду спокойно, не вперёд-назад,
Где солнце удлиняет тень лучами.*

*А что ж сады? Пускай себе цветут!
Ну а поля пусть колосятся рожью.
И лишь «любовь» бессмертием зовут,
И наказанием, и светом искры Божьей.*

★★★

*Мы проживаем жизнь и сводим счёты
Со всем, что с нами было, есть и будет.
А наши дни, как маршевые роты,
Идут на смерть. И кто же их осудит?*

*Прекрасна жизнь во всяком проявленье,
Но, что-то оставляя на потом,
Находит слабость в солнечном сплетье,
И почему-то самым светлым днём.*

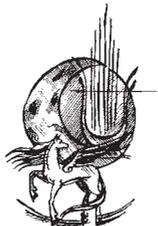
*Не докричаться к Богу в людном храме,
Не станет постриг золотым руном,
И грех лежит, конечно, на Агаме,
А Ева, в общем, здесь и ни при чём.*

*Зачем была и гля чего?
Ты только весело грешила
И гля сознания моего
Лишь огу страсти сочинила.*

*Взмахнув рукой, звала с собой,
На счастье раздробив посуду.
И говорила, что покой
Размазан сливками по блюду.*

*Беспечен день, и тих закат,
Но так же трепетно и мило
Твои глаза туда глядят,
Где след оставило светило,*

*Укрыв пурпуром небосклон,
Вновь приближая наслажденье,
И чуткий и грожащий сон,
И страсть, и нежность, и сомненье.*

Елена ПОНКРАТОВА

Екатеринбург

Родилась 16 декабря 1973 года в Коломне Московской области. Окончила педагогический институт, МГОСГИ (бывший КГПИ). В 2014 году переехала в Екатеринбург. Два года оказались для Елены очень плодотворными. Были изданы два сборника стихов для детей: «Азбука Божественных Канонов» и «Огонёк». Работает в редакции интерактивного детского журнала «Жар-птица» и общероссийской газете «Откровения людям Нового века. Вести». С её творчеством можно познакомиться на сайте «Стихи.ру».

РОССИИ ВЕРНЫЕ СЫНЫ...

*России верные сыны,
Мы все за Родину в ответе!
За то, чтоб не было войны
И чтоб смеялись наши дети.*

*Чтоб память предков оживить,
Всю мудрость, данную веками,
И чтоб в реальность воплотить
Мечты, задуманные нами.*

*Чтоб не железо и бетон,
А красота нас окружала.
Чтоб Русь Святая, как бутон,
Раскрывшись, светом воссияла.*

*Чтоб свежим воздухом дышать,
Чтоб слышать песни на рассвете,
Давайте землю возрождать!
Мы все за Родину в ответе!*

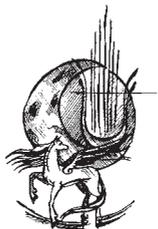
НЕ НУЖНЫ МНЕ ЗАМОРСКИЕ СТРАНЫ...

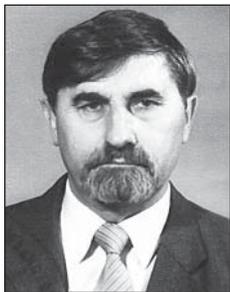
*Не нужны мне заморские страны,
Птицы гнёзд на чужбине не выют.
Говорят, там под солнцем бананы
И кокосы на пальмах растут.*

*Мне ж милее родные просторы,
Свежий воздух лесов и полей,
И зимой на окошках узоры,
И щекочущий пух тополей.*

*На опушке берёзку-погружку
Обниму, как сестрёнку, весной.
Из нагломленной веточки в кружку
Сок струится прозрачной слезой.*

*Я не буду великим пророком,
Но останусь навеки верна
Той стране, что берёзовым соком
Угощала меня гопьяна.*

Юрий САВЧЕНКО

Семикаракорск Ростовской области

Выпустил книги стихов «Сокровенное», «Сердце на ладони», «Бабье лето», две книги очерков «Семикаракорцы: летопись в лицах», энциклопедический словарь-справочник района «Семикаракорск». Публиковал стихи и рассказы в журналах «Дон», «Российская литература», «Литературная столица», «Новая литература», «Лексикон», «Северо-Муйские огни», «Истоки», альманахах «Литературные знакомства», «Литературная Губерния», «Свой вариант», «Рукопись», «Новый Енисейский литератор». Дипломант конкурсов «Стихотворение года — 2013» и «Рассказ года — 2013» альманаха «Новый Енисейский литератор». Номинирован на соискание национальной литературной премии «Поэт года 2014». Член Союза журналистов России.

ОЩУЩЕНИЕ

*Январь в проталинах. Проклюнулся подснежник.
Грустят вороны. Свисли провода.
А солнца луч теплом окрестность нежит.
И тает снег, и струйками — вода.*

*И я оттаял. И ожил гушою.
Приятно мановение весны.
И радость отзывается строкою,
И побужденья замыслов полны.*

*Строка торопится. Перо строчит бумагу.
В разбеге мысль, как всплеск речной волны...
Так в январе я проявил отвагу:*

*Все чувства в жгут весёлый сплетены.
И ощущение: за моей спиной —
Величие и мощь родной страны.*

Маргарита ИСАКОВА

Братск

Главный редактор газеты «Братский университет». Её повесть «Словно нитка за иголкой» опубликована в «Новом Енисейском литературере» № 5/2014. Киносценарий «Запах русской махорки...» создавался во время учёбы на сценарном отделении сценарно-киноведческого факультета ВГИКа в 2013 году и был опубликован в книге «Разведчики», посвящённой творчеству сибирского писателя И. Черемных. Свои отзывы Маргарита Исакова просит присылать по адресу: gazeta@brstu.ru

ЗАПАХ РУССКОЙ МАХОРКИ...

Киносценарий полнометражного художественного фильма (по мотивам очерка «Военный суд» Иннокентия Черемных)

Осень. Передвижение советских войск во время Великой Отечественной войны. По просёлочной дороге автомашины и тягачи тянут тяжёлые артиллерийские орудия. В кузовах машин сидят смертельно уставшие артрасчёты.

Мужской молодой голос за кадром: «Эта трагедия произошла с моим прадедом, Василием Петровичем Харитоновым, в тысяча девятьсот сорок четвёртом году во время освобождения Польши от фашистских захватчиков».

В кабине медленно движущегося «студебеккера» двое — пожилой шофёр и командир артрасчёта старший сержант (видим его погоны) Василий Харитонов; на вид ему лет 30-33, правильные черты лица, из-под пилотки видны светлые с проседью волосы.

Харитонов (*глядя на дорогу*). Только бы дожди не зарядили.

Шофёр (*охотно подхватывает*). Может, тут, в Польше, не такие затяжные, как у нас в Рязани.

Харитонов. Дожди, они везде одинаковые — что у нас в Сибири, что у вас, что тут.

Водитель молчит, привычно крутит баранку. Потом снова начинает разговор.

Шофёр. Только бы доехать без приключений.

Харитонов. Доедем, какой разговор. Минут через двадцать прибудем на батарею.

Шофёр (*чуть наклонив голову вниз, будто что-то слушает*). «Студебеккер» — машина, конечно, хорошая, кабина удобная... Но в прошлом месяце я с ней намучился — видно, с заводским браком попалась...

И только он это проговорил, как «студебеккер» задёргался и остановился.

Харитонов (*беззлобно*). Однако, накаркал, рязанская твоя душа.

Оба выходят из машины. Мимо проезжают другие расчёты.

(Кричит вдогонку последним проезжающим.) Догоним!

Из кузова «студебеккера» выглядывают бойцы-артиллеристы, беспокоятся.

Боец Бураков. Что? Осечка вышла, командир?

Боец Соколовский (*устало*). Опять на руках оружие потащим...

Харитонов (*глядя на угасающие расчёты*). Интересно, сколько здесь до ближайшего населённого пункта осталось?

Шофёр. Да километра два, не больше.

Водитель залезает на крыло машины, открывает капот, внимательно осматривает «внутренности», тяжело вздыхает.

Шофёр. Опять такая же петрушка. Провозимся тут до вечера — как пить дать.

Из кузова спрыгивают на дорогу бойцы орудейного расчёта. Поправляют бушлаты, карабины за спиной. Харитонов залезает на другое крыло автомашины, тоже смотрит на «внутренности» американской машины.

Харитонов (*озабоченно*). Надолго?

Шофёр. Да кто его знает... В прошлый раз, считай, день провозился.

Харитонов (*показывая взглядом на своих бойцов*). Вторые сутки голодаем. Как из боёв вышли, так ещё кухню и близко не видели. Сухари хоть грызли, у кого в карманах завалились, да и те кончились.

Разговор Харитонova и водителя слышат бойцы. Они стоят возле машины, пока не зная, что делать.

Соколовский (*обращаясь к Харитонову*). Командир, пока вы тут с машиной возитесь, мы с Генкой (*показывает на Буракова*) разведаем: что за село. Может, кто из местных жителей харчишки подбросит — как освободителям, а?

Харитонов слушает предложение Соколовского неодобрительно, снимает пилотку с головы, чешет в затылке.

Харитонов. Подбросят, жди. Догонят и ещё дадут. Забыл, как на Украине встречали?

Соколовский (*неопределённо*). Так то ж Западная Украина была...

Бураков (*спокойно и уверенно*). Вася, разреши, мы только туда и обратно.

Другие бойцы (*вразнобой*). Пусть сходят, узнают обстановку. Этих поваров сроду не дождёшься.

Харитонов (*видя такое настроение солдат, машет рукой*). Чёрт с вами, идите! Только смотрите там — поосторожней с населением.

Украина польского села. Бураков с Соколовским неторопливо, осторожно поглядывая по сторонам, идут вдоль плетня, карабины в руках наперевес, пальцы в любую минуту готовы взяться за спусковой крючок. Останавливаются возле одной из добротных хат, осторожно открывают калитку, входят в ограду. Никто их не окликает. Тогда Соколовский заглядывает в окно и стучит в стекло. Гена Бураков в это время смотрит на висящие на верёвках чистые рушники. Открывается входная дверь. На крыльцо выходит толстый поляк лет 60-ти. Он прилично одет, лицо холёное.

Поляк. Шо трэба, панове?

Соколовский *(просит)*. Отец, у нас машина сломалась — тут недалеко (показывает назад рукой). Бойцы вторые сутки ничего не ели. Не поможешь с провизией, а?

Толстяк брезгливо смотрит на заляпанные грязью кирзовые сапоги, галифе и ватные бушлаты русских.

Поляк *(произносит медленно, с акцентом)*. Ваши уже были, всё забрали.

Бураков *(Соколовскому)*. Давай, какие гроши тебе ребята собрали, — купим пожрать, раз такое дело.

Соколовский выгребает из кармана галифе советские деньги, подаёт их поляку, а тот морду воротит, рукой их отстраняет.

(Поляку, ещё миролюбиво). Бери. И картошки нам хоть котелок нагребн.

Поляк. Советский рупь не добже, злоты, злоты...

Соколовский. Какие злоты? Нам пока рубли на злоты не меняли. Сам потом поменяешь.

Бураков *(уже нетерпеливо)*. Картошки нам хоть котелок!..

Но поляк, отмахиваясь от денег, отступает к двери.

Поляк *(настойчиво)*. Злоты, дойче марки.

Бураков *(обращаясь к Соколовскому)*. Нет, ты слышал? Немецкие марки ему подавай. А вот это не хочешь? *(Выразительно показывает на карабин.)*

Соколовский *(делает отмаху рукой)*. Ладно, хрен с ним, пойдём в другие хаты.

Артиллеристы выходят за плетень неприветливого дома, угрюмо идут вдоль улицы дальше. Рассуждают.

Другой бы на нашем месте молился, что после таких боёв живым остался, а мы всё про еду думаем.

Бураков. Да-а... Под смертью ходил, а живой остался — опять жрать охота.

Соколовский. Верно говорят: живой думает о живом.

Бойцы стучатся в окна других хат, на порог выходят хозяева, и все отрицательно машут головой. Это немые сцены.

Тот же мужской голос за кадром: «Как сговорившись, поляки не были расположены помочь советским бойцам с продовольствием».

Василий Харитонов и водитель с грязной ветошью в руках почти одновременно спрыгивают с крыльев автомашины.

Ш о ф ё р (*вытирая руки о ветошь*). Давай перекурим это дело.

Х а р и т о н о в (*обеспокоенно*). Чё, труба дело?

Ш о ф ё р. Форсунки полетели, надо менять.

Оба подсаживаются к бойцам на бровку дороги. Закуривают.

Надо кого-то в автобат отправлять. Не-е, кого отправлять? Самому надо идти, недалеко от вашей батареи стоит. Туда и обратно — немного времени займёт, а вы пока тут переждёте.

В этот момент артиллеристы видят, как к ним бредут Соколовский и Бураков. Харитонов по их невесёлому виду понимает, что идут ни с чем.

Х а р и т о н о в (*кричит им*). Ну чё — с пустыми руками?

Б у р а к о в (*в тон ему*). Нет, с полными!

Х а р и т о н о в (*устало*). Вас только за смертью посылать...

Водитель тем временем ищет что-то в кабине под сиденьем, достаёт тощий вещмешок, набрасывает через плечо.

Ш о ф ё р. Я быстро, только от «студерка» никуда не уходите. Надеюсь на тебя, Василий Петрович.

Х а р и т о н о в. Да куда ж мы двинем? У меня самого вот пушка (*показывает*) — её ить тоже не бросишь. Кому же охота под трибунал, да ещё в конце войны? Садовая ты голова...

Б у р а к о в (*обращается к шофёру*). Ты, Иваныч, только не задерживайся там шибко. Быстрее до своих доберёмся — быстрее пожрём (*поглаживает себя по животу*).

Бойцы пытаются смеяться, но с голодухи не получается. Шофёр удаляется, видно его сгорбленную спину.

Один из бойцов (*обращаясь к рядом сидящему товарищу, подставляя развёрнутый клочок газеты*). Насыпь махорки чуток.

А тот ему (*похлопывая по карману галифе*). Всё, кончилась райская житуха, махры нэма (*разводит руками*).

Моросит осенний холодный дождь. Артиллеристы расположились под бортами машины, укрываются плащ-палатками. Но капли всё равно попадают на лицо и одежду. Из рта идёт пар. Настроение мрачное. На дороге показывается прихрамывающий старик, издали он машет белым платком. Бойцы ждут, пока он подойдёт, затем один за другим вылезают из укрытия.

Старик (*взволнованно говорит без акцента*). Я из села, где вы недавно были. Пан Войцек, мой хозяин, вам картошку не дал, а сам немцев угощал жареными цыплятами.

Бойцы насторожённо слушают.

(*Ещё больше распяется.*) И вы потеревите у него кур, он им счёта не знает, да и пересчитывать не станет. Пойдёмте, я покажу вам курятник.

Харитонов подозрительно смотрит на тщедушного старика, но Бураков с Соколовским уже стали уговаривать своего командира.

Бураков. Вася, пару кур по-тихому прихватим, костерок разведём, хоть поедем по-человечески. Кто нас накормит? В часть ещё добраться надо, да и там сейчас не до нас...

Соколовский (*подхватывает*). Холод собачий. Сколько здесь ещё просидим?.. Может, только утром вернёмся.

Харитонов (*сгаётся*). Ладно, черти. Кто пойдёт со мной?

Бураков с Соколовским (*гружно*). Мы!

Харитонов. Как стемнеет — пойдём.

Старик (*заискивающе*). Проще, панове, проще...

Ночное село, тихо. Бойцы вдоль плетня пробираются к дому поляка-толстяка. Входят во двор, где их уже встречает подбивший на этот по-

ступок старик. Он указывает рукой на низкое строение за домом. Бойцы послушно направляются туда, и когда исчезают из поля зрения, старик оглядывается и украдкой стучит в окошко хозяина. В это время раздаётся испуганное кудахтанье кур. Из темноты один за другим появляются артиллеристы. В руке каждого по курице, Соколовский прихватил сразу двух. Вдруг на крыльцо быстро выходит поляк-толстяк. За ним прячется старик.

Поляк (*освещает солдат фонариком*). Это мародёрство, панове, буду жаловаться вашему начальству!

Соколовский (*взяв в одну руку двух кур сразу, а другой приблизив карабин к лицу пана*). Только пикни, курва немецкая, дом сожгу!

Бураков (*замечает старика-provокатора, с презрением ему*). Эх ты, а ещё пожилой человек!

Бойцы спешат со двора. Поляк-толстяк с ненавистью, а старик-provокатор испуганно смотрят им вслед.

Возле костра у дороги сидят артиллеристы расчёта Василия Харитонova, жадно уплетают жареную курятину.

Харитонов. Быстро так не ешьте, а то как бы заворот кишок не случился.

Один боец. Эх, хлебушка бы ешшо, хошь корочку каку завалышшу...

Туманное утро. Бойцы крепко спят в кузове. Только Харитонов похаживает возле орудия. Тяжело вздыхает. Из тумана показывается шофёр, предупредительно поднимает руку и негромко произносит: «Свои!» Подходит к Харитонову, снимает с одного плеча термос с едой, ставит на землю.

Шофёр. Принимай. Небось, совсем оголодали.

Харитонов угрюмо молчит. С другого плеча шофёр снимает вещмешок.

Сейчас форсунки поменяю, и тронемся.

Сосновый бор в ясный день. Возле одной из землянок сидят на корточках трое: Харитонов, Бураков, Соколовский. Они без ремней, на гимнастёрках нет погон. Рядом — двое конвоиров с автоматами. Перед сидящими солдатами стоит сооружённый из жердей стол. Сделанные из

консервных банок трубы на землянках пускают солнечные зайчики, слепя глаза всем троем. Вокруг собрались бойцы батареи. Они перешёптываются и с нескрываемым сочувствием посматривают на троицу. Иногда насторожённо поглядывают в сторону, где на подножке «студебеккера» сидит толстый поляк, тот самый, у которого голодные артиллеристы «позаимствовали» кур.

Один из бойцов (*говорит грутому вполголоса*).
Суд, вишь, показательный.

Выходит секретарь суда — худенькая девушка, в руках у неё какие-то бумаги.

Секретарь (*зычным голосом*). Встать! Суд идёт!

Соколовский вскакивает быстрее всех. Харитонов и Бураков встают не спеша. За длинный стол садится на чурки средних лет коренастый прокурор в надвинутой на лоб фуражке, из-под козырька зло сверкают глаза. За ним рассаживаются: с серым, невыразительным лицом судья в чине подполковника, заседатели — два молоденьким лейтенанта, майор — общественный защитник от артиллеристов — садится на свободную чурку торца стола последним.

Судья (*стоя*). Заседание военного суда объявляю открытым. Подсудимые Харитонов, Бураков и Соколовский, встаньте!

Троица и так стоит, переминаясь с ноги на ногу, руки все держат по швам.

(*Уже сидя*.) Харитонов, поясните суду, как всё произошло. Говорите только правду. Чистосердечное признание облегчит ваше положение.

Харитонов. Что тут объяснять?..

Судья (*перебивая*). Кто из вас троих намекнул идти воровать кур?

Харитонов. Что тут было намекать? Намекнул нам батрак этого пана... Мы вот трое и пошли. Этот пан (*кивает в сторону толстого поляка*) немцев жареной курицей и водкой привечал, а нам котелка картошки пожалел. Вот мы и решили его малость проучить.

Судья. Вы знали, что закон за мародёрство наказывает?

Х а р и т о н о в . Знали.

С у дья . Знали и пошли?

Х а р и т о н о в . Есть шибко хотели! И не пошли бы, да батрак душу растравил на этого поляка — фашистского прихвостня.

Бойцы, собравшиеся вокруг, стали понимающе шуметь при таких словах Харитонова.

С у дья (*повышая голос*). Со словами поосторожней, Харитонов! Отвечайте по существу.

Харитонов пожимает плечами: мол, чего тогда спрашиваете? Судья тихо (зрители не слышат) обращается к заседателям, те отрицательно мотают головами.

(*Уже громче спрашивает прокурора.*) У вас есть вопросы к подсудимому?

П р о к у р о р (*громко, будто гавно ожидал своей очереди*). Есть! Так кто же из вас первым подал идею отомстить этому (*кивает головой*) поляку?

Харитонов молчит, потупив глаза, только лёгкий ветерок колышет его светлый волнистый чуб. Вокруг наступает тишина. Все ждут, что скажет Харитонов

(*Переходит на крик.*) Я тебя, мародёр, спрашиваю!

Х а р и т о н о в (*будто очнувшись*). Никто... мы трое разом пошли.

П р о к у р о р (*настойчиво*). И никто из расчёта не отговаривал вас?

Х а р и т о н о в . А кто будет отговаривать? Двое суток без крошки во рту, только из боёв вышли...

П р о к у р о р . Нет вопросов.

С у дья . Садитесь пока, Харитонов.

Харитонов оглядывается назад, как бы давая понять, что не на что сесть.

(*С досадой.*) Ладно, стойте пока.

Харитонов опускает голову, его уши багровеют, на лице застывают стыд и унижение. Солдаты вокруг с ещё большим сочувствием и жалостью смотрят на Харитонова.

Продолжаем заседание. Подозреваемый Соколовский! К вам тот же вопрос: кто первый намекнул идти за курами?

У высокого Соколовского плечи опущены, он молчит.

Что, повторить вопрос?

Соколовский. Не надо, я не глухой, хоть и контуженый. Ха-Харитонов...

Бураков (*возмущённо*). Врёшь! Граждане судьи, это он от страха чокнулся. Не помнит ничего. Бойтся, что невесту свою не увидит. Я первый пошёл! Харитонов даже был против...

Судья (*стукнув ладонью по столу*). Замолчите оба!

По щекам Соколовского текут слёзы.

(*Спокойнее.*) Ладно, Бураков, продолжайте.

Бураков. А что продолжать?.. Спрашивайте.

Судья (*уже нетерпеливо*). Значит, это ты спровоцировал Соколовского и Харитонова?

Бураков. Да, я! Взял карабин и пошёл в село, они (*поворачивается к Соколовскому и Харитонову*) — за мной.

Соколовский и Харитонов попеременно бросают внимательные взгляды на Буракова.

Судья (*с подозрением*). И что, не обмолвились ни словом, не мигнули, не кивнули друг другу?

Бураков. А что перемигиваться? Без того всё было понятно, голод — не тётка.

Судья (*продолжает нажимать*). А зачем карабин на хозяина наставил?

Бураков (*просто душно*). Припугнуть слегка.

Судья (*вздыхает и будто передразнивает*). Слегка... А вот поляк другое рассказывает.

Бураков. Да мало ли что ему почудилось со страха? Сам виноват, прихвостень.

Судья (*строго*). Значит, ты готов был совершить ещё одно, более тяжкое преступление?!

Бураков (*пожав плечами*). Не знаю, может, и хряпнул бы, чтобы он (*кивает на толстого поляка*) забыл фашистские марки и не хаял советские деньги.

Судья советуется с заседателями, те снова отрицательно мотают головами. А прокурор в это время нетерпеливо ёрзает на чурке. Судья замечает это.

Судья (*громко обращается к прокурору*). У вас есть вопросы к Буракову?

Прокурор. Есть! Бураков, значит, ты спровоцировал Харитонову и Соколовского на мародёрство?

Бураков. Я! Сколько можно говорить одно и то же?

Прокурор. Столько, сколько буду спрашивать! Откуда пришёл в четыреста шестой артполк?

Бураков. Из бригады Рыбалко.

Прокурор. Почему ушёл из бригады?

Бураков. Мой танк в бою подбили.

Прокурор. Сколько танков потерял?

Бураков. Три!

Прокурор. Подбил?

Бураков (*дерзко*). Не считал!

Прокурор. У меня нет больше вопросов.

Судья снова тихо совещается с заседателями, те пожимают плечами. А прокурор понимающе кивает головой.

Судья (*снова обращается к Соколовскому*). Соколовский, ещё раз уточните суду: кто всё-таки спровоцировал вас на кражу?

Соколовский (*не своим голосом*). Харитонов.

Судья. Харитонов, признаёте свою вину?

Харитонов глубоко набирает соснового воздуха в лёгкие.

Харитонов (*говорит виновато, но твёрдо*). Я виноват. Мои солдаты ни при чём. Я старший, с меня и спрос. Когда иуда-батрак подбил нас, я спросил свой расчёт: мол, кто пойдёт со мной? И вот Бураков и Соколовский отозвались... И мы пошли.

Судья. Всё сказали?

Харитонов (*разводит руками*). Чё ещё говорить? Так всё и было.

Судья (*немного устало*). Понятно...

Сосновый бор с высоты птичьего полёта.

Прокурор (*слышится окончание его речи*). По закону военного времени предлагаю Буракова и Соколовского приговорить к десяти годам лишения свободы с отправкой их в штрафную часть для искупления своей вины кровью. Харитонова, обвинение на этом настаивает, приговорить к высшей мере наказания — расстрелу.

Среди солдат поднимается шум, слышатся выкрики: «За что?! За трёх кур?!»

Судья. Всем замолчать!

Снова посоветовавшись, судья кивает на общественного защитника.

Слово предоставляется общественному защитнику (*смотрит на пожилого майора-артиллериста*). Говорите!

Солдаты, затаив дыхание, напрягаются.

Общественный защитник (*взволнованно*). Подсудимый Харитонов является ветераном шестой батареи, прославился бесстрашием и мужеством в боях на Западном фронте, под Сталинградом, на Орловско-Курской дуге, Украине, в Молдавии и особенно в последнем рукопашном бою под деревней Шишкани в Румынии, Яско-Кишинёвского котла, когда отстаивали своё орудие. И отстояли! Харитонова, к слову, к награде представили.

Харитонов немного приободряется, слегка расправляет плечи, внимательно слушает дальше.

Василий Петрович Харитонов — сибиряк, иркутянин, награждён в сорок третьем боевым орденом Красной Звезды, в сорок втором — медалью «За отвагу». Прошу не оставлять без внимания: у него двое детей, жена умерла, осталась только старуха-мать.

Прокурор, когда говорит общественный защитник, с усмешкой кричит тонкие губы.

Тот же сосновый бор. Щебет птиц. Солдаты в ожидании приговора еле слышно переговариваются. Подсудимые сидят на корточках, опустив головы, друг на друга не смотрят. За столом совещаются.

Судья. Харитонов, встаньте, вам предоставляется последнее слово.

Харитонов тяжело поднимается, оглядывает собравшихся вокруг.

Харитонов (*изо всех сил старается говорить ровно*). Двое дочек у меня, мать старенькая... Ради них смилюйтесь немного... Не давайте мне расстрел... Дайте самый большой срок и штрафную. Пусть меня вражеская пуля убьёт. Страшно принимать смерть от рук своих товарищей и своей пули. Пожалейте детишек!

Прокурор (*зло*). Надо было думать о них, когда за курами шёл!

Харитонов молчит.

Судья. Садитесь, Харитонов. Слово предоставляется Буракову.

Харитонов чуть отступает назад.

Бураков (*говорит горячо*). Я преступник, но как человек прошу вас: ради детей пощадите Харитонova, пощадите! О себе чего говорить, не прошу милости...

Судья. А вы что скажете, Соколовский?

Соколовский (*уже овладев собой*). Товарищи судьи, это впервой так случилось. Мы воюем давно, учтите это...

Суд удаляется на совещание. Солдаты возмущаются.

Первый солдат. Этому польскому живоглоту быка отдали за несколько кур, а он опять появился у нас!

Второй солдат. Дураку понятно, почему он тут. Его кто-то из смершев пригласил. Я как увидел его, так сразу понял: показательный расстрел будет.

Третий солдат. Чтоб этот поляк рассказал своим в деревне, как русские судят своих за мародёрство.

Как по команде, они поворачивают головы в сторону поляка, а его и след простыл.

Первый солдат. Чует кошка, чьё мясо съела, — сбежал, сучья порода!

Харитонов (*говорит вполголоса этим солдатам, стоящим не так далеко от него*). Ребята, в случае чего моим ничего не пишите, пусть думают, что пропал без вести...

Третий солдат (*успокаивает Харитонова*). Да что ты, Василий Петрович, обойдётся. Раз поляк сбежал — так перед кем тогда комедию-то ломать? Все свои остались. Должны расстрел на штрафбат заменить.

Бураков (*Соколовскому*). Эх, тебя дома ждут, а у меня никого нет — детдомовский я!

Соколовский отрешённо молчит, смотрит на кроны высоких сосен.

Секретарь суда. Встать! Суд идёт!

Судья (*читает по бумажке*). Харитонова Василия Петровича подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу! Буракова Геннадия Викторовича и Соколовского Ивана Георгиевича — к десяти годам лишения свободы каждого, с испулением вины кровью.

Солдаты ещё пуще прежнего гудят.

Харитонов (*кладёт руки на плечи своих бойцов*).
Прощай, Генка, прощай, Ванька. Теперь уж на том свете
свидимся...

Соколовский (*чуть не плача*). Прости меня...

Харитонов. Чё теперь говорить? Сам виноват...

Конвойные грубо расталкивают их и уводят Буракова и Соколовского.
К Харитонову подходит неизвестно откуда появившийся офицер средних
лет, с бургистым лицом. Он вынимает из кармана брюк перочинный ножик...

Солдаты (*груг другу еле слышно*). Особист... особист...

Особист (*резко*). Встань! Расстегни брюки, кальсоны!

Харитонов делает, что приказывает особист. А тот со злорадной
улыбкой обрезае пуговицы на брюках и кальсонах.

(*На ухо осуждённому, как бы по секрету, но так, чтобы все
вокруг слышали.*) Если побежишь, штаны и кальсоны спа-
дут — ты в них запутаешься, упадёшь.

Харитонов (*простодушно*). Куда я побегу?.. Я ж не
заяц...

Артполк строится на лужайке буквой «П». Перед глазами артилле-
ристов оказывается вырытая могила, на бровке которой желтеет свежая
песчаная земля. Грозный прокурор идёт к этой могиле в нахлобученной на
глаза фуражке, за ним следует конвой, ведущий на расстрел Василия Ха-
ритонова. Тот одной рукой поддерживает брюки. Подойдя к своей могиле,
Харитонов встаёт лицом к строю однополчан. Лучи солнца бьют ему прямо
в глаза, он жмурится, прикрывает глаза ладонью. Бойцы его расчёта машут
ему на прощанье, подняв кверху руки. Прокурор замечает это.

Прокурор. Бойцам из расчёта Харитонова выйти из
строя.

Те выходят, ещё не поняв, зачем. А когда догадываются, то один даёт
задний ход, но поздно, прокурор замечает.

Куда?! Стоять, а то сейчас рядом с Харитоновым встанешь.
Передать карабины бойцам!

Харитонов наблюдает, как его бойцам особисты всучивают в руки
оружие для расстрела своего командира.

(Командует Харитонову.) Снять гимнастёрку!

Харитонов цепенеет. Со стороны кажется, что он не торопится. Руки не слушаются, он с трудом растёгивает пуговицы гимнастёрки, медленно снимает её, аккуратно складывает, бережно кладёт на бровку могилы, разглаживает поровнее.

(Разгряжённо.) Не тяни! Живее, живее! Снять сапоги!

И вот Харитонов стоит в одних кальсонах, босой. Мускулистое тело слегка подрагивает от осенней прохлады.

Зарядить!

Харитонов принимает стойку «смирно», глядит на ребят, передёргивающих затворы карабинов.

Х а р и т о н о в *(как можно спокойнее)*. Цельтесь сразу в сердце. Не бойтесь, я на вас не в обиде.

Вдруг к расстрельной команде присоединяется новенький старшина батареи.

С о л д а т ы *(выкрикивают)*. Прохвост! Козёл кривоногий!..

Прокурорская рука взлетает в воздух.

П р о к у р о р . По мародёру-у... залпом... огонь!

Недружно гремят выстрелы. Последний звучит тогда, когда Харитонов уже падает на колени. Из ран — на левом плече и правом боку — течёт кровь.

(Поняв ситуацию.) Вздумали мимо стрелять?!

Бойцы артрасчёта молча отступают к строю.

С т а р ш и н а - в ы с к о ч к а . Это я дважды стрелял, а они — в воздух!

Харитонов, опираясь рукой о землю, тяжело поднимается на ноги. И снова замирает по стойке «смирно».

Комбат артполка Зверев (*восхищённо*). Какое мужество!

Он выходит из строя, делает несколько шагов в сторону прокурора и старшины.

(Кричит прокурору.) Надо бы прекратить расстрел! Он уже искупил свою вину кровью! Таких нельзя расстреливать!

Прокурор, оглядев стройного и красивого Зверева, вынимает из кобуры трофейный пистолет и приставляет дуло ко лбу Харитонову.

Прокурор (*говорит в гнетущей тишине*). Ты предпочёл бы умереть от немецкой пули — вот она.

Он в упор стреляет в лоб Харитонову. Тот падает в могилу. Прокурор ещё несколько раз остервенело стреляет в него, уже мёртвого. Солдаты в строю потрясены: кто украдкой смахивает слёзы, кто плачет открыто, никого не стесняясь.

Ночь. Но месяц светит ярко, и потому всё вокруг видно. Возле вырытой могилы стоят артиллеристы. Один заглядывает в могилу и кому-то негромко говорит: «Хорош, глубокую вырыли». Подходит комбат Зверев, тоже заглядывает в свежеврытую могилу.

Зверев. Несите Харитонову, похороним с почестями в расположении своей батареи. Да тихонько там, не шумите.

Вокруг тревожно шумит сосновый бор. На носилках подносят Харитонову, тело прикрито плащ-палаткой, опускают возле бровки могилы.

(Проникновенно.) Бойцы! Знайте, что так стойко мог умереть только настоящий советский солдат. А сволочи, всякие прихвостни, садисты-прокуроры ещё своё получают.

Один из артиллеристов хотел отогнуть плащ-палатку и посмотреть на тело Харитонову.

(Горестно вздохнув.) Не надо. Прокурор в его голову всю обойму всадил... Там ничего не осталось, только часть подборода на шее висит.

Подходит тот самый шофёр «студебеккера», кладёт на плащ-палатку чистое нательное бельё.

Шофёр. Вот, в мешках старшины нашёл. Надо бы надеть.

Зверев (*поясняя*). Я этого гада-старшину выгнал с батареи.

Пожилой боец (*сожалея*). Зачем поторопился? Надо было придушить суку!

Зверев. Чего я и боялся за вас... Не дай бог под конец войны и вам под трибунал попасть из-за какой-то гниды. И при расстреле, когда я выступил вперёд, требуя прекратить расстрел, тоже боялся, чтобы вы не заорали в поддержку меня, а то посчитали бы как солдатский бунт. (*Прыгает на дно могилы.*) Давайте лапник, будем стелить вечную постель нашему Василию Петровичу.

Те же бойцы и комбат сидят у холмика, прислонившись спинами к соснам.

Покурим, братья по оружию, пусть Василий всегда ощущает здесь, на польской земле, запах русской махорки...

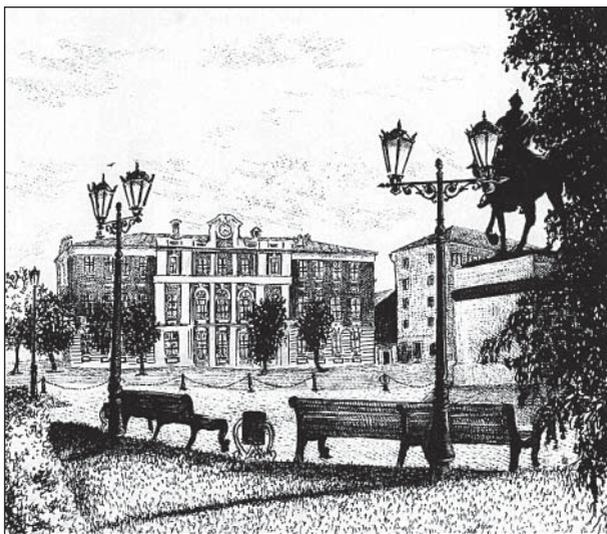
Снова передвижение артполка по просёлочной дороге.

Знакомый мужской голос за кадром: «Так погиб мой прадед — Харитонов Василий Петрович. Уже в шестидесятые годы его старшей дочери, моей бабушке, пришло письмо от однополчанина Геннадия Буракова. Он воевал в штрафбате, дошёл до Праги. А вот Соколовский в первом же бою после военного суда был убит. Комбат Зверев погиб на улицах Берлина. Геннадий Викторович Бураков приглашал дочерей своего фронтового друга погостить в Севастополь, где он обосновался с семьёй после войны. Но из Иркутска до Севастополя долго добираться, объяснила мне бабушка, поэтому встреча так и не состоялась».

В кадре правнук, парень лет 17-19, смотрит старый семейный альбом, останавливается на фотографии своего прадеда в военной форме и внимательно всматривается в это лицо-символ, лицо-завещание...

Конец

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

Тверь. Тушь, перо. Рис. Галины Катрук

ЛИТЕРАТОРОВ ТВЕРИ

МАЛ ЗОЛОТНИК...

Филиал № 5 Тверской библиотечной системы носит имя Спиридона Дрожжина. Только с виду эта библиотека мала и неприметна, а на самом деле творческая жизнь в ней буквально бьёт ключом. Откроешь сайт главной городской библиотеки (имени Герцена), где помещают все фотоотчёты о проделанной филиалами работе, а там чаще других пестрят фотографии из нашей «Дрожжинки», как любовно называем мы между собой эту гостеприимную пристань нашего «Ковчега». Здесь никогда не бывает скучно. Коллектив библиотеки работает просто «на ура». Выставки сменяют одна другую, остаётся только восхищаться мастерством и фантазией, воплощёнными в творчестве взрослых и детей. Еженедельно проводятся встречи с тверскими талантами всевозможных направлений — музыканты, художники, литераторы... Огромная работа ведётся с подрастающим поколением: тематические лекции, конкурсы, викторины, самые разнообразные мастер-классы по рукоделию... Да разве всё перечислишь? Главное, что дети с удовольствием приходят

на эти занятия и активно в них участвуют.

В библиотеке постоянно занимаются рукодельницы «Сударушки» и ЛИТО «Ковчег». Особое оживление царило здесь в прошлом году в октябре, пятнадцатого числа, когда «Ковчег» встречал дорогих гостей из Красноярска и Кубани: главный редактор альманаха «Новый Енисейский литератор» Сергей Кузичкин и два поэта — Сергей Ставер и Василий Чернышев почтили своим вниманием нашу матушку

Вера Грибникова представляет «Новый Енисейский литератор» в библиотеке им. С. Дрожжина. Тверь. 19 мая 2013 года

Тверь. Встреча получилась очень тёплой, незабываемой, наполненной великолепными стихами и рассказами гостей. В «Дрожжинке» остались сибирские подарки и восторженные воспоминания, а тверские сувениры отправились в Красноярск. На следующем собрании «Ковчега» стихи Сергея Ставера прозвучали вновь для тех, кто не смог присутствовать на встрече.

В декабре 2014 года нашей библиотеке исполнилось девяносто пять лет. Весомая дата, не правда ли? История «Дрожжинки» начинается практически одновременно с историей молодой Республики Советов. Библиотеку открыли в 1919 году на средства городского кооператива. Предназначалась она для обслуживания окраины города и являлась здесь единственным очагом культуры. Первоначальный адрес её был: улица Советская, дом № 92 (ныне этого дома не существует). Посещали библиотеку сто шестьдесят шесть читателей, преимущественно учащаяся молодёжь. Их обслуживал один библиотекарь — В. И. Максимова. Фонд библиотеки составлял две тысячи книг.

Поскольку книги в ту пору достать было непросто, был придуман и открыт «Кружок рассказчиков». Он начал работать 14 июля 1921 года. Кружок этот ставил перед собой цель ознакомить слушателей путём живого слова с выдающимися произведениями мировой литературы. Такое интересное и полезное решение имело у читателей большой успех.

Находятся в городских архивах и курьёзные документы из жизни нашей «Дрожжинки». Так, 27 февраля 1923 года запомнилось весьма любопытным событием. В органы местной милиции поступил донос, что в библиотеке имени Дрожжина под портретом Толстого висит портрет царя Николая Второго. Было учреждено дознание, в ходе которого выяснилось, что под портретом Льва Николаевича действительно скрывался другой портрет — только не царя Николая, а Николая Васильевича Гоголя.

Активная общественно-полезная деятельность библиотеки не осталась незамеченной, и в 1926 году ей присваивают статус городской публичной. Не обделяет библиотеку вниманием и тот, чьё имя она носит с самого своего основания, — Спиридон Дмитриевич Дрожжин. Свой 75-летний юбилей и юбилей 50-летней литературной деятельности известный крестьянский поэт отмечает именно здесь, среди читателей и почитателей своего творчества.

Хотелось бы сказать несколько слов о самом Спиридоне Дмитриевиче, поскольку за пределами тверской земли он не столь известен.

Родился будущий поэт в декабре 1848 года, в семье крепостных крестьян, в деревне Низовка Тверской губернии. В школе у деревенского дьячка он проучился две неполные зимы, а потом одиннадцатилетнего сына мать отправила на заработки в Санкт-Петербург. Там, работая половым в трактире, Спиридон жадно читает газеты и журналы, зачастую лубочные и низкопробные. Но затем юноша знакомится с произведениями Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова, И. С. Никитина, с интересом читает журнал «Искра», а с 1866 года регулярно посещает Публичную библиотеку. Самое положительное влияние оказывают на него знакомства с разночинно-демократической молодёжью и столичным студенчеством. Экономя на пище и одежде, он собирает собственную библиотеку, куда входят произведения его любимых писателей: А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, Кольцова и Никитина, Г. Гейне, Л. Н. Толстого... В семнадцать лет он пишет своё первое стихотворение, а в мае 1867 года делает первые записи в дневнике, который будет вести до последних дней своей долгой жизни. Пройдут мучительные тридцать шесть лет скитаний по России, прежде чем Спиридон Дмитриевич решит возвратиться на родину и полностью посвятить себя литературному труду. Его труд будет оценён по достоинству. В 1900 году поэта посещает выдающийся австрийский поэт Райнер Мария Рильке. Четыре стихотворения русского поэта-крестьянина были переведены им на немецкий язык. В 1903 году «Кружок писателей из народа» организовывает вечер, посвящённый 30-летию поэтической деятельности С. Д. Дрожжина. Одним из организаторов вечера был Иван Бунин, который назвал Дрожжина «самым даровитым поэтом-самоучкой». В этом же году Академия наук назначила Дрожжину пожизненную пенсию. Позже он получит премию и почётный отзыв имени А. С. Пушкина за свои стихотворные сборники.

Творческий путь Спиридона Дмитриевича был чрезвычайно плодотворным. При жизни им выпущено тридцать два сборника: двадцать из них до 1917 года и двенадцать при советской власти.

Скончался Спиридон Дмитриевич Дрожжин 24 декабря 1930 года и был похоронен в селе Шоша. Но и Шоша, и его родная деревня Низовка попали под затопление при строительстве Ивановского водохранилища. И тогда в 1937 году прах поэта был перенесён в посёлок Новозавидовский. Туда же перенесли дом, в котором он провёл последние годы жизни, и открыли музей. Во время Великой Отечественной войны музей серьёзно

пострадал. Фашисты частично разрушили здание, полностью уничтожили ценную библиотеку. Насчитывалось в ней более двух тысяч книг. Из них свыше четырёхсот несли в себе дарственные надписи известнейших людей. Не удалось восстановить и множество экспонатов. В 1978 году перед домом установили большой бронзовый памятник Спиридону Дрожжину.

А библиотека его имени в Твери (тогда Калининe) тоже переживала изменения, но более приятные. В 1970 году ей предоставили новое помещение, более просторное, по адресу, который остаётся действенным по сей день: проспект Чайковского, 84. Библиотеке везло на руководителей — ярких, деятельных. Их активность и равнодушие позволили выжить в смутные перестроечные времена. Тогда закрылось в Твери более десятка библиотек, а «Дрожжинка» выстояла, доказав свою значимость. К ней даже присоединили детскую библиотеку, и с той поры работа с учащимися близлежащих школ идёт полным ходом, как уже упоминалось выше. Теперь библиотечный фонд насчитывает тридцать две тысячи книг и более двух тысяч читателей.

Руководит библиотекой потомственный библиофил — Владимир Георгиевич Ходаков. И, наверное, не случайно судьба привела его в эту библиотеку: ведь отец Владимира, Георгий Яковлевич Ходаков, был лично знаком со Спиридоном Дмитриевичем Дрожжиным. Судьба Георгия Ходакова настолько интересна, что хочется поведать о ней читателю, хотя бы вкратце.

Георгий Яковлевич Ходаков родился в Москве 5 июня 1901 года, в Замоскворечье, на Большой Ордынке, в большой семье учителей-интеллигентов. Был он потомком славного рода помещиков, дворян-аристократов, служивших при царском дворе в Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Путивле... С ранних лет жизнь и творчество Георгия Ходакова оказались теснейшим образом связаны с древним тверским краем. Счастливое детство будущего поэта и учёного прошло в городе Ржеве. Ходаков получил блестящее образование: Московский университет, затем — аспирантура Ленинградского государственного университета. Во время учёбы в Москве (1921 — 1925) посещал лекции наркома просвещения Луначарского, неоднократно встречался со Ждановым, Фурмановым, слушал выступления Маяковского и Есенина, был знаком с поэтом Дрожжиным. Со Спиридоном Дмитриевичем его объединяло не только землячество, но и великая любовь к собиранию хороших книг.

Вернувшись в 1925 году в Ржев, Георгий Яковлевич занимается преподавательской, просветительской и лекторской деятельностью. Был он неустанным исследователем и убеждённым собирателем книг. За свою долгую жизнь он собрал три уникальные библиотеки. Список его профессий, званий, увлечений впечатляет: педагог, исследователь, учёный, филолог, литературовед и музеевед, общественный деятель, библиофил, коллекционер, пушкинист, краевед, поэт... Человек энциклопедических знаний, великолепно знавший русский язык и наизусть чуть ли не всю русскую классику, посвятил все силы, талант, лучшие годы своей жизни научному поиску и изучению всего, что было связано с жизнью и творчеством А. С. Пушкина на верхневолжской земле, а также сумел привлечь к этому людей неравнодушных.

Великая Отечественная война нарушила все планы и мечты. В её пламени погибла первая библиотека Георгия Ходакова и все архивные изыскания — итог почти тридцати лет кропотливого собирательского труда. В Ржеве была расстреляна мать, не вернулись с войны два брата. Сам Ходаков войну прошёл в качестве лектора и инструктора политотдела военно-эксплуатационного отделения Управления железных дорог. Был тяжело контужен. Оправиться от таких ударов судьбы помогли книги (понемногу росла вторая его библиотека) и любимая работа по краеведческим исследованиям. Несмотря на военное лихолетье, он пишет редкий по исторической значимости материал о Великой Отечественной войне «Волга — русская река».

Убеждённый правдолюб, неудобный для многих не слишком порядочных личностей, он был обвинён в 1946 году в антисоветской агитации, исключён из партии и подвергнут как «враг народа» политическим преследованиям. Конфискуют его вторую библиотеку. Будучи сильным, принципиальным, независимо мыслящим человеком, Георгий Яковлевич долго боролся за восстановление своего доброго имени. В 1957 году был восстановлен в партии, в 1963-м полностью реабилитирован. И снова с головой в работу! Его ученики вспоминали: «...Он жил в своей теме — донести до других свет знаний, просветить, открыть, разбудить! Это было так увлекательно — слушать его! Ему так много хотелось рассказать, у него была жажда общения, особенно с молодёжью, энциклопедическая передача знаний... Он был примером для нас».

В 1965 году, в возрасте шестидесяти четырёх лет, Г. Я. Ходаков приехал в Тверь (тогда Калинин) на постоянное место

жительства. Здесь он наконец обрёл долгожданное семейное счастье — женился. Родились двое сыновей. Он был очень счастлив и продолжал заниматься научной, педагогической и общественной деятельностью. Организовал курсы по повышению образовательного уровня для поступающих в вузы под названием «Союз трёх муз — живопись, поэзия, музыка» и, конечно же, собирал книги. Всего за свою жизнь Георгий Яковлевич собрал более двадцати тысяч томов! Он продолжал активно разрабатывать тему «А. С. Пушкин и тверской край». Идея создания Пушкинского музея в селе Берново, идея Пушкинского заповедника стали для Георгия Ходакова целью и смыслом всей его жизни. Он упорно пробивал эту идею через непроходимые заторы административных и партийных работников.

Теперь музей-усадьба в Берново известен далеко за тверскими пределами. Известно «Пушкинское кольцо» поездов поэта по нашей губернии: Тверь — Торжок — Грузины — Берново — Малинники — Старица — Тверь. Оно значится в рекламных буклетах и книгах по краеведению. А ведь это название подметил именно Георгий Яковлевич Ходаков. На первых Пушкинских чтениях (5—6 июня 1970 года) в Берново и Старице он выступил с докладом и всех в зале покорила изготовленной им картой населённых пунктов нашего края, в которых бывал поэт. Поясняя чертёж, Ходаков обвёл карту рукой, образуя круг, и сказал: «Получается кольцо поездов Пушкина по Тверской губернии!» С той поры и повелось: «Пушкинское кольцо Верхневолжья».

Умер Георгий Яковлевич Ходаков в 1978 году. Кроме огромного вклада в краеведение, он оставил нам свои стихи, написанные душою, «без фраз цветистых и окольных». Георгий Яковлевич прекрасно понимал ценность настоящей поэзии: «Стихи без сердца — мёртвые слова». Свои строки он наполнил жизнью, светом, добротой, чистой грустью, любовью:

Пусть громче бьётся сердце, сняв усталость,
Чтоб наша жизнь поэзией осталась.

И это пишет человек, претерпевший столько лишений. Очень жаль, что его имя незаслуженно забыто, что к судьбе и творчеству Георгия Ходакова можно прикоснуться только в толстых самодельных тетрадах, которые хранят его сыновья.

Отрадно, что младший сын, Владимир, продолжает дело отца, всю душу вкладывает в служение библиотечному делу.

У него высшее филологическое образование и двадцатипятилетний стаж работы в муниципальной библиотечной системе города Твери. В 2007 году он был удостоен губернаторской премии как лучший библиотечный работник. Много сил и времени прилагает Владимир Георгиевич, чтобы жизнь вверенной ему библиотеки отличалась «лица необщим выражением». Здесь проводятся конференции международного уровня, поскольку налажена связь с филологами Германии и Болгарии. Крепнет дружба с музеем Спиридона Дрожжина, с библиотеками других городов, со студенчеством исторического и филологического факультетов ТВГУ. Недавно осуществилась давняя мечта Владимира Георгиевича о приобретении для библиотеки электронного пианино, которое так необходимо для творческой работы с детьми и взрослыми. Можно отметить и очень полезное для жителей округа нововведение: каждый вторник один из залов библиотеки превращается в общественную приёмную мэра. Любой гражданин сможет прийти сюда и решить волнующие его жилищные, правовые и другие вопросы.

Кроме деловых качеств, Владимир Георгиевич обладает завидным артистизмом. Он запросто может на масленичной неделе повеселить зрителей, нарядившись коробейником или скоморохом, а 8 марта в образе Николая Баскова поздравить всех работниц городской библиотечной системы томной песней. В летнее время наш уважаемый директор вместе с ЛИТО «Ковчег» отправляется на краеведческие изыскания по городам и весям Тверской области.

Можно с уверенностью сказать, что Георгий Яковлевич воспитал себе достойную смену. Остаётся надеяться, что сам Георгий Яковлевич Ходаков обретёт по праву своё почётное место в ряду патриотов земли тверской, которую любил всем сердцем. А в тверских библиотеках среди книг, которые он боготворил и собирал для людей всю свою жизнь, будет стоять книга с его биографией, воспоминаниями друзей и стихами.

*Вера ГРИБНИКОВА,
член Союза писателей России*

Александр РУШКОВСКИЙ

Родился в Иркутской области. В Тверь переехал в 1997 году. Образование высшее филологическое. Работает строителем. Стихи и рассказы пишет с юности. Автор поэтического сборника «Город развесил гирлянды огней». На его стихи написаны песни, издан музыкальный диск. Член ЛИТО «Ковчег».

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГИЯ

*Город уснул в белой ночи, как человек.
Тихо кружась, светел и чист, падает снег.
В снежные шапки себя нарядив, гремят дома.
Глянь из окна: там впереди только зима.
Только зима...*

*Ёжась, деревья мёрзнут и спят, холод терпя.
Ведь не возьмёшь у лета тепла на год взаимы.
Снятся им жаркие дни, но всюду опять —
Куда ни взгляни: столько зимы!
Столько зимы...*

*Песню свою протяжно поёт глинный январь.
Мысли всегда стыннут, когда холода.
Так одинаково все (и ныне, и встарь)
В зимнем безмолвии спят города,
Спят города.*

*Город уснул в белой ночи, как человек.
Тихо кружась, светел и чист, падает снег.
И, придержав сердце в груди и чуть дыша,
Молча стою, чтоб не будить
Город ночной, как малыша,
Как малыша...*

Александр СНАСТИН

Родился в Тверской области. Увлекается велопоходами по России, байдаркой, скалолазанием. Участвует в реконструкциях Бородинского сражения. Собственноручно, без помощи швейной машинки, пошил себе полное обмундирование гренадера. Играет на гитаре, сочиняет музыку на свои стихи и стихи других авторов. Доцент. Преподаёт в Тверских филиалах МГЭИ и МЭСИ.

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

*Настоящая любовь —
Птица редкая.
Прилетай, поговорим,
Вот и веточка.*

*А как будешь улетать,
Взмахнёшь крыльями —
Оставь пёрышко на память
И лети, лети...
Оставь пёрышко на память.*

*А как стану вспоминать:
Было ль, не было ль?
На мгновенье покажись
В ясном небушке.*

*Покажись и пропади
В дали дальние,
За далёкий горизонт,
В хмарь вокзальную...
За далёкий горизонт.*

*А как будешь улетать,
Взмахнёшь крыльями —
Оставь пёрышко на память
И лети, лети...*

*Настоящая любовь —
Птица редкая.
Прилетай, поговорим,
Вот и веточка.
Прилетай, поговорим...*

Анастасия КАМЕНСКАЯ

Образование высшее филологическое. Занимается переводами. Пишет стихи и критические статьи в области стихосложения. Печаталась в тверских альманахах и СМИ.

МНЕ ВИДИТСЯ СИЯНИЕ ПЛАНЕТ

★★★

*«Мироздание — штука простая, —
Бормотал за работой Творец, —
Пустота, пустотой обрастая,
Превращается в мир наконец».
Завершая бессмысленный опус,
Он воскликнул: «А ну-ка взгляну!»
Ах, какой замечательный глобус
В натуральную величину.*

★★★

*Бог есть любовь. А если Бога нет?
То нет любви. Но отчего же снова
Мне видится сияние планет
Сквозь тяжкий полог сумрака земного?*

*Бог есть любовь. А если нет Его,
Кто даровал мне крылья за спиною?
И как зовётся это волшебство,
Тебя соединившее со мною?*

★★★

*Зимний вечер. Метель. Запоздалый прохожий —
Как песчинка в тугих жерновах бытия.
Он как будто со мной абсолютно не схожий,
Откровенно не вышедший кожей и рожей,
А присмотришься — точно такой же, как я.*

*Те же семьи, приятели, бывшие жёны,
Тот же тускло и ровно мерцающий снег..
В непроглядную тьму он глядит напряжённо,
Этот сумрачный филин в дупле капошона,
Одинокий — такой же, как я, — человек.*

Анатолий КАСАТКИН

Майор в отставке. Профессионально занимается живописью, хорошо владеет музыкальными инструментами, пишет стихи и песни. Неоднократный участник художественных выставок, призёр поэтических и бардовских фестивалей. Автор сборника стихов «Из ниоткуда в никуда».

МОЛИТВА СТРАННИКА

*Стало пусто вокруг, одиночество тихо подкралось,
Не вернуться к тому, от чего так стремился уйти.
Под осенней листвой путь-дорога опять потерялась.
Вновь простые слова для молитвы пытаюсь найти.*

*Не оставь! Не покинь! Без Тебя не найти мне дороги.
Проведи в темноте — до рассвета ещё далеко —
И святою водой окропи мои грешные ноги,
Чтоб по острым камням за тобою шагалось легко.*

*Закрывает туман то, что завтрашний день приготовил.
Торопиться нельзя, но нельзя и на месте стоять.
Одному не пройти... И, Твоей наполняясь Любовью,
Я молитвы слова в тишине повторяю опять:*

*Не оставь! Не покинь! Без Тебя не найти мне дороги.
Проведи в темноте — до рассвета ещё далеко —
И святою водой окропи мои грешные ноги,
Чтоб по острым камням за тобою шагалось легко.*

Борис ЗВЕРЕВ

Родился в Тверской области, в селе Славгущи. Писать стихи начал в зрелом возрасте. Автор двух поэтических сборников. Печатался в тверских альманахах. Отмечен дипломами различных поэтических конкурсов. Живёт в Твери.

ПОДРУГА

*Раскинул простыню декабрь, явившись в срок.
И я торю лыжню в заснеженный лесок.
Куражилась пурга над нами пару дней,
Оставив, как стога, сугробы у плетней.*

*Но, подустав, легла в поля и на луга.
И я, забыв дела, крою лыжнёй снега.
Не просто так бегу, сгоняя сонный хмель:
Там, утонув в снегу, грустит подруга-ель.*

*Я в даль лесную рвусь уже не первый год,
Когда на душу грусть метелью наметёт.
Пусть нет порою сил, но мысль торопит шаг:
«А вдруг её срубил какой-нибудь дурак?»*

*Топча снегов слои, куст обогну — и вот...
Стоит она, стоит, упёршись в небосвод.
На лапах снег лежит, прикрыв от ветра ствол.
И словно груз с души: «Ну, здравствуй, я пришёл».*

Вера ГРИБНИКОВА

Член Союза писателей России. Член редакционного совета «Нового Енисейского литератора».

ПОТАЁННЫЙ САД

Сергею Клычкову

*Достала книгу с полки наугад.
И... словно мы с тобой давно знакомы,
Ведёшь меня в свой потаённый сад
Вблизи от удивительного дома.
Твой дом, как терем, сказочно красив.
А ночь исходит страстью соловьиной.
Поёшь и ты... Загумчивый мотив
До края полон гревностью былинной.
А в окнах дома теплится огонь,
Такой уютный и такой влекущий.
Прошу, не отпускай мою лагонь,
Сама Дубравна бродит в этой куще.
Под светом звездопадов и зарниц
В саду уже маняще зреют соки.
И ты теперь вольнее вольных птиц,
Мой спутник темнокудрый, синеокий.
Беяна освещает с высоты
Расшитую твою косоворотку
И ямочку на крепком подбородке.
А ты поёшь, чаруешь песней ты...
Не умолкай, звени, последний Лель,
Ведь Русь не сдюжит без твоих свирелей.
Пусть головы кружит медвяный хмель
Чертухинских малинников и елей.
И что с того, что «жницы» по полям
Вострят серпы и поджигают вечер?..
Ты обещаешь в гости к журавлям
Сводить меня при следующей встрече?*

Ольга СОРОКИНА

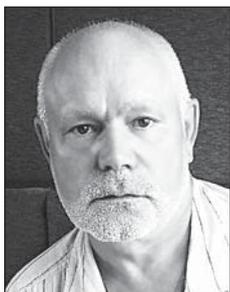
Родилась в Донецкой области, в городе Часов Яр. Преподаватель русского языка и литературы. Стихи пишет с детства. Печаталась в альманахах и СМИ. Убеждённая путешественница. объездила большое количество литературных мест России. В 1986 году побывала в Красноярске, посетила Шушенское и Дивногорск, увидела красноярские «Столбы», родину В. Астафьева — село Овсянка. Очарована природой Сибири.

ЗВЕЗДА ЗОВЁТ

★★★

Высокая в небе звезда зовёт меня в путь...
Виктор Цой

*Бродяжки гены не дают покоя.
Бродяжки гены — что это такое?
Почто гуше на месте не сидится?
Почто покой бедняге только снится?
Кто наделил и голову, и ноги
Бродяжьем духом, жаждою дороги?
Спасибо предкам, что покой презрели
И жить оседло вовсе не умели.
Вот и меня влечёт... Куда? Не знаю.
Вперёд! В дорогу! К агу или к раю?
Идти, бежать, лететь — гуше неймётся...
Ну что тебе спокойно не живётся?
Сиди на месте и пиши поэмы —
И навсегда закроем эту тему!
Но нет! Опять меня несёт куда-то,
И в этом я ничуть не виновата —
Шальные предки наделили этой
Безумной жаждой странствовать по свету.
Звезда зовёт — и я иду за нею,
И по-другому жить я не умею...*

Борис ПЕРШУТКИН

Родился в посёлке Васильевский Мох Тверской области в 1949 году. Стихи начал писать с детства. В 1975 году окончил филфак Тверского государственного университета. Долгое время работал в Министерстве образования Российской Федерации. Кандидат экономических наук. Почётный работник общего образования РФ. В настоящее время живёт в Москве. По выходным приезжает на встречу с друзьями в тверской «Ковчег».

СЛЕПАЯ СТРАСТЬ

*Слепая страсть — она приманка зла,
где чувства прочно сковывают разум,
и не распутать нам потом узла,
который крепко может быть завязан
безволием, смятением души
и жаждой только мига наслажденья...
Слепую страсть попробуй потушить —
почувствуешь огонь самосожженья.*

★ ★ ★

*День бросил тень — и стала ночь
за гранью хрупкой,
ночь будет звёздочки толочь
в небесной ступке,
чтоб появился Млечный Путь —
дорога света,
её увидит кто-нибудь
перед рассветом...
и будет памятен тот миг
бессонной ночи,
как будто тайное постиг —
так, между прочим...*

Венена ПЕТРОВСКАЯ

Преподаватель русского языка и литературы. Живёт и работает в городе Старица Тверской области. Автор трёх поэтических сборников. Член литературных объединений Стихия» и «Ковчег».

У МОРЯ

*Здесь время не спешит, сбавляет бег,
качая чаек на волнах лазурных.
Расстаться с небом — это неразумно.
И море — отражение небес.
А ночью у сегоду валуна
Сверкает плотью полная луна,
Листая волны, будто бы клавиры.
А с края неба, из созвездья Лиры,
спускается соната номер пять
и начинает маятник качать
морского, солью сдобренного мира.
Тот продолжает сонный променаг.
Вперёд-назад. И вновь вперёд-назад.
Так море животом своим огромным
сбивает время в лодочке Харона.
И время не спешит... сбавляет бег.
И засыпают Бог и человек.
На пенном гребне медлит тишина,
которая Бетховенам слышна...*

ПРЕДГРОЗОВОЕ

*Отворите небеса,
ангелы-привратники:
вьётся молнии лоза,
тучи — словно ватники.
Не пробиться сквозь базальт
пасмурно-кромешного.
Грозовая полоса...
градины — орешины.*

Елена ПАВЛИНОВА

Коренная тверичанка. Работает завскладом на стекольном заводе. Заочно учится в Литинституте имени А. М. Горького. Пишет стихи с юности. Печаталась в тверских альманахах. Член литобъединений «Ковчег» и «Рассветная звонница».

ПРОСТИ

*...А дело в том, что я тебя простила,
Обиды отгала календарю.
Прости, что я была с тобой бескрылой!
Прости, что поздно это говорю.*

*Прости, что долго так не отпускала
И долго так не верила в себя,
Что мне весною счастья было мало,
Что в желтооком мире сентября*

*Живу взахлёб, без страха, без оглядки,
Что разучилась прошлое жалеть,
Что в старой и разбитой нами кадке
Куст хризантем, шутя, раскинул медь.*

*Прости, прости, что ты не будешь сниться,
Прости, что так легко смеяться мне,
Что я теперь пишу иные лица,
Но не твоё... на этом полотне.*

*Я знаю, наше солнце не в зените,
И под закат накопим мы грехов.
Прости, что в нашем доме половицы
Разносят эхо не твоих шагов.*

Ирина КРУТОВА

Профессия — программист. Пишет стихи и рассказы. Занимается фотографией. Снимает замечательные видеоклипы на стихи и песни своих друзей. Мама и бабушка. Член ЛИТО «Ковчег».

НАХОДКА

Последний июльский рабочий день: впереди — долгожданный отпуск! Жара. Пришла с работы — сразу же в ванну: надо под душ. Отодвинув занавеску, обомлела... в ванной сидело какое-то существо и пыталось при виде меня куда-то спрятаться. Испугались оба: я — от неожиданности, мой незваный гость — от страха. Присмотрелась — птенчик. Чудеса, да и только!

Как он попал сюда? Единственное, что пришло на ум, — через вентиляционный ход, тем более что на днях решётка отвалилась, а новую поставить ещё не успела. Живу на последнем этаже, так что вполне возможно.

Взяла живой комочек в руки — птенец притих, а мои пальцы ощутили, как от страха стремительно забилося его сердечко! Погладила, успокоила. В тёплой ладони он затих.

Отнесла пленника на балкон, положила в горшок под цветок. Птенчик вначале подрагивал от страха, но потом закрыл глазки и притих. Уснул. Небольшой, а крылья длинные, лапки маленькие, клювик аккуратненький. На шейке у него ещё мало пёрышек было, лапки голенькие, под крылышками тельце красненькое. Птица неузнаваемая: не то сова, не то кукушонок, не то ястребок. Но клювик-то уж больно махонький.

Чем кормить? Поднесла в пипетке воды — открыл рот (ротик под стать бегемотовой пасти!). Воду выпил. Сделала из хлеба червячка — съел. И опять заснул. Через полчаса заглянула на балкон, а он уже пёрышки чистит. Отлегло на душе: значит, выживет. Стала искать в Ингернете, на кого же он похож. Через десять минут нашла: стриж! Чёрный стриж.

Вернуть птенца родителям было нереально, где гнездо — неизвестно; на крышу не забросишь, да и на такой жаре испечётся там. А тут ещё вороны с чайками летают — насмерть забьют кроху. Решила выхаживать, а там, дай Бог, сам улетит.

Стала искать в Интернете, как надо кормить птенчика. Советы были дельные, очень мне помогли. Сделала мешанку из нежирного фарша, варёного яйца, творога, тёртой моркови, добавила измельчённую в порошок скорлупку. Всё перемешала. Из получившейся смеси скатала небольшие горошинки. Вот ими и стала кормить найдёныша. Птенчик оказался смышлёным, хорошо открывал рот, мой палец даже обсасывал. Четыре горошинки съест — и сразу засыпает. Кушал с аппетитом. Два раза, правда, отказывался от еды какое-то время. Как я потом догадалась, у него болят животик. Но потом всё опять наладилось.

Днём он сидел на балконе в ящике с цветами. Я только на землю ему салфетку стелила, чтобы пёрышки не намокали и самому потеплее было. На ночь сажала в обувную коробку, в которой проделала отверстия. Коробку прикрывала полиэтиленом от дождя и металлической сеткой, чтобы большие птицы крышку не расковыряли. На время кормёжки птенца сажала в большой цветочный горшок. В нём у меня были посажены луковички выскочки, которые никак не хотели расти — из земли торчали только два узеньких листочка. Я стелила бумагу в цветочный горшок, и малыш сидел в нём как в гнёздышке. Птенчику было тепло и уютно, и он спал, спал...

Нашего нового члена семьи мы назвали Стрик-Чика. Он подрастал на глазах, стал проявлять свою чистоплотность, клавишкой что-то вычищал в пёрышках, приглаживал их, вытряхивал. Поражала его быстрота в последовательности действий: вот только что занимался своим туалетом, а через секунду уже глазки закрыл — и спит. Только коснусь его пальцем, а клювик уже разинут, хотя он ещё спит и глаза закрыты. Встрепенётся, проглотит свой кусочек с фаршем — и опять глазки закрыл: уже спит.

После длительного сна глазки откроет, головёнку приподнимет — и начинает копошиться, назад пятиться. Потом как-то весь подбирается — и выстреливает «капсулку»: в туалет сходил. И удирает с этого места на своих крошечных полусогнутых лапках, скорее даже — уползает. Его экскременты очень ядовиты и разъедают пёрышки, поэтому за чистотой коробочек я тщательно следила — «пеленала» вовремя.

Спал он везде: в коробочке, в цветочном горшке, на столе (но уголок потемнее выбирал), у меня на плечике, на занавеске, — везде, где только мог уцепиться коготками. Особенно нравилось ему в цветочном горшке находиться. В нём он классно смотрелся — ну просто Дюймовочка! И спать удобно было, да и сам мог что-то увидеть с высоты горшочка.

Стрижонок рос, крылья набирали силу. Я уже стала учить его летать и тренировать крылья. Мои уроки, как оказалось, были просто детским лепетом перед его самостоятельными занятиями, которые он вскоре продемонстрировал нам. Вот мой Стрик очнулся от сна в своём любимом горшке, встряхнулся, а потом распрямил свои крылышки (а они уже у него стали по четырнадцать сантиметров). Затем стал вытягивать и складывать одно крыло, далее такое же упражнения проделал с другим. Причём видно было, что это ему доставляет удовольствие. Отдохнув, он раскрыл оба крыла и стал ими быстро-быстро махать и одновременно поворачиваться в горшке, ну точно самолёт на взлёте. Потом стал подниматься на вытянутых крыльях — висеть, лапками земли не касаясь. Просто — гимнаст на перекладине! Мы с дочерью, видя такие достижения птенчика, застыли в изумлении. Я даже дышать перестала — так меня это поразило.

Вид взрослеющего птенца доставлял немало удовольствия. Это было как награда, что не напрасны были старания и хлопоты, и это была надежда, что всё-таки малыш взлетит и сможет выжить на воле. Кормёжка была регулярной, каждые два часа, затем уже через три. Если надо было уходить из дома на длительное время, то птенца я брала с собой. В картонной коробке из-под чашки сделала отверстия для воздуха, выстелила её внутри бумагой, и коробка стала для Стрика его выездным домиком. Там было уютно и тепло.

Прогулки на свежем воздухе нравились нашему подопечному. Однажды мы получили приглашение на дачу к знакомым. Там Стрик немного повисел на веточке, затем проспал весь день. Даже ел мало: видимо, получил кислородный нокаут.

Зато дома аппетит у него был зверский. На речке, куда мы поехали всей семьёй, Стрик умудрился убежать и из коробочки, и из машины. Нашла его уже под колёсами — напуганного и растерянного. Но, оказавшись на моей ладони, тотчас успокоился, согрелся и заснул: мол, мама рядом — значит, всё хорошо!

Полёты по комнате вначале были рискованными: стриж делал пару кругов, приближаясь к полу, и плюхался с расправленными крыльями на пол или на мебель, причём крылышки сложить сразу не мог, лежал весь распластанный. Приходилось подходить к нему и помогать собрать крылья. Вскоре траектория его полёта изменилась, он стал брать выше, совершал четыре или пять кругов. И приземлиться мог на шкаф, ко мне на руку или на занавеску, причём по занавеске он перелетал аж до самого потолка. Не сразу, но научился отпускать коготки, чтобы, взлетев, зацепиться на ткани уже повыше.

Птенец окреп, крылья стал складывать внахлест треугольником и напевал мне свои чудесные песенки. Обычно певчий дар у него проявлялся, как только он оказывался на ладошке: лапками поцарапается, пытаюсь сесть поудобнее, согреется от руки — и начинает попискивать, ну точно котёнок мурлычет. А у меня на душе в это время ангелочки танцуют. Доверял мне полностью. Несколько раз сам прилетал ко мне на кровать, плюхался рядом, затихал и заводил свой мотив. Я ему стелила на подушку носовой платок, он пристраивался на нём — и мы со Стриком засыпали...

Вскоре уже заметила, что квартира стала его стеснять, на скорости он не мог вписаться в повороты и падал, натыкаясь на мебель. Пришло время отпускать стрижа на волю. Очень переживала, что он не сможет взлететь, свалится на проезжую часть дороги — наш балкон был со стороны проспекта.

И вот через три недели мы с дочкой после обеда решили отпустить нашего воспитанника. Вышли на балкон. Я посадила Стрика на ладонь и подняла над собой. Сразу же стало страшно и отчаянно заколотилось сердце: мне показалось, что это я сама сейчас должна спрыгнуть с балкона пятого этажа. Ноги стали ватными и подкосились. Инстинктивно сжала руку — и Стрик вновь был рядом, в безопасности, как мне казалось.

— Выпускай, что же ты медлишь?! — воскликнула дочь.

— Не могу, он сейчас разобьётся, — ответила я.

Успокоившись и собрав всю свою волю в кулак, я вновь подняла стрижа на ладони. Он тихо сидел и не шевелился, вцепившись коготками в ладошку.

Прошло какое-то время. Я почувствовала, что коготки больше не причиняли мне неудобства, птенец уже сидел на руке свободно, медлил, оглядываясь по сторонам. Потом словно тихий ветерок прошелестел по ладони... она уже не чувствовала тяжести и тепла маленького тельца. А Стрик, вспорхнувший с ладони и махавший крылышками, опускался всё ниже и ниже... У меня вновь отчаянно заколотилось сердце, душу заледенил страх... Но в это время стриж сделал красивый вираж и стремительно взмыл вверх, набирая высоту. Вот он уже сравнялся с крышей, потом перелетел через неё... и через несколько секунд скрылся где-то вверху, растворился в небе...

Изумлённые и онемевшие, мы с дочкой стояли на балконе. Сердцебиение у меня стало затихать, но медленно стали впиваться в сердце коготки уже совсем другие — тоски расставания и боли утраты. Пусто как-то стало. Мы снова посмотрели в небо, но

нашего Стрика не видели: видимо, он перелетел за другую сторону дома.

А затем в памяти вновь всколыхнулось то мгновение, когда стриж словно проснулся, преодолел себя и стал резко набирать высоту, уходя в небо, которое он не раз наблюдал, сидя в цветочном горшке на балконе. Пожалуй, эта траектория его полёта была триумфом в его ещё такой маленькой жизни. И мне стало приятно от сознания, что и я причастна к тому, что этот триумфальный полёт состоялся! Это стало моим утешением, нашей со стрижишкой победой.

Притихшие, ушли мы с дочкой с балкона. Стало понятно, что больше нам не увидеть нашего птенчика никогда. Погрустневшая от этой мысли, стала собирать его «вещи»: коробочку-переноску, чашку, пипетку, подстилки, ванночку, в которой он так любил спать. Убрала всё с глаз долой, чтобы ничего не напоминало. И на балкон не выходила до самого вечера.

Уже поздно решила всё-таки обратиться и там. Когда открыла дверь на балкон, то взгляд просто «впился» в цветочный горшок: в его центре красовался... прекрасный розовый цветок выскочки! Очарованная, я просто застыла от изумления: в обед цветка не было, а вечером он появился!

Это было так символично — словно прощальный благодарственный привет моего найдёныша!.. И вообще, всё как-то мистически получилось: неизвестно как появился птенчик в ванной, и неизвестно как цветок вымахал в горшке, и именно в день, когда я выпустила Стрика на свободу... Это был шок! И он, шок, был благоговым!

Немного придя в себя, взглянула вверх и увидела одинокую фигурку, парящую высоко в небе. Стрижей последнее время не было видно, они куда-то пропали. А сегодня я увидела в небе стрижа. Думаю, что это был наш Стрик-Чика. И какова же была моя радость, когда неожиданно рядом заметила ещё стрижа, потом ещё и ещё... Он влился в свою семью, к своим родичам! Он был не один. Значит, теперь обязательно выживет! Это было полное счастье.

Позднее в цветочном горшке распустились последовательно пять розовых бутончиков...

Август 2011

Лариса БАУКИНА

Родилась в Твери. Окончила физико-математический факультет Тверского государственного университета. Стихи начала писать в тридцатилетнем возрасте. Печаталась в различных альманахах Твери и других регионов. Член правления ЛИТО «Ковчег».

ОДИНОЧЕСТВО

*Ах, эта женщина... она
вот-вот сведёт меня с ума.
Она в кино идёт одна,
а после — медленно назад,
ах, женщина за пятьдесят.*

*Ах, женщина за пятьдесят!
Она отлюблена давно,
сама с собой идёт в кино,
как будто кто-то там ей рад.*

*А после — медленно домой,
где тени тихою толпой,
где по ночам, хитра и зла,
ей сны нашёптывает мгла,
о, эта женщина моя.*

*О, эта женщина моя!
я от неё сойду с ума:
всё вяжет, вяжет шарф ему —
весельчаку и плясуну,*

*а он сто лет объят землёй,
а он насквозь пророс травой.*

*Она пешком идёт домой,
идёт и с небом говорит,
а в небе звёздочка горит.*

Любовь НИКОЛАЕВА

По образованию — художник-дизайнер. Пишет стихи и прозу. Автор двух поэтических сборников. Печаталась в различных тверских альманахах. Дипломант поэтического конкурса «Каблуковская радуга». На её стихи написаны песни. Член правления ЛИТО «Ковчег».

НЕ СУДЬБА

*Я любила смотреть неотрывно вослед поездам.
Так хотелось поймать их за толстый грохочущий хвост.
«Машинист! Подожди! Я с тобою хочу навсегда
В мир манящих огней и непознанных радужных звёзд».*

*«Детка! Рано ещё, — мне гудком отвечал машинист. —
Наберись-ка ума, чтобы правильно выбрать свой путь.
Мой маршрут может быть очень сложен, тяжёл и тернист.
Не спеши брать билет и мечтою себя обмануть».*

*«Пограсти... Не спеши», — подхватили другие гудки.
Я послушалась их и, набравшись терпенья, ждала.
Тучи звёзды закрыли. Туман поглотил огоньки.
Голубая мечта в даль с другою девчонкой ушла.*

*Равнодушно смотрю поездам проходящим вослед.
Затянулись рубцы, что оставил грохочущий хвост.
Ни в плацкартный, ни в мягкий вагон мне не нужен билет.
В суете и делах до мечты, до огней ли, до звёзд?..*

Марина ЖУЖКОВА

Родилась в Бурятии, в посёлке Онахой. Образование высшее филологическое. Работает корреспондентом газеты «Так живём». Стихи пишет с юности. Печаталась в различных тверских альманахах и СМИ. Член ЛИТО «Ковчег».

БУДУ СТОЯТЬ ДО ЗАКАТА

★★★

*Жёлтая шляпа и лента в горошек,
белая блузка и юбка до пят.
Выйду навстречу тебе, мой хороший,
в край за деревню, где сосны шумят,*

*где средь лугов и полей хлебосольных
вьётся дороженька в тёплой пыли,
где облака в небе плавают вольно,
как белопарусные корабли.*

*Выйду и буду стоять до заката.
Даль потемнеет, и звёзды блеснут.
В мир, тишиною ночью объятый,
пряною дымкой туманы скользнут.*

*Станет прохладно. Сгержу ненароком
плеч остывающих лёгкую грюжь.
Что я стою? Ведь по этой дороге
ты никогда, никогда не придёшь...*

*Знаю, всё знаю, но, сердце тревожа
тайной мечтою, как в сладком брегу,
в этом столетье и в будущем тоже
в край за деревню опять я приду.*

Наталья ЛОСЕВА

Родилась в Тихорецке Краснодарского края. После окончания Донского технического университета попала по распределению в Тверь. Недавно окончила Тверской университет, магистратуру «Издательского дела». Пять лет была председателем литературного объединения «Роса», сейчас секретарь Тверского отделения Союза писателей России.

ЛЕПЕСТКИ ЧАЙНОЙ РОЗЫ

*Вечерело. Лепестки чайной розы
Опустились мне на губы.
Вы откуда прилетели,
Странники щедрого лета?
Багряным пеплом рассыпается закат,
Унося великие секреты.
Я спускаюсь горною тропинкой
К берегу реки.
Где-то слышен вой шакалов,
Бьющий на осколки тишину.
Но он не страшен мне.
Потому что на губах —
Лепестки чайной розы.*

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

*В серебристом коконе зимы,
Взрагивая, спит уставший город,
Чтоб весной проснуться, очень скоро,
Бабочкой порхать среди листвы
Под лучами трепетной зари.
Кисть неуловимая мороза
Окна красит, только посмотри.
На стекле печальная мимоза
Среди слёз исчезнет — this is prosa,
Чтобы вновь когда-нибудь прийти.*

Марина ЧЕРНОВА

Преподаватель-психолог. Пишет стихи, рисует картины чёрной тушью. Много лет занимается в студии скульптора Феликса Азаматова. Печаталась в тверских альманахах и СМИ.

ТЫ ГОРИ, ДУША

★★★

*Загрожала, встrepенулась Душа:
Позвала меня — я с ней ухожу!
Снова в небо продираю глаза,
Будто падаю спиной на межу.*

*Эти ливни, что потопу под стать!
Эти сосны, что свечой в тишине!
Я хотела бы до пепла сгорать
Хворостинкою сухой на огне!*

*Пусть шарахается прочь темнота!
Освещает пламя лица грузей!
Отступает пусть ни с чем Пустота,
На мгновенье пусть, но станет теплей!*

*Вместо гров швыряю горстью стихи!
Разжигаю в сердце жарче огонь!
Ты гори, Душа, ты ярче гори!
Бог увидит и протянет лагонь...*

Наталья СМЕХАЧЁВА

Родилась и выросла в Торжке. Преподаватель общественных дисциплин в профессиональном художественном училище золотного шитья города Торжка. Пишет стихи и рассказы, пробует себя в драматургии. Руководит юношеской самодеятельной театральной студией «Аранель». Является членом литературных объединений «Тверца» (Торжок), «Ковчег» (Тверь).

ОРАНЖЕВЫЙ ДОМИК

*Оранжевый домик на горке, наг речкой.
Оранжевый домик с ажурным крылечком.
Пушистые космы кудесника-марта,
Весеннего поля волшебная карта.*

*Оранжевый домик — вразлёт занавески.
Синиц колокольцы в прозрачном подлеске.
Тропинка, у клуба забытые книжки
И первый подснежник в руке у мальчишки.*

*Оранжевый домик... Лоскутики света...
Телега — как лучшая в мире карета.
Янтарная сказка далёких окошек,
Рассыпанный по небу звёздный горошек.*

*И лунный цветок наг кипением сага,
Июльских зарниц золотые парады,
Молчание ночи, озноб вдохновенья...
И самое первое стихотворенье.*

*Когда это было? И было ли с нами?
Отцовский баян, старый вальс «Наг волнами»
И слёзы непрошеной светлой печали...
Оранжевый домик мне снится ночами.*

Светлана СТРАУСОВА

Родилась в Тверской области в 1941 году, во время отступления наших войсковых частей. За неимением воды, была обмыта солдатскими щами. Выжила, выросла, получила юридическое образование. Пишет стихи и прекрасно поёт. Автор двух поэтических сборников. Печаталась в тверских альманахах. Победитель многих музыкальных конкурсов как автор-исполнитель песен. Выпустила несколько музыкальных дисков.

СОБИРАТЬ ЗОЛОТЫЕ НИТИ

★★★

*Я построю свой дом на горе,
Чтобы воздух был чист, а Солнце
Восходило в моём дворе.
Я построю свой дом на горе.
Буду очень рано вставать,
Собирать золотые нити,
Чтоб ковёр необычный соткать,
Буду очень рано вставать.
А рисунок будет такой:
Лодка, озеро, семицветье,
Ты и я — и безбрежный покой.
Вот рисунок будет какой.
Поселю я в доме мечты,
В светлой горнице пусть резвятся,
Будто дети, а с ними — ты.
Поселю я в доме мечты.
Я построю свой дом на горе,
Чтобы воздух был чист, а Солнце
Ночевало в моём дворе.
Я построю свой дом на горе.*

Сергей ТВЕРСКОЙ (Кузнецов)

Отставной военный, ныне предприниматель. Автор двух поэтических сборников: «Крымские маки» и «Соло». Дипломант премии имени Рубцова. Член ЛИТО «Ковчег».

ГРУСТЬ СВЕТЛА

*Всё прохладнее желанья,
Стынет в инее трава.
Зрелость, встретив увяданье,
Отдаёт свои права.*

*Всё проходит в мире этом —
Жар любви, восторг, цветы,
Муза страстная поэта...
...Преходящи я и ты.*

*Грусть светла — я ею движим,
Но не так, чтоб слёзы лить:
Всё, что было, в детях вижу,
Не прервётся Жизни нить.*

ВЕСЕННИЙ ЛИВЕНЬ

*Весенний ливень разыгрался:
Заставил смолкнуть соловья,
По ниве шумно пробежался
Стеной упругой... Лес, поля
Вздохнули влажностью. С истомой
Гром повернулся в вышине,
И с ветром свежим, песней новой
Вновь просветлела грусть во мне.*

Татьяна ТЮРИНА

Родилась на Сахалине. В Тверь приехала в конце 70-х. По профессии — технолог. Более 20 лет отработала в текстильном производстве. В настоящее время работает преподавателем в Тверском промышленно-экономическом колледже. Стихи начала писать год назад, после поездки в дом-музей Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Член ЛИТО «Ковчег».

НАВЕЯННОЕ БУЛГАКОВЫМ

*Какие-то волшебные слова
Она ему тихонько прошептала,
И у него кружилась голова,
Когда она в окошко улетала.*

*И белый ангел наточил стрелу,
И скоро полетит она, как птица.
А на каком-то городском углу
Цветок в букет вложила продащица.*

*И тут же в небе прокатился гром,
Свеча любви от сквозняка погасла.
И Аннушка подумала о том,
Не прикупить ли ей ещё бутылку масла.*

*Любой ответит, только назови,
Кто помнит шёпот молодых свиданий,
Что все букеты будущей любви
Обвиты лентой разочарований,*

*Что ходят рядом радость и беда,
Что летний день сменяется зимою,
А судьбы, связанные навсегда,
Вдруг разливаются простой водою.*

*И всё же люди не были б людьми,
Когда бы не искали идеала
Высоких чувств и неземной любви,
Которой бы и жизни было мало.*

*И белый ангел выпустит стрелу,
Зажжёт любовь свечой неугасимой,
И кто-то там на городском углу
Цветы подарит женщине любимой.*

Эдуард МАМЦИС

Родился 12 апреля 1941 года в Виннице. Три года служил в пехоте гранатомётчиком. В 1973 году окончил Карагандинский медицинский институт. До 2006 года работал хирургом-урологом. Ныне пенсионер. Занимается творчеством, туризмом, дачей. Автор шести сборников прозы. Член Союза писателей России.

ДЯДЯ БОРЯ

По теории вроде бы так не должно быть, а на практике — с возрастом время бежит быстрее. Вроде бы недавно был в Трускавце. Опять ехать надо: год прошёл, прошёл ещё один дачный сезон, опять надо ставить машину на прикол.

Как обычно, съездил на мойку, заправил бак до отказа, чтоб конденсат не скапливался, и поехал к другу в частный сектор, где я обычно ставлю машину на зиму. Хотя и есть свой гараж, но так надёжней. В это же время подошёл сосед друга — дядя Боря. Подошёл — это мягко сказано: шёл он с трудом, опираясь на самодельную палку, шёл медленно, как-то неуверенно.

— Не вижу ничего, Моисеич, впереди туман. Надо, говорят, катаракту делать, а как? Как мне анализы собрать? Сейчас огорода нет, я бы сделал. На хрусталик деньги скопил, хоть два куплю. Там-то, в отделении, нельзя сделать анализы?

— Дядь Борь, вот такие порядки.

— Так чтобы собрать эту кучу анализов, надо здоровье иметь. А мне-то как быть? Да пока я их собираю, они ведь устареют. К чему им такие?

— Чёрт его знает, так заведено. А в общем, не переживай, приеду через двадцать дней — что-нибудь скумекаем.

Хозяином новой «Тойоты», стоявшей у ворот, оказался наш общий друг — Серёжа.

— Не подкинешь до Заставы? Я мигом загоню машину.

— Какие проблемы, Моисеич! Разве тебе откажешь?

Оказалось, дяде Боре в ту же сторону — решил навестить свою младшую сестричку, второй год, говорит, не выходит из дома, и помочь некому. Отказавшись от помощи, дядя Боря лихо, я бы сказал, забрался на заднее сидение «Лэнд крузера».

— Давно машину поменял? — спросил я Серёжу.

— Да совсем недавно. Понимаешь, не нравится она мне, бензина жрёт много. Надо бы попроще что-нибудь. А ты, я слышал, тоже свежачка захотел. Какую думаешь взять?

— Да ещё не решил окончательно. Поеду в Москву, там в салоне и выберу. Может, «Мазду» — небольшой джипчик, может, «Хонду CRV», посмотрим.

— А что тебе «Митсубиши»-то не нравится? Езди да езди.

— Так я уже пять лет на ней катаюсь, хочется поменять на новенькую.

— А вот я,— встрял в разговор дядя Боря,— не поверите, как-то зашёл к соседке, а она картошку сортирует. Мелкой — почти мешок набрала. Я говорю: Нин, куда мелкую-то девать будешь? Выкину, говорит. И что вы думаете? Я забрал эту картошку, помыл хорошенько, почистил и положил в ванну на пять дней. Вот вы не поверите: во-о-от такой слой получился (и дядя Боря показал на ладонях, как это обычно делают рыбаки). Так вот, потом этот слой сцедил через трубочку в другую ёмкость, снова дал отстояться, ещё два раза перелил, высушил — и не поверите: пять с половиной килограмм белейшего крахмала получилось.

— А куда тебе столько крахмала-то, дядь Борь? — спросил Сергей.

— Ты что! Кисели варить — милое дело.

Серёжа причалил к обочине — приехали.

Дядя Боря, опираясь на палочку, сам ступил на землю, поблагодарил за помощь и, перед тем как захлопнуть дверь, добавил:

— Так что мелкую картошку не выбрасывайте, крахмал — милое дело.

Мы сидели в машине и смотрели, пока дядя Боря, семена мелкими шажочками, с самопальной палкой, не скрылся за поворотом.

Я вышел из машины, забыв поблагодарить за поездку и попрощаться. Мне кажется, Сергей на это не обратил внимания, тоже задумался. Я перешёл на другую сторону улицы, прошёл ещё метров пятьдесят до своего подъезда, посмотрел: «Лэнд крузер» ещё стоял. Надо же, сорока нет, а такой совестливый, подумал я и больше не оборачивался.

ХУДОЖНИК И КОМПОЗИТОР ГАЛИНА КАТРУК

Галина — удивительно одарённый человек. Живописи, графике и основам композиции она училась у художника Фрумгарца Я. Л. С 12 лет участвовала в коллективных выставках. Её работы демонстрировались в Сиэтле (США), в Литературно-мемориальном музее А. С. Пушкина в Берново.

Она владеет многими музыкальными инструментами: гитара, скрипка, клавишные, флейта... В совершенстве освоен художественный свист. Окончила дирижёрско-хоровое отделение Тверского музыкального училища. Работала художником и художественным руководителем в Тверском (тогда ещё Калининском) индустриальном техникуме.

Её настенная роспись до сих пор украшает интерьеры индустриального техникума и Тверского музыкально-педагогического колледжа. Затем Галина перешла на предприятие художественных промыслов «Оберег», художником росписи по дереву. Обладая великолепным драматическим сопрано и являясь композитором, она ведёт активную концертную деятельность и много работает как художник. Её кисти принадлежит серия картин «Казанский женский монастырь», написанная маслом. Создана серия авторских конвертов и открыток. Галина Катрук отмечена премией на конкурсе авторской открытки, проводимом Тверской областной картинной галереей, в номинации «Самый оригинальный дизайн открытки». Любит работать по стеклу. Огромным успехом пользуются её графические работы.

Берново. Подсолнухи. Тушь, перо

Галина занимается книгоиздательской деятельностью, иллюстрирует и оформляет сборники песен, книги местных авторов, буклеты и альбомы. Велик список мюзиклов, песен, романсов, написанных Галиной на стихи А. Пушкина, И. Бунина, Н. Гумилёва, Н. Рубцова и современных тверских поэтов.

Галина КАТРУК. Графика. Тверская губерния

Берново. Запруда на реке Тъме
Тушь, перо

Малинники
Тушь, перо

Курово-Покровское. Под старой
лиственницей. *Тушь, перо*

Глазуново. Часовня. *Тушь, перо*

Тверь. Речной вокзал
Тушь, перо

ХУДОЖНИК МАРИНА ПУГАЕВА

Марина Владимировна Пугаева родилась в небольшом уральском городке Кушва Свердловской области в 1962 году. Член Союза художников России с 1998 года (отделение «Объединение художников Подмосковья»), преподаватель живописи, рисунка и композиции, учитель с 25-летним стажем работы, живописец и график, специалист в области орнаментальной композиции и золотошвейного искусства.

Марина Пугаева работает в акварельной и масляной техниках, в жанрах пейзаж, натюрморт, портрет, но больше всего влюблена в пейзаж, который тонко чувствует и понимает. Постоянный участник совместных и персональных выставок в выставочных залах Москвы, Центральном Доме художников (ЦДХ), других городах России и за рубежом. Работы публикуются в различных каталогах и сборниках.

Марина много путешествует. Биография её творческих поездок широка и разнообразна; последние годы неоднократно бывает в Европе (Италия, Франция, Португалия, Македония, Черногория и другие страны). Всё же самыми любимыми являются родные места своей страны, город Торжок — постоянное место жительства, источник вдохновения и творчества. В Торжке Марина осваивала преподавательское ремесло, много лет была главным художником училища золотошвейного искусства, создателем и руководителем народного театра моды «Эксклюзив».

Торжок в акварелях Марины Пугаевой — на стр. 312–313.

5 ЛЕТ «СОДРУЖЕСТВУ ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ» СЫЗРАНИ

СЫЗРАНЬ — ПРИСТАНЬ ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В этом году исполнилось пять лет со дня образования самого известного творческого объединения Сызрани — Международного «Содружества детских писателей». Вечер-фестиваль «Нам детство жить и любить помогает!» по этому поводу планируется провести в марте в актовом зале краеведческого музея с участием юных читателей, библиотекарей и литераторов Сызрани, Самары, Ульяновска, Тольятти и других городов области. Вечер совпадает с началом «Недели детской книги», которая стартует в губернии. В прошлом году члены «Содружества» принимали активное участие в этом мероприятии, а также в школьных «уроках мужества», в областном фестивале «Жигулёвская весна», который прошёл в Чапаевске, в торжествах, посвящённых 230-летию Дениса Давыдова в Ульяновской области, и так далее. Детские литераторы надеются, что и этот год будет не менее интересным и насыщенным, поскольку указом президента Владимира Путина назван Годом литературы. А потому своё пятилетие литераторы планируют праздновать в течение года, встречаясь как с читателями самарских библиотек, так и с соседями-ульяновцами, творческие отношения с которыми возродились спустя десятилетия на совместном вечере «Осень в Симбирске» в центральной городской библиотеке Сызрани. Инициатором этого и других мероприятий «Содружества» выступил его неизменный председатель, поэт и прозаик Олег Корниенко. А вдохновляли пи-

сателя в его благородном деле многие творческие личности прошлой эпохи, которые роднят наши области.

В своём имении в селе Троицко-Богородское долгие годы жил Иван Иванович Дмитриев, который был не только обер-прокурором, министром юстиции в царствование Николая I, но и талантливым поэтом. Именно там созданы его известные стихи и песни, обличительные басни, там пишет он свою «Причудницу». С селом Верхняя Маза, некогда Сызранского уезда, связаны жизнь и творчество поэта-гусара, героя войны 1812 года Дениса Васильевича Давыдова. Автор популярных исторических романов для детей Сергей Григорьев, «отец» Буратино Алексей Толстой, редактор журнала «Отклики» Константин Федин, автор любимого Горьким романа «Ледолом» Кузьма Горбунов — все они жили и творили в Сызрани. Отсюда для них начиналась литературная дорога, на которую время от времени ступают и современные авторы города.

Но почему именно Сызрань стала своеобразной пристанью и надеждой детских писателей? Дело в том, что в Самарской области, а именно в Сызрани, проживает больше всего литераторов, пишущих для детей. Главная цель «Содружества детских писателей» (СДП), созданного в январе 2010 года по инициативе О. Корниенко, — объединение таких авторов для профессионального роста, а также патриотического воспитания юных читателей через лучшие произведения для детей и юношества.

Основу детского «Содружества» составили профессиональные писатели Олег Корниенко, Галина Цыплёноква, а также члены городского ЛИТО Татьяна Твердохлебова, Наталья Бондаренко, Елена Миронова и другие. Творчество этих литераторов хорошо знают за пределами города. Они — авторы «Детской роман-газеты» и других центральных изданий, неоднократно становились дипломантами международных конкурсов им. В. Крапивина и А. Толстого. Некоторые из литераторов, например Г. Цыплёноква, Е. Миронова и Н. Бондаренко, уже имели свои книжки, другие публиковались в коллективных сборниках и единственном в регионе детском журнале «Светлячок», который начал выходить после двадцатилетнего молчания.

В Сызрани жили и живут прекрасные детские писатели, которых знает вся Россия: Надежда Подлесова, Владимир Рыбалко, Анатолий Давыдов, Татьяна Твердохлебова и другие. Поэтому важно, чтобы лучшие произведения этих и других литераторов стали известны и доступны всем юным читателям. И очень жаль, что большинство детских библиотек губернии в погоне за пополнением фонда пропагандируют слабенькие и спорные в нравственном плане произведения западных авторов, которые издают

приличными тиражами многие московские издательства. Большинство же сызранских авторов выпускает свои книжки на собственные средства и деньги спонсоров.

Особенно урожайным для членов СДП стал 2014 год. Первой книгой стихов для детей — «Вопросы» — дебютировала поэтесса и художник Татьяна Твердохлебова. Восемь книг стало у известной детской писательницы Галины Цыплёноквой после издания сборника стихов «Жили-были говорилки», «Грамотейка» (проза) и «Сказки о медвежонке и добром ежонке». Общим тиражом 15 000 экземпляров вышли в Москве и Самаре сразу две книги Олега Корниенко — «Декоративный Зяка» и «Жизнь за смерть». Скоро в православном издательстве Рязани тиражом 5000 экз. выходит его шестая книга — «Добро радовать должно». Над новой книгой стихов работает поэт и исполнитель Владимир Варламов, чьи произведения в Год литературы вошли в «Антологию ульяновской словесности».

Двери «Содружества детских писателей» открыты для тех, кто талантливо пишет для детей. Так, недавно членами творческого объединения стали протоиерей, настоятель прихода в честь святителя Николая Чудотворца отец Леонид Коркодинов, выпустивший сборник рассказов «Жаркое из шоколада», сказочница из Чувашии, автор четырнадцати книг Галина Елисеева, поэтесса и композитор из Самары Эвелина Глазкова. После участия О. Корниенко в октябре прошлого года в Есенинских торжествах в Рязани членами «Содружества» изъявили желание стать местные литераторы Людмила Салтыкова, Олег Романов и Лидия Терёхина. Привлекла организация и творческих иностранцев: её членами стали профессиональные литераторы Светлана Семёнова (Латвия) и Александр Сидоров из Австралии, а потому «Содружество» теперь стало именоваться международным. Эта творческая дружба уже дала первые результаты: стихи О. Корниенко и Г. Цыплёноквой опубликованы в латвийском журнале «Приветик!», а в красноярском издании «Енисейка» выходят стихи не только С. Семёновой, но и Ларисы Плотнище, Ирины Блажевич, Леонида Беликова.

Члены МСДП стараются быть в курсе всех книжных новинок ведущих детских авторов России, которые поступают в библиотеки или дарятся членам «Содружества» лично. У МСДП налажены тесные контакты с классиком детской литературы Ириной Токмаковой, питерцем Михаилом Ясным и Олегом Бундуrom (Канда-лакша), москвичами Светланой Вьюгиной, Мариной Бородинской, Юрием Нечипоренко, другими. Тесно общается «Содружество» с литераторами нашей области, пишущими для детей, — Иваном Бардиным, священником Николаем Агафоновым, Александром Малиновским, Василием Семёновым.

Члены Международного «Содружества детских писателей» постоянно расширяют географию своих публикаций. Первым изданием, которое тепло встретило сызранцев, был альманах «Новый Енисейский литератор», который издаёт в Красноярске известный прозаик Сергей Кузичкин. Всего за эти годы через красноярский альманах и его детское приложение «Енисейка» прошли более полусотни профессиональных писателей Самарской области. Это позволило провести в Сызрани областной вечер-презентацию журнала — «Даёшь, Сибирь!». Со временем сызранцы, помимо Красноярска, освоили литературное пространство таких регионов России и ближнего зарубежья, как Латвия, Украина, Удмуртия, Казахстан, Пензенская, Тульская и Ульяновская области. Стихи и проза Светланы Семёновой переведены на латышский и болгарский языки. Её книжка-раскраска «Мы идём в храм», а также повесть Олега Корниенко для подростков «Афганец» изданы в канадском Торонто. Сейчас рассказы О. Корниенко тоже переводятся на болгарский язык в Варне, а «Содружество» пытается наладить творческие связи с китайской провинцией Хуанань, которая имеет к Сызрани самое прямое отношение.

Большие надежды в продвижении своих произведений МСДП связывает с журналами «Русское эхо» (Самара), «Симбирскъ» (Ульяновск), «Волга — XXI век» (Саратов) и другими.

Произведения местных авторов становятся доступнее читателям Сызрани после создания зимой 2012 года на базе управления культуры и местного отделения Самарской писательской организации редакционно-издательского совета (РИС). За эти годы — правда, не без труда, — выпущено три литературных альманаха «Сызранская излучина», в которых опубликованы произведения членов «Содружества», но, к сожалению, игнорируется их публицистика. Эту проблему придётся ещё решать. Есть в планах РИС издание детской и взрослой литературы, но, как и везде, всё упирается в финансирование. Хочется надеяться, что новое руководство города в лице мэра Николая Лядина, спикера местной Думы Сергея Ананьева и заместителя главы администрации, председателя РИС Алексея Романенко, параллельно с возрождением самой Сызрани, поможет укрепиться и литературному сектору. Ведь все запланированные и будущие издания направлены на духовное воспитание подрастающего поколения, а это — будущее Сызрани и всей России!

Олег МОЛЧАН,
Сызрань

Татьяна ТВЕРДОХЛЕБОВА

Татьяна Николаевна Твердохлебова — поэтесса, писательница, краевед, экскурсовод, художник-иллюстратор. Стихи и рассказы публиковались в журналах «Светлячок», «Русское эхо» (Самара), «Чиж» (Санкт-Петербург), «Енисейка» (Красноярск), «Волга — XXI век» (Саратов). Лауреат литературного форума «Ковдория», лауреат городской премии «Признание». Член Международного «Содружества детских писателей». Автор книги «Встречи» (стихи и загадки для детей, 2014).

ПОБЕДНЫЙ МАЙ

*Широкою людской рекой
Плыл май по городу победный.
Играл оркестр духовой.
Я за руку шёл рядом с дедом.
В медалях весь его мундир,
И орден на груди светился.
Он был бесстрашный командир!
Я очень дедушкой гордился.
Мне непонятно было только:
С чего же в день такой весенний
Дедуля плакал мой тихонько
Среди всеобщего веселья?!*

ПОЗАБЫЛИ ВЗРОСЛЫЕ

*Неужели взрослые забыли,
Что когда-то малышами были?!
Как порой разбивали посуду,
Нос курносый совали повсюду.
Как до крови сбивали коленки,
Получали плохие оценки.
Как влезали в дворовую граку,
За забором гразнили собаку,
В дом котёнка тащили без спросу...
Ну нельзя стать без этого взрослым!
Только трудно им в этом признаться.
Так чего же за это ругаться?!*

Владимир ВАРЛАМОВ

Родился 9 января 1946 года в райцентре Радищево Ульяновской области. Учился в строительном техникуме, окончил Ташкентский институт железнодорожного транспорта. Президент Сызранского клуба авторской песни и поэзии, организатор фестиваля бардов «Под золотым парашютом». Зам. председателя Международного «Содружества детских писателей». Лауреат городской премии «Признание». Публиковался в журналах «Карамзинский сад», «Мономах», «Литературный Ульяновск», «Симбирскъ». Автор сборника стихов «Тепло осеннего костра», книг пародий «Не пиши, не пиши, не пиши» и «Привет от дилетанта».

ГОРДЫНЯ

*Гордыня — худший из пороков,
Опасней всех других грехов.
Не зря вещали нам пророки
О ней с допамятных веков.
Прекрасен стал бы мир и счастлив,
Приняв советы мудрецов, —
Гордыня скрыла Божьей пастве
Великой Истины лицо.
Нашлись и те, кто Люцифера
Себе в кумиры записал.
Хотелось славы им безмерно:
Аттила, Цезарь, Александр...
Но все, кто к злату рвался, к власти,
Кто в мир нёс войны, смерть и тьму,
Кто тешил низменные страсти,
Пришли в итоге к одному:
Их нет давно уже в помине,
Песок надгробия их скрыл,
Чего не скажешь о гордыне —
Живёт она в расцвете сил.
Во всей красе у нас открылось
Гордыни подлое нутро,
Когда отчизны мы лишились,
Взращённой Грозным и Петром.*

Нас обирала волчья стая,
 Не признавая за людей.
 Напрасно заповедь святая
 Увещевала богачей.
 Гордыня души людям гложет
 И в каждом ищет уголок:
 Пролез во власть — уже вельможа,
 На местном уровне царёк.
 Её повсюду светят лики:
 Черкнёт ничтожный две строки —
 И он поэт уже великий,
 Погаты лавровые венки!
 Провидицы вскрыли суть гордыни,
 Назвав её плодом гнилым.
 Неужто зря? Ведь и поныне
 Грешим мы, смертные, грешим.
 Гордыня злобна и когтиста.
 Блаженный, кто её сильнее!
 Я был бы твёрдым атеистом,
 Когда б не Истина о ней.

В МЕТЕЛЬ

В. Суспицыну

Как ты, друг мой далёкий?	Даже местный пьянчуга
Знаю, трудно тебе	Не заглянет на свет:
В занесённой по окна	Распоясалась вьюга —
Обветшалой избе.	Электричества нет.
Замело косогоры,	Потерялась надежда
Где петлял серпантин.	На заворках весны.
Там дорогу на город	Плещет в строках мятежных
И с огнём не найти.	Боль родимой страны.
Не появится путник	На тетрадных страницах,
С белоснежной горы,	Пожелтевших листах
Не зайдёт на минутку,	Тихо вечность ложится
Чтоб спасти от хандры.	При оплывших свечах.

Леонид КОРКОДИНОВ

Протоиерей Леонид Коркодинов родился в 1976 году в Перми. После школы окончил колледж искусств и культуры по специальности «концертмейстер-аккордеонист». С 1994 по 1996 год служил в рядах Российской армии — в оркестре штаба ПриВО в Самаре. В 1998 году поступил в Самарскую православную духовную семинарию. В 2000 году рукоположен в сан иерея и назначен настоятелем прихода в честь Николая Чудотворца в селе Усолье Шигонского района Самарской области. Отец четверых детей. Автор сборника рассказов «Жаркое из шоколада». Член Международного «Содружества детских писателей» (Сызрань).

ТРОСОВАЯ КАША

Посвящается моей бабушке Антонине

Сегодня на завтраке в детском саду нас кормили очень вкусной кашей. Мне так она понравилась, что я сразу, как только доел, пошёл к повару.

— Тётя,— обратился я к поварихе,— а какая каша сегодня была?

— Просовая,— ответила улыбчивая тётенька.— Тебе понравилось?

— Ещё как! — ответил я и, довольный, пошёл к ребятам.

— Тросовая,— сказал я вслух, стараясь запомнить название любимейшей каши.— Ух ты! — я подошёл к окну.— А с названием каша мне ещё больше стала нравиться!

Мне в секунду представились корабли, матросы и тросы на палубе. «Вот почему они такие сильные! Специальную кашу едят!» — с восторгом от великого открытия подумал я.

Название этой вкусной каши я решил сохранить в секрете, и когда мама пришла меня забирать, я молчал, как партизан.

— Чем вас сегодня кормили? — поинтересовалась мама.

— Как обычно — кашей,— ответил я без особых эмоций.

Через неделю папа отвёз меня к бабушке в свой родной город, где прошло его детство.

Бабушка встретила меня как драгоценное сокровище. Целовала минут десять, отчего я даже немного устал. Дедушка, с присущей мужчине выдержкой, спокойно меня обнял и посадил себе на колено. От деды всегда пахло табаком, а морщинистые щёки были колючие. В мужской компании

мне больше нравилось находиться! Как только мы с папой поужинали с дороги, они с дедом уселись играть в шахматы. Я сел рядом. Мой папа был чемпионом по шахматам на своём заводе, но дедушке всё же удалось пару раз поставить своему сыну мат. Наверное, папа с дороги был уставший и невнимательно следил за игрой. Я спросил папу:

— Ты, наверное, спать уже хочешь и поэтому проиграл?

Я помнил, что в поезде своё место отец отдал мне, а сам всю долгую дорогу не ложился, ехал и спал сидя.

— Спасибо, сынок, за заботу, — ответил ласково папа. — Просто твой дедушка в детстве учил меня играть! Он у нас мастер! — отец улыбнулся деду.

— Я знаю, что дедушка — мастер, — подхватил я. — Он постоянно всякие штуки мастерит, и я вместе с ним.

Папа с дедушкой рассмеялись.

— Хватит вам полуночничать, — сказала, по-доброму ворча, бабушка. — Я уже постелила вам давно. Спать ложитесь. Утро вечера мудренее.

Когда я лёг в свою постель, бабуля пришла ко мне, чтобы поцеловать на ночь.

— Какую тебе на завтрак кашку сварить? — потихоньку спросила она.

— Тросовую, — ответил я.

— Тросовую? — переспросила бабушка.

— Ну да! Нам в садике давали.

— Что-то не знаю я такой крупы. А ты помнишь, как она выглядит?

— Помню, — сказал я, вспоминая. — Желтоватая и очень вкусная!

Бабушка ушла в свою комнату в задумчивости. Уж очень она хотела меня порадовать. Я быстро уснул. Каша мне в эту ночь не снилась, а приснились старинные корабли — галеры, сильные и мужественные матросы. В своих могучих руках они сжимали прочные канаты и тросы. Выл ветер. Море бушевало. Корабль бросало как щепку, но храбрый капитан с моряками не дрогнули и победили стихию.

Утром бабушка разрешила мне подольше поспать. Когда я проснулся, папа уже успел побриться и надеть чистую рубашку. Я тоже мигом вскочил, быстро умылся, почистил зубы и вместе с папой сел за обеденный стол. Вместо каши

бабушка принесла нам на сковороде яичницу с помидорами. Я был немножко удивлён. Бабушка, наверное, прочитала это на моём лице и сказала:

— Кашу позже тебе сварю. Мне твоя помощь понадобится!

Помогать бабушке я всегда был готов. Мы вместе часто ходили за грибами и за ягодами в лес. Потом сушили все лесные припасы на нитках. Варили варенье. Пекли блины. Выносили мусор к машине всегда в одно и то же время. Возле подъезда бабушка встречала соседок с мусорными вёдрами и начинала с ними беседовать, а я тем временем бежал на детскую площадку.

— Ваня, вот посмотри, я тут крупу достала: не она? — бабушка расставила на кухонном столе банки с разными крупами.

— Это гречневая, а это рисовая,— я уже много знал круп, но тресовой в сыром виде я до этого не видел.— Бабушка, а ты свари кашу из каждой, я и узнаю.

— Да я и соседку расспросила. Она тоже про такую кашу слышит впервые. Чем вас там в саду кормят?! Ты ничего не путаешь?

— Да я специально у повара спрашивал,— ответил чуть не в слезах я.— Она сказала: тресовая!

— Вот, посмотри — пшено. Не оно? — бабушка не знала, что и делать.

— Свари, бабуль,— попросил я.

Через двадцать минут каша была готова. Я подцепил кончиком ложки немного и попробовал. Язык можно было проглотить. Это была она — тресовая каша! Только ещё вкуснее.

Видя моё довольное выражение лица, бабушка сказала:

— Я молочка и сливочного маслица добавила. Соли достаточно?

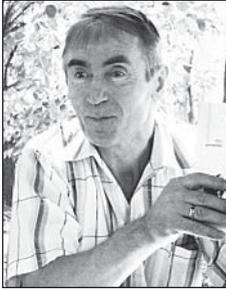
— Во! — показал я одобрительно большой палец.— А как ты догадалась? Ведь ты варила пшённую кашу! — заинтересовался я.

— Так пшено часто просом называют! — с улыбкой сказала бабушка.— Вот тебе и «тресовая» каша!

Любимая бабушка была довольна не меньше меня. Она положила мне добавки.

— И себе положи нашей любимой каши! — скомандовал по-капитански я.

Бабушка, как матрос, послушалась.

Олег КОРНИЕНКО

Член Союза писателей России, Представитель «Нового Енисейского литератора» в Приволжском федеральном округе.

ОРДЕН СЛАВЫ

В пятницу последнего урока в пятом «Б» не было, и Тимка с Фёдкой уже навострили лыжи домой. Но тут пришёл Александр Николаевич, классный руководитель, и сказал, что сейчас будет классный час.

— Скоро наш самый главный праздник — День Победы девятого мая, — сказал он. — И вы должны его встретить не только хорошими отметками, но и делами. Наша школа участвует в областной акции «Победный май». Что это значит? Почти в каждой семье кто-то воевал или является тружеником тыла. У кого-то, возможно, сохранились награды или наградные документы дедушек или бабушек, старые фотографии или газеты того времени. Надо принести всё это в школу — мы сфотографируем, оцифруем и вернём. Хорошо бы отыскать и записать рассказ участника войны. Такие воспоминания ещё ценнее... Всё понятно?

Последние слова Александра Николаевича некоторые ребята восприняли как сигнал: у меня всё, айда домой! Схватив рюкзаки, они рванули к двери.

— Куда?! — остановил их Александр Николаевич, и ребята под улюлюканье и смех товарищей вернулись на место. — Я никого не отпускал! А сейчас, — Александр Николаевич включил ноутбук, — мы поговорим про награды Великой Отечественной войны.

Александр Николаевич показывал эти ордена и медали на интерактивной доске и кратко о них рассказывал. А потом начал спрашивать про награды у ребят. И тут своими познаниями, конечно, блеснул Тимка, за что Александр Николаевич похвалил его.

— Если б у меня дедушка был Героем Советского Союза, я бы тоже так смог, — сказал, ухмыльнувшись, Фёдка.

— А при чём тут дедушка? — сказал Александр Николаевич. — Отвечал Тимофей, а не дедушка.

В классе все засмеялись.

— Не знать награды — это значит не знать своей истории, своего прошлого. Ты вот какие ордена и медали знаешь?

Фёдка встал и с трудом перечислил те, о которых только что поведал Александр Николаевич.

— А это что за награда? — спросил его Александр Николаевич, повернувшись к доске.

На экране все увидели орден в виде звезды с полосатой колодкой. Фёдка, в надежде на подсказку, оглянулся на класс. Все молчали, только Тимка опять тряс поднятой рукой.

— Кто поможет Фёдору? — спросил Александр Николаевич.— Давай, Гришанов, выручай товарища!

Тимка быстро вскочил и отчеканил:

— Это орден Славы второй степени.

— Почему ты решил, что второй, а не первой степени? — спросил Александр Николаевич.

— У него серединка с Кремлём золочёная.

Александр Николаевич повернулся к притихшему Фёдке:

— Понял, как надо отвечать?

— Понял...

Начатый в школе разговор друзья продолжили по дороге домой.

— Тебе повезло,— сказал Фёдка,— у тебя дедушка воевал. А мне про кого писать?

— Нужно найти ветерана, про которого ещё никто не знает,— сказал Тимка.— Про дедушку ведь уже писано-переписано.

— И как их узнать, этих ветеранов?

— Они должны быть старенькие и с медалями,— ответил Тимка.

— У нас в городке все старенькие и с медалями. Если б они всегда ходили с ними. А то надевают их только перед праздником. А нам до праздника уже всё надо сдать.

— Я у папы спрошу,— сказал Тимка.— Может, он кого знает.

Папа действительно помог Тимке.

— В соседнем доме живёт один фронтовик — Константин Михайлович Зайцев. Он прошёл войну от Львова до Японии. Точнее, проехал — был фронтовым водителем. Я сейчас ему позвоню... Вы когда к нему собираетесь?

— Да хоть завтра,— решительно ответил Тимка.

Назавтра после уроков они вошли в нужный подъезд. После жаркой улицы здесь было прохладно и хорошо. Дверь после звонка открыла невысокая бабушка.

— Мы к Константину Михайловичу,— сказал Тимка, переступая порог.

Бабушка заглянула в зал и крикнула кому-то, точно глухому:

— К тебе тимуровцы пришли! — и повернулась к ребятам: — Проходите.

Они прошли и сели на диван. Тимка задавал вопросы, дедушка отвечал, Фёдка записывал в тетрадь. Иногда Константин Михайлович замолкал, смотрел в сторону и шмыгал носом — наврное, плакал...

Иногда он что-то забывал.

— Может, вспомните? — просили ребята.

— Вспомните... Где вы раньше были?

— В футбол играли.

Тимка толкнул Федьку локтем: молчи!

— А какими наградами вы награждены?

— Самая большая — орден Славы, но мне его не успели вручить — бомбёжка как раз началась... Где-то гуляет мой орден. Писал везде, никто ничего не знает...

Ребята до конца не записали интервью: Константину Михайловичу то ли плохо стало, то ли устал:

— Приходите завтра...

Они попрощались и тихонько, подталкивая другу друга, покинули квартиру.

— Уф, тяжёлое это дело — брать интервью. И что теперь делать?

— Ждать...

Потом всё закрутилось — школа, улица, и они забыли про deduшку-фронтовика.

Опять всех к действительности вернул звонок Федьки.

— Ты видел?! — крикнул он в трубку Тимке и замолчал.

— Чего видел? Говори яснее, — не понял Тимка.

— В Интернете продаётся орден! Дома я открыл Интернет, чтобы узнать больше про боевые награды, а в «Яндексе» информация, что в Чехии на интернет-аукционе продаётся орден Славы третьей степени.

— Точно третьей?

— Точнее не бывает: весь орден серебристый.

— Может, это орден Константина Михайловича? — спросил Тимка.

— Может. Хотя там даже не написано, что это за орден, а просто: «какая-то советская медаль».

— Ничего себе «какая-то»! За неё люди кровь проливали, а теперь она находится где-то за границей.

— И что ты предлагаешь?

— Выкупить! Цена там указана?

— Двести тридцать крон. Так деньги в Чехии называются, — объяснил Федька.

— А сколько это будет на наши?

— Много, наверное. Ты у папы-лётчика спроси, — сказал Федька. — Он дома?

— Дома. Так что подваливай сейчас.

Папа Тимки сидел за компьютером, когда Тимка с Федькой подошли к нему и поведали о своей проблеме.

— Орден Славы, говорите? — папа задвигал «мышкой» и быстро нашёл нужную страничку.— Сейчас в Интернете не то что орден — Звезду Героя Советского Союза можно купить. Такие, братцы, времена настали: всё продаётся, всё покупается.

— Нас интересует только орден Константина Михайловича,— ответил Тимка и рассказал папе про встречу с соседом-фронтовиком.

— Дело это благородное,— улыбнулся отец.— А если это не его награда? Для этого нужно знать номер ордена. А он тут,— папа показал пальцем на экран монитора,— не указан.

Федька серьёзно посмотрел на Тимкиного папу:

— Может это и не тот орден, но *российская награда должна быть в России!*

— В принципе, выкупить его реально,— ответил папа.— На наши деньги это тысяча сто рублей. Но пропустит ли его таможня? По закону награды в страну ввозить нельзя.

— А если мы напишем письмо президенту России, чтоб помог? — предложил Федька.— Мы же хотим найти настоящего владельца ордена.

— Закон один для всех, даже для президента,— ответил Александр Николаевич.— Тут другая опасность. Аукцион — не магазин: кто больше заплатит, тому орден и достанется.

— Ничего себе,— почесал затылок Тимка.— И что же делать?

— Собирать деньги. И чем больше, тем лучше — тысяч пять-шесть.

— Ну, эту сумму мы запросто наберём,— потёр ладоши Федька.— Пару недель без мороженого — и орден в кармане. До аукциона ровно месяц. Завтра подойдём к Александру Николаевичу, чтоб разрешил провести на перемене классное собрание, и объявим о сборе денег.

— Ну что ж, удачи! — папа поднялся и пожал Федьке руку.— Если что — я с вами. А это наш с Тимкой взнос,— папа вытащил из бумажника и протянул Федьке двести рублей.

Все последующие дни разговоры в пятом «Б» вертелись вокруг ордена и предстоящего аукциона. А точнее, про это уже говорила вся школа, все интересовались у ребят, как идут дела.

— Дела идут хорошо, сумма лота не изменилась,— деловито отвечал всем Федька, которого в классе выбрали «главным казначеем».

Сэкономленные за неделю деньги одноклассники сдавали ему в субботу, которую в шутку прозвали «Прощай, чипсы!».

Торги должны были состояться в воскресенье в полночь. Директор школы разрешил следить за ними в компьютерном классе под руководством Александра Николаевича. Многих ребят отпу-

стили родители. Тимка, Фёдка и Валерик не отрывали взглядов от экрана компьютера, потирая влажные ладошки.

— Число просмотров растёт, но цена пока старая,— информировал всех Александр Николаевич.

— Не растёт, не растёт, а потом как прыгнет! — бросил Валерик.

— И мне эта тишина не нравится,— согласился Александр Николаевич.

И точно, за полчаса до окончания торгов цена неожиданно выросла в пять раз, и все заволновались:

— Месяц готовились к победе — и проиграть? Нужно действовать!

— А как? — уточнил Тимка.

— Надо перебить цену! — решил Александр Николаевич. — Добавим для надёжности в «яндекс-кошелёк» ещё тысячу рублей.

И они победили! И кричали «ура», и эхо радовалось вместе с ними, счастливо носясь по сонным коридорам школы.

Домой ребят провожал Александр Николаевич. Они шли не спеша по ночной улице, восторженно обсуждая, что будут делать дальше.

— Сначала нужно написать письмо от школы в таможенную службу, чтоб она пропустила орден,— сказал Александр Николаевич. — А когда орден придёт — отправим запрос по номеру в архив Министерства обороны.

Походя мимо соседнего с Тимкиным дома, они увидели на освещённом крыльце невысокую женщину в чёрной косынке и двоих мужчин, которые курили. Над ними, на третьем этаже, одиноко горели два окна.

Александр Николаевич извинился и быстро подошёл к мужчинам.

— Фронтвик умер,— сказал он, вернувшись к ребятам. — Зайцев Константин Михайлович.

— Зайцев?! — вскрикнул Фёдка и замер на месте как вкопанный.

Тимка с Валериком уставились на освещённые окна.

— Вы его знали? — посмотрел на ребят Александр Николаевич.

— Это его орден мы выкупали,— ответил Тимка. — Получается, что мы опоздали?

— Разве что на какой-то месяц. Но вы не должны винить себя. Константин Михайлович, поди, всю жизнь искал свою награду. Но — орден есть орден. У вашего ветерана есть дети и внуки, он будет в надёжных руках. И я думаю, этот ваш поступок был бы для него самой дорогой наградой!

3–29 июля 2014

ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР

НАД ЕНИСЕЕМ

Елена ИВАНОВА

Красноярск

Стихи и проза публиковались в «Новом Енисейском литераторе».

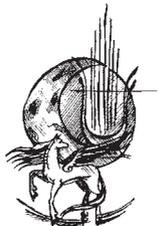
ОТРАЖЕНИЕ

*Ты мне улыбаешься часто.
Точнее, почти постоянно —
Процентов, наверное, на сто —
В прихожей, в гостиной и в ванной.*

*В ответ мне хотелось серьёзно...
Пространство, когда ты не близко,
Я — то, что под пудрою звёздной
Усваиваю гимназисткой.*

*Но будет, конечно же, странно,
Коль в нашей невидимой связи
Серебряная амальгама
Улыбкой ответ не украсит.*

*Я — твой непридуманный образ,
Твоё в этом мире решенье...
Твоя философия, возраст...
И в целом — твоё отраженье!*

Ольга ТАРАКАНОВА

Минусинск

Автор поэтических сборников «Благодарственный молебен» и «Праздник вдохновения», повести «Таёжные были» и сборника песен «Плачут стихи на звонких струнах». Стихи печатались в коллективных сборниках минусинских поэтов «Живая строка» и «Откровения», в сборнике поэтов Сибири «Таёжные зори», в литературно-художественных журналах «Истоки» и «Абакан», в специальном издании номинантов на премию «Поэт года 2013» (Москва), вошли в две первых книги «Минусинцы и Великая Отечественная».

ВЕЗУЧИЙ СОЛДАТ ИВАНОВ

*Рядовой Иванов, до чего же солдат ты везучий!
До Берлина дошёл! Что за сила тебя берегла?!
Получить оберег на дорогу вдруг выдался случай?
Или мама везучим тебя, Иванов, родила?*

*Ты старался шутить там, где друг поддавался унынию.
Ты крепился, казалось, когда уже не было сил!
Потому что, с пришедшей бедой, ты на фронте Россию
Ещё больше, сильнее, всем сердцем сыновним любил!*

*Не щадила война никого, всем с лихвою досталось,
Горе глыбой огромной на плечи легло всей стране.
От сельчан получить Иванову известие стало.
Словно пуля шальная, порой весть разит на войне.*

*Мать солдата за то, что зашедших в ночи накормила
И не выдала немцам, сказал офицер расстрелять.
Фриц за косы таскал и пинал сапогами, верзила.
От жестоких побоев до казни скончалась мать.*

*Рядовой Иванов, слёз твоих даже грут не увидел,
Но ты губы кусал в кровь, когда получил эту весть.*

*И теперь ещё злей, всей душой ты врага ненавидел,
И дойти до Рейхстага тебе помогла, может, мечь.*

*Там, где флаг наш, как факел, взметнулся в немецкое небо,
Где испуганно люди на стук открывали засов,
В дом вошёл рядовой — поделиться не горем, а хлебом,
Наш солдат-победитель, везучий солдат Иванов.*

ЗА КАЖДУЮ ПЯДЬ

*Мы очень трудным шагом шли два года!
Пришлось с боями отступать назад.
Земля вскипала яростью народа.
От напряженья жилы рвались у солдат.*

*«Ни шагу вспять!» — хрипели комиссары.
Стихи Берггольц под вьюгу слушал Ленинград.
Для отраженья мощного удара
Собрал всю волю раскалённый Сталинград.*

*Нет на войне дорог счастливых. Всюду пули.
Но от Орла на запад все пути ведут.
И в честь того, что мы вперёд шагнули,
Впервые прозвучал в Москве салют.*

*Мечтал фашист пройти Россию маршем.
(Он по Европе, в общем, так и шёл.)
Но по тому, как в Бресте бились наши,
Исход войны уже был предрешён.*

*Так пусть же вечной будет наша память
О тех, кому в полях, в цветах лежать.
Вовеки слава тем, кто бился насмерть
За каждую земли родимой пядь!*

БУДЕТ ЖИТЬ!

*Упал солдат. Рвалась на запад рота.
Ах, до чего ж обидно умирать!
Вдруг показалось, рядом плачет кто-то.
Открыл глаза — над ним склонилась мать.*

*Войне почти конец. Вставай, сыночек.
Тебя четыре года я ждала.
Подумай об отце, он болен очень.
А я, сынок, намедни умерла.*

*А бой идёт. Снаряды землю роют!
Растаял образ в дыме и огне.
Лишь голос где-то: «Дома деток трое», —
И что-то о невзгодах и жене.*

*Вдруг музыка, церковный звон разлился,
В сиянье ангел, крылья за спиной.
Так, значит, всё. Солдат почти смирился.
Ну что ж, веди, коль ты пришёл за мной.*

*Но ангел в холодеющие пальцы
Погал крыло: «Я прилетел не зря.
Ты будешь жить, солдат. Давай цепляйся.
Я с поля боя вынесу тебя».*

*У изголовья, слева, справа в белом...
«Ремни держите! Скальпель! Водки влить!
Как он, такой, дополз из-под обстрела?!»
И словно ангел с неба: «Будет жить!»*

Екатерина БОРИСОВА

Красноярск

Стихи публиковались в «Новом Енисейском литераторе», коллективных сборниках.

СВЕТ ИНДИГО

*Сквозь болота, тёмные места,
Над степями, где стада в тумане,
Светят звёзды Южного Креста.
Ищут их матросы в океане...*

*Ты боишься выйти в темноту,
Ты боишься сумрачного мига.
Но бесстрашно смотрит в пустоту
В этот час небесный свет индиго...*

*Ты не бойся — он родной, тот свет.
Много лет назад под этим светом
Выходил на улицу твой дед,
Любовался теплым звёздным летом...*

*Слышишь? Тихо. Спящие дворы
И луною залитые крыши.
Все уж спят. До утренней поры
Свет индиго за окошком дышит...*

В НОЧИ ТУМАН КЛУБИТСЯ

*В ночи туман клубится. Очень сыро...
Луна — как будто пласт большого сыра.
И звёзды — и Мегведица, и Лира —
Роняют свет у изголовья мира...*

Станислав ИКОННИКОВ

Красноярск

Родился в городе Гусь-Хрустальном Владимирской области 8 февраля 1927 года. Первые стихи начал писать в тяжёлые военные годы. Публиковался в альманахах «Московский Парнас», «Новый Енисейский литератор», коллективных сборниках стихов литературного объединения «Енисейские острова».

Мы все живём под пушкинской звездой
И потому душой к поэзии причастны.

ВОСЬМОЕ ФЕВРАЛЯ

*Февраль за окнами ветрами
Гудел, приветствуя меня.
Синичка с любопытством в раме
Глазела, в мир большой маня.*

*И я, завёрнутый в пелёнки,
Таращил на неё глаза,
Скуля щенком побитым тонко,
Что в руки птичку взять нельзя...*

*Возможно, лишь воображенье
Храню в душе о давнем дне...
Но мог же видеть в день рожденья
Пичугу счастья я в окне?!*

*А в день такой же, в год далёкий
У Чёрной речки шла гуэль...
Упал поэт в сугроб глубокий...
И взывала горестно метель...*

*Я прочитал все его сказки,
Когда мне «стукнуло» шесть лет...
Как будто с горки сев в салазки,
Летел за Пушкиным вослед...*

*Восторгом распирало гушу...
Мелькал вокруг волшебный мир...
Любви я клятву не нарушу —
Ведь с детских лет он мой Кумир!*

ЛИШЬ ТОЛЬКО ПУШКИН МОГ...

*Лишь только Пушкин мог в сокровищницу слов
Дверь открыть по воле провидения...
Пусть светлых на Руси хоть отбавляй голов,
Но милость пала только лишь на Гения...*

*Его наследие родного языка
В моей гуше звучит как музыка и ныне...
И вновь видение плывёт издалека:
Поэт стихи читает нянюшке Арине.*

*И я внимаю его голосу... Слова
В гуше рождают неизведанные чувства.
О, как же ты права, народная молва,
Что лишь поэт зажжёт в сердцах мечтаний буйство!*

*Поэт любимый, ежедневно ты со мной,
И потому чту чистоту родимой речи,
Её звучание, как звон ручьёв весной...
И, улыбаясь, я иду, расправив плечи!!*

ПОРОЙ КАК БУДТО СЛЫШУ...

*Порой как будто слышу за спиной
Гнусавый голосишко: «Перестройся...
Оставь ты музу... послужи иной
Ты цели... О себе побеспокойся...*

*Зачем за всё, за всех переживать?
Ведь переделать мир не хватит века...*

*Иль так и будешь попусту звать
К высоким чувствам в сердце человека?»*

*И осеняю я себя крестом...
И исчезает призрак наваженья...
Не время нынче думать о пустом,
Ведь мать-Россия жаждет возрожденья...*

*И вспоминаю Пушкина я вновь,
Воспевшего величие народа...
Какую ж к людям он имел любовь...
Его поэзия и есть свобода!*

ПЕРВАЯ ВОЕННАЯ ЗИМА...

*Первая военная зима...
Подмосковье... Городок в снегу...
Можно от всего сойти с ума.
Я спастись к Пушкину бегу...*

*За спиной четырнадцать лишь лет.
И сирены ежедневный вой.
В памяти навек оставил след
Бомбовозов рёв над головой...*

*Вечер... Притулившись у стола,
Где копилки светит огонёк,
Вновь поэм знакомые слова
Скрашивают серенький денёк...*

*В зиму ту нам было не дано
Знать, что зим других придёт черёд...
Кончилась война давным-давно...
А вот память помнить всё зовёт...*

Роберт СИБАР

Красноярск

Родился 3 мая 1967 года в деревне Восточная Уярского района Красноярского края. Дипломант краевого поэтического конкурса имени И. Д. Рождественского 2012 года.

ЗА ОКНОМ

*Майский дождь с утра чёткой
По оконной раме бьёт...
Туча огненной плёткой
Хлещет сопки и ревёт
Вожаком, зовущим стадо
Малахитовых слонов,
Громогласно канонадой
Между сопки и холмов.*

*Сопки спят, укрыв хребтины
Сосняками: что им гром-
Грохотун — будто гробины
Для слона. А за окном
Дождь чётку отбивает.
Я на кухне пью чаёк
И люблюсь, как играет
Дождь на лужах в перескок...*

КОММУНАЛЬНЫЙ ДЕД

*Зарнице улыбнулись и погасли,
Как звёзды, городские фонари.
Над Енисеем ветер, бризом ахнув,
С мостом о часе пик заговорил,*

*А мост грозит под ношей мегатонной:
Это час пик, машинами рыча,*

*Гудит, как муравейник, миллионной
Семьёю красноярской и, ворча,*

*Как «Коммунальный гед», перебирает
Стальные чётки — бусины-машины,
А Енисей под ним бежит, вращая
В межгорье дивногорские турбины.*

*Так день за днём, и в дождь, и в снегопад,
Стальные чётки гед перебирает
А на закате аурой лампад
Дорогу для влюблённых освещает.*

ОКТАБРЬСКИЙ ОЗНОБ

*Река свинцовою волною
Дрожит октябрьским ознобом,
Туман по сопкам сединою
Ползёт лавиною-сугробом.*

*И, прикасаясь к Енисею,
Змеёю ониксовой пляшет,
Пока река волной своею
Туман о берег не размажет.*

*А Красный Яр в осенней скуке
Ждёт, будто манну, снегопада,
Любуясь, как берёзок юбки
Кружатся в вальсе листопада.*

*Обнявшись с ветром-ловеласом,
Забыв о скромности девичьей,
Смеётся осень в ритме вальса
Восьмитональной песней птичьей.*

*Согревшись от озноба в вальсе,
В свинцовый омут осень канет,*

*А хризолитовое счастье
В объятьях хиуса завянет.*

ПРЕДЗИМЬЕ

*Грудень ониксовой дымкой
Затуманил Красный Яр
И октябрьским предзимком
Белит снегом бугуар...*

*Ожидая королеву —
Белокурую зиму,
Он для гостьи снежным мелом
Укрывает хохлому.*

*Хохлома шуршит печально:
До весны, мой друг, прощай!
Ты потолще снежной краской
Позолоту укрывай.*

ЗАРИ ХРУСТАЛЬНЫЕ ГЛАЗА

*Меж Чёрных гор и Кум-Тигеем
Туман мохнатою змеёй
Ползёт, шипя наг Енисеем
Своей сегою головой...*

*А Красный Яр с утра в заботах:
Спешит, машинами рыча,
Толкаясь в пробках, на работу...
Туман лениво на причал,*

*Роня морось, наползает...
И бриллиантами роса
На тротуарах отражает
Зари хрустальные глаза.*

Галина САУЛИЧ

Красноярск

Дипломант конкурса одного стихотворения — 2014 «Нового Енисейского литератора».

ЗИМА

*Как будто прохутились небеса —
Который день в объятьях снегопада,
Танцует танго за окном зима,
Сверкая шлейфом белого наряда...
Тоскливо плачет вьюга за окном,
Разбойник-ветер с молодецким свистом
Гоняет снежные шары, как голубей,
Лепя отдельные снежинки в ком искристый...
Ах, как пронзительна зимою пустота,
Снежинки царственно холодны и колючи,
И совершенно беспросветна темнота,
А время тянется протяжно и тягуче...
Но всё же приоткрой у сердца дверь
И допусти возможность счастья на мгновенье.
Пусть рухнет мир вокруг — ты просто верь,
Отбросив все тревоги и сомненья.
Ведь можно обмануть полсвета,
Но только самому себе не лги:
Жизнь однобока и совсем бесцветна,
Когда в ней не горит огонь любви!*

Николай ТИМЧЕНКО

п. Имбинский Кежемского района

Николай Николаевич Тимченко родился 28 сентября 1950 года в деревне Мульга Курагинского района Красноярского края. Окончил Кордовскую среднюю школу Курагинского района. Службу в рядах Советской Армии проходил в Приморском крае. По окончании Красноярского государственного педагогического института работал учителем физики до 2000 года. С 2013 года стихи публикуются в «Новом Енисейском литераторе».

НАС ВРЕМЯ СОРТИРУЕТ

*Фруктовый сад. В нём множество сортов
Прекрасных фруктов. Каждый знает это.
И то, поверьте мне, не чудо света —
Всё это жизнь всего лишь, мир таков.
Плоды, плоды: у всех своя стезя —
Цвести и зреть под нежным солнцем лета.
Хоть все они одним теплом согреты,
Но спелость их у каждого своя.
Фрукт незрелый лучше не срывать.
Пусть зреет он, нектаром наливаясь,
Ведь, влагою живительной питаюсь,
Вкуснейшим будет он. К чему скрывать?
Вот спелый фрукт, он свеж, упруг, румян,
Он ароматен, несказанно нежен,
А вкус его бездонен и безбрежен.
И нет нужды искать нам в нём изъян.
Но если фрукт, к несчастью, переспел,
Хоть полон жизни, нас он не прельщает,
Есть то, что нас не удовлетворяет,
Ведь качеств часть он потерять успел.
.....
В подлунном мире место есть всему —
Не быть в одной корзине разноспелым.
И сортирует время (что поделать?)
По спелости и нас — кого к кому.*

ВЛЮБЛЁННЫЙ КОТ

*С любим поспорить я готов:
Любовь — она всего превыше,
А приведу в пример... котов.
Всё, как и нам, дано им свыше.
На всё влюблённый кот готов,
Но рядом с Ней — травы он тише.
Хоть кот не ведает постов,
В тот час забыть бы мог о мыши.
Не дарит кошке кот цветов,
Он сантиментов всяких выше,
Но март... сзывает всех котов
Отведать страсть любви на крыше.*

СТАРЫЕ ОБРЯДЫ

*Позабыты старые обряды.
Мы тому, увы, давно не рады.
Запылились сней былых наряды,
Хоть рядиться в них и нет преграды.
Да, бывали ряженных отряды
В деревнях, совсем не за награды.
Люди чинно шли, как на парады
Получать гушевные отряды.
Может, нам винить во всём парады?
В прошлом каламбуры и тирады.
Повторюсь, давно мы все не рады,
Что забыты старые обряды.*

ЗА ВАЛОМ ВАЛ

*Порог в реке — совсем не шутка.
Летят стремглав за валом вал.
Порой представить гаже жутко,
Что было б с тем, кто прозевал.*

*Отбросит вон и опрокинет,
Возможно, в щепки разнесёт.
Следов от лодки и в помине
Никто в пороге не найдёт.
Какая мощь, какая сила
В струе, несущейся стрелой!
И валуны порой сносило
Водой неистовой и злой.*

В ПОРОГ

*Да! Слив в порог — он грандиозен!
Могуч! Прекрасен! Величав!
Гремуч, как жарким летом грозы!
Неукротим! Суровый нрав!
К любому он неблагосклонный,
Известен бешенством своим!
Ему не писаны законы!
И он, такой, неповторим!
В мороз из водных брызг и пены
Туман заполнит всё окрест!
Неиссякаемы, нетленны
Краса и удаля этих мест!*

КОЛОКОЛ

*Подпёрли два столба бетонных
Ржаветь железную трубу.
На ней... церковный атрибут
Подвешен кем-то — груз бездомный.
Ничто ничейным не бывает.
Но чей же он? Пойди найди.
Щемит безудержно в груди,
Когда нас колокол сзывает.
На колокольне место где-то,
Не на окраине села.
А может быть, давно дотла*

*Сожгли безбожно церковь эту?
Расскажет многое он звоном —
Язык у колокола есть.
Несёт он благостную весть,
И мы идём к нему с поклоном.
Знаменьё крестное положим
На грудь свою не торопясь.
А кто проходит, не крестясь, —
Коль право есть, так делать можем.
В округе снег блестит осенний.
А мы — жестоки и грубы.
Столбов бетонных и трубъ
На мир взирает медный пленник.*

В ОБЪЯТЬЯХ ГОР

*В объятых гор река петляет,
Низина зелени полна,
Речная зыбкая волна
Нас отраженьем впечатляет.
Та зыбь цветá не изменяет,
Передаёт их все сполна.
В объятых гор река петляет,
Низина зелени полна.
Узоры гор всех повторяет
И бирюзу небес без гна.
Душа красу воспеть вольна,
Что так безбрежно вдохновляет, —
В объятых гор река петляет!*

ВЕЧЕР

*Закатный Солнца диск, короной обрамлённый,
Спускается с небес, к покою устремлённый.
Ещё чуть-чуть пути — и всё покроет ночь,
Ещё совсем чуть-чуть — и день исчезнет прочь.*

Галина БАДАНОВА

Красноярск

Постоянный автор «Нового Енисейского литератора». Автор стихов и песен. Публиковалась в альманахах, журналах, антологиях.

«ПАМЯТЬ ЦВЕТОВ»¹

Посвящается 70-летию Победы
в Великой Отечественной войне

*Двадцать второе июня
Девятьсот сорок первого года
Вписано чёрной страницей
В историю нашей страны.
Полчища немцев-фашистов
Вторглись в пределы России —
И запылали пожары
Без объявления войны.
Мама моя дорогая,
Свидимся ли — я не знаю, —
Под эту музыку вальса
Нас отправляют на фронт.
Шепчет берёзка родная:
«Родину-мать защищая,
Помни свободу без края,
Травы и запах цветов».*

¹ «Память цветов» — популярный довоенный вальс.

РАДУГА ЖИЗНИ

Божьей посланницей — РАДУГА светлая.
За горизонт зацепилась, за край.
Дымкой кисейной — ДУГА разноцветная,
Словно ВРАТА в неизведанный РАЙ.

СОЛНЕЧНЫЙ спектр ДОЖДЁМ отражается,
Это — ОПТИЧЕСКИЙ ФОКУС ЛУЧЕЙ.
СЕМЬ ЦВЕТОВ в радуге переливаются —
ВСЕ ЦВЕТА ЖИЗНИ представлены в ней.

Красный, оранжевый и фиолетовый...
Где же ты прячешься, хитрый ФАЗАН?..²
Ищет ОХОТНИК нестрашный, приветливый, —
Полон улыбками ФОТОНАГАН.

Только КОРИЧНЕВЫЙ ЦВЕТ выбивается³:
СИМВОЛ ФАШИЗМА — противен судьбе, —
Все остальные цвета людям нравятся...
БЕЛЫЙ и ЧЁРНЫЙ — в извечной БОРЬБЕ.

В РАДУГУ ЖИЗНИ вливается МУЗЫКА,
Благословенны чудесных СЕМЬ НОТ.
Дарит всем людям крылатое кружево —
Вдаль нас уносит... от всяких забот!

² Русская пословица для определения порядка СЕМИ ЦВЕТОВ РАДУГИ: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан» (красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый).

³ Коричневый цвет НЕ ВХОДИТ в цвета радуги, т.е. ФАШИЗМ НЕ ВХОДИТ В РАДУГУ ЖИЗНИ.

Вера ГРАМАТУНОВА

Красноярск

Дипломант конкурса одного стихотворения
2012 и 2014 годов.

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

Для меня День Победы является самым светлым праздником. С раннего детства я вместе с родителями ходила к памятнику павшим воинам и приносила цветы, слушала за столом рассказы папы о погибших под Москвой братьях Петре и Николае Колосовых. Совсем молоденькими ушли они на фронт, бабушка Марья всю жизнь оплакивала их. Папа ездил в местечко в пригороде Клина, искал могилу Николая, но не осталось на карте деревушки, что указана была в похоронке, где под яблоней похоронили брата местные жители. Могилу Петра тоже не удалось разыскать. Я сейчас сожалею о том, что совсем мало узнала о своих родственниках. Тогда были у меня свои интересы, а сейчас не у кого расспросить о героях из нашей семьи. О дедушке Иване Петровиче Гаврилове, маминном отце, знаю только то, что он ушёл на фронт в 1942 году. Из рассказа друга деда, с которым вместе призывались, вернувшегося с войны без ноги, бабушка узнала, что из теплушки состава, прибывшего из Сибири в Сталинград, они сразу окунулись в огненное месиво, где в живых остались единицы из многих тысяч. О дедушке только память живёт в сердцах поколений да пожелтевший листок, где написано, что пропал без вести: ни могилы, ни похоронки. Помню вдовьи слёзы бабушки Кати, как тайком смахивала их мозолистыми руками с покрасневших глаз.

Мой отец, Колосов Алексей Алексеевич, совсем мало рассказывал о войне. Его призвали в 1944 году семнадцатилетним мальчишкой на Тихоокеанский флот, где он прослужил семь лет, был участником боёв с милитаристской Японией. В детстве мы с братом играли его медалями, он редко их носил из-за скромности; среди них есть медаль за победу в бою. Отец свято верил в могущество нашей страны — Советского Союза, большим горем для него был его развал. Партбилет, который получил в армии, хранил всю жизнь. Я папу помню как честного, порядочного, доброго, отзывчивого человека, он всегда

являлся авторитетом для меня. Работал он на руководящих должностях в горной промышленности. Всё детство мы переезжали с одного рудника на другой, так я сменила шесть школ.

В канун 70-летия Победы хочу, чтоб всех героев вспомнили дети, внуки и правнуки. Пока живёт память о наших родных, принимавших участие в освобождении Родины, невозможно переписать историю. Мы свято верим и надеемся, что проклятая война никогда не повторится. С Днём Победы!

★ ★ ★

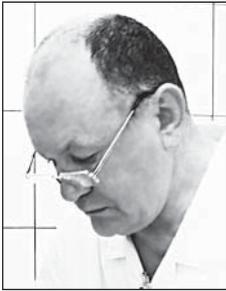
*Не гремели бои над моей колыбелью,
Согревал светлый лучик начало пути,
Но сквозь годы война доставала шрапнелью,
Нелегко с этой ношей было идти.
Я о детстве голодном — с бедой, с похоронкой —
Помню мамин рассказ в слезах о былом.
Причитала о дедушке бабушка громко,
Боль утраты впустив в наш родительский дом.
Помню дядю Ермила с одною рукою,
Как учитель по школе катался без ног...
До сих пор груз, осевший на сердце, — не скрою,
О прошедшей войне был наглядным уроком.*

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

*Война — тупая боль душевной раны,
И папины медали в письменном столе.
Победа — славный праздник, светлый самый,
Который отмечаем мы десятки лет.*

*Свечу зажжёт под образами мама,
Смахнув слезу с ресниц украдкой в майский день.
И вновь пред нею детства панорама,
Где голод, холод и войны проклятой тень.*

*Погибших братьев папа вспомнит стоя,
О подвигах своих не скажет никогда.
Живёт в нас память — таинство святое,
И не сотрут её бегущие года.*

Василий ИВАНОВ

Красноярск

Василий Владимирович Иванов родился в 1957 году в селе Старый Боготол. По окончании Красноярского медицинского института работал врачом-офтальмологом. После защиты диссертации преподавал в том же Красноярском медицинском университете. Стихи печатал в университетской литературной газете «Эскулап», в «Новом Енисейском литераторе». Дипломант конкурса короткого рассказа — 2014.

ШИМОН И КРЕСТ

Мф. 27:32, Мк. 15:21, Лк. 23:26

Шимон Киреянин спешил с поля домой. Дорогу преградила процессия из нескольких солдат и трёх приговорённых к казни на кресте. Нынче казнили часто, в Иерусалеме было беспокойно. Двое, чуть сторбившись и отрешённо смотря в землю, несли свои толстые брёвна с перекладной, крепко удерживая их на плечах. Третий был заметно слабее, едва брёл, сильно клонился к земле, шатался, угрожая упасть. В кожу его головы вонзились острые шипы тернового венца. Он делал невероятные усилия, но не мог ускорить шаг. Удары плетью не прибавляли сил несчастному. Шимон узнал его, это был Иешуа ha-Ноцри — проповедник. Процессия остановилась, так как Иешуа упал. Бревно креста придавило его к земле. Идущие впереди со своими крестами двое разбойников-сикариев засмеялись:

— Слабак!

Вдруг, грубо схватив сильной рукой за плечо, центурион выдернул Шимона из первого ряда зевак, стоящих вдоль дороги. Повелительно указав пальцем на крест, коротко приказал:

— Бери и неси.

Голос центуриона был хриплым и каркающим. Спорить было бесполезно и опасно. Солдаты Понтия Пилата были скоры на расправу. Можно было мгновенно получить удар плетью.

Это был центурион Гай Лонгин. По римскому обычаю, лицо центуриона было бритым, но успело зарости светлой щетиной. Широко расставленные глаза небесно-голубого цвета смотрели жёстко и пронзительно. В левой руке он сжимал рукоятку короткой кожаной многохвостой плети со свинцовыми

гайками на концах, которая в умелых руках разрывала не только одежду, но и кожу до костей. На поясе висел короткий меч. Крепкие ноги были обуты в сандалии. На голове плотно сидел начищенный железный шлем со следами вмятин и царапин. Все его движения были чёткими, законченными и сильными.

Шимон безропотно подошёл, куда ему указал центурион. Иешуа уже встал с земли. Грустно посмотрел на Шимона и усмехнулся. Шимон подхватил бревно креста и взвалил на плечо.

— Тебе больно? — тихо, едва слышно, вдруг спросил Шимон, за что мог получить удар плетью.

— Очень, — почти не открывая разбитых губ, так же негромко, почти шёпотом, ответил Иешуа.

Центурион не услышал их короткого разговора, отвлёкшись на своих солдат, отдавая им приказания. Это спасло обоих от скорого и жестокого наказания. Больше они не разговаривали. Крепкое тело Шимона, привыкшее к ежедневному крестьянскому труду, не испытывало большой тяжести от бревна креста с табличкой, которой не было на крестах разбойников. Он без остановок донёс крест до лобного места и по команде центуриона положил бревно на землю комлем к центру Голгофы.

Коротким взмахом руки центурион отпустил его:

— Свободен.

Шимон, не оглядываясь, быстро ушёл. Завтра Песах, нужно всё подготовить к седеру, проверить — достаточно ли горьких овощей, мацы и вина. Дома его ждали жена с сыновьями Александром и Руфом. Мерно шагая, Шимон неторопливо размышлял, рассказать или не рассказать им, что ему пришлось нести крест для казни Иешуа, поклонниками которого были оба его любимых сына. Как они к этому отнесутся? Они часто обсуждали новое учение проповедника Иешуа ha-Ноцри во время вечерних трапез.

Шимон с подозрением относился ко всем новоявленным мошиах, считая себя твёрдым приверженцем старой веры пророка Моше. Не приняв решения, переключился на мысли о предстоящем празднике.

.....

Солнце ещё не село, но вдруг стало темно, прогремел гром. На мгновение всё остановилось, исчезли звуки жизни,

даже пылинки остановили своё движение. Темнота была как густые сумерки и держалась часа три, примерно до девятого часа. Такого Шимон не припомнил, чтобы накануне Песаха происходило что-то подобное. Было как-то тревожно.

Шимон подумал: «Уж не знамение ли это? Вдруг пророк Моше готовится к своему второму пришествию, или пророк Элиягу прикатит на небесной колеснице?»

Шимон был готов ко всему. С этими мыслями он приступил к приготовлениям к празднику, произнеся нужные молитвы.

.....
Шимон долго ворочался на своём ложе — не мог уснуть. Наконец мгла сна начала медленно накрывать его сознание. Вдруг в этом мареве полусна он явственно услышал Его:

— Спасибо за помощь, Шимон.

Голос был близким, спокойным, чистым, подобным дивной музыке и проникал сразу куда-то в голову. Шимон хотел что-то ответить, но не смог. Ему показалось, что он маленький мальчик, лежит на руках матери, его голова покоится на её мягком плече, ему тепло от её тела, он слышит её голос, который напевает колыбельную, ощущает её запах, смешанный с запахом хлебных лепёшек, её рука нежно гладит его голову. Мать осторожно укладывает его в постель и укрывает одеялом.

— Мама ты вернулась? Я так по тебе скучаю, — улыбаясь, прошептал Шимон.

Его веки отяжелели и плотно сомкнулись. Сознание померкло.

Шимон заснул сном праведника.

13 февраля 2015

Примечания:

Мф. 27:32, Мк. 15:21, Лк. 23:26 — Евангелия от Матфея, от Марка, от Луки.

Шимон (*евр.*) — Симон.

Иерушалаем (*евр.*) — Иерусалим.

Иешуа на-Ноцири (*евр.*) — Иисус Назарянин.

Сикарии (*лат.*) — убийцы-кинжальщики.

Центурион (*лат.*) — сотник.

Мошиах (*евр.*) — мессия.

Пророк Моше (*евр.*) — пророк Моисей.

Пророк Элиягу (*евр.*) — пророк Илия.

Седер (*евр.*) — порядок.

ХАШ

Нас в уютном салоне автомобиля трое: Армен, Амаяк и я. Удобно расположившись на переднем сиденье, смотрю на наш путь через запылившееся лобовое стекло и боковое открытое окно. Мы не спеша продвигаемся по разбитой асфальтовой дороге, осторожно объезжая выбоины, переезжая невысокие горбы и преодолевая какие-то невероятные горизонтальные сдвиги целых пластов покрытия. Армен, как знаток местности, объяснил, что подобные повреждения дорог — результат землетрясений, которые происходят повсеместно и часто. Наш автомобиль поскрипывает, постукивает, скребёт дном, иногда надсадно завывает, но не сдаётся и покорно слушается водителя Амаяка, виртуозно управляющегося с рулём и не менее виртуозно комментирующего дорогу на идеальном русском языке. Наши тела крепко пристёгнуты к креслам ремнями безопасности, а наши внутренности беспощадно и тщательно перемешиваются. Впрочем, иногда, проезжая ровные участки, набираем скорость, и тогда кажется, что мы медленно взлетаем. Дорога, делая серпантинные изгибы, плавно уходит вверх, стремясь к вершине, на которой даже за горячее армянское лето так и не растаял снег.

Любезный читатель, вероятно, подумал, что мы стремимся к двуглавой горе Сис и Масис, то есть Большому и Малому Арарату, той самой горе, на которой Ной переждал потоп, а его сыновья дали жизнь новым поколениям человечества. К сожалению, эта знаменитая гора сейчас находится на территории Турции. Однако целью этого повествования будет не печальная история формирования границ стран. Мы упорно движемся в сторону Арагаца. Но конечным пунктом нашего путешествия является не эта самая высокая гора на древней земле современной Армении, но приземлённое и вполне объяснимое желание съесть чего-нибудь вкусного, преодолев путь километров в триста от Еревана, пышущего тридцатиградусной жарой.

Вдоль нашего пути слева и справа простирается каменистая холмистая горная степь с выгоревшей до сероатой желтизны редкой и жёсткой травой. Кое-где видны высохшие каменистые русла давно исчезнувших речек и колеи неизвестно

где начинающихся дорог. Вокруг ни души, ни строений, ни деревьев, ни куста, только прозрачность воздуха и древяная тишина. Наконец мы въезжаем в створ между высокими холмами, пейзаж быстро сменился, как картинка в калейдоскопе. Горная степь остаётся позади, а наша дорога прихотливо потекла извилистой речкой у подножия крутых холмов, поросших дубами и буками, остающихся ещё зелёными, несмотря на поздний сентябрь. Край дороги густо обрамлён кустами шиповника с крупными красными ягодами и блёклой, но зелёной травой. Быстро проехав этот оазис, мы снова оказываемся на не очень ровной дороге, одна обочина которой резко наклонена вниз, а другая круто вздымается каменистым склоном вверх.

Мы продолжаем почти карабкаться всё выше и выше по серпантину дороги. Мотору нашей машины дорога достаётся нелегко. Слышно напряжённое гудение двигателя внутреннего сгорания, в недрах которого бензин превращается в дым, а остатки КПД — в непреклонное движение вперёд и вверх. Достигаем отметки не менее трёх тысяч метров над уровнем моря, на этой высоте наступает лёгкое кислородное голодание не только для моторов, но и для неподготовленного организма. Становится всё холоднее, пришлось закрыть форточку бокового окна. Небо затянуло сероватыми облаками, грозя то ли дождём, то ли снегом.

Дважды промелькнули вдалеке пастушеские стоянки, отмеченные изгородами с вытоптанной в них землёй вдоль длинных корыт и неказистыми вагончиками, этим универсальным передвижным жильём отгонного скотоводства горцев. Вдруг из-за вершины очередного холма буквально вылетел чернобородый всадник, припавший к развешивающейся гриве лошади бурой масти, и так же стремительно исчез, не обратив на нас ни малейшего внимания и не повернув головы ни на миллиметр в нашу сторону. Моё воображение тут же нарисовало картину: древний воин, облачённый в кольчугу, мчится во весь опор с вестью о приближении, например, монгольских полчищ. Тем более что они здесь точно когда-то побывали, попутно взяв неприступную крепость Амберд.

Наконец добираемся до крутого поворота, от которого идёт вверх тропа, малопригодная для проезда на четырёх колесах. Надпись на русском языке на покосившемся пла-

кате гласила: «ХАШ» — и указывала, что до конечного пункта нашего путешествия осталось совсем немного — метров триста, не более.

Амаяк в очередной раз прокомментировал состояние дороги; понятной частью слов было произнесённое по-русски, и что-то ещё было добавлено на древнейшем языке Закавказья. На мой вопрос: «Что ещё сказал Амаяк?» — Армен отказался переводить ввиду грамматической сложности и неблагозвучия даже дословного перевода на великий и могучий русский язык. Ну чем не повод изучить загадочный и древний язык армян? Наконец, проявив незаурядное искусство горного вождения, Амаяк с чувством глубокого удовлетворения объявил, что мы благополучно прибыли в намеченную точку, к конечной цели нашего трудного пути.

Выйдя из тёплого салона автомобиля, мы вдруг оказались в объятиях поздней осени с температурой, приближающейся к нулю градусов по Цельсию, несильным, но пронизывающим ветерком, дующим от подножия четырёхглавого Арагаца с его ледниками и горного ледникового озера, растёкшегося сероватым зеркалом. Мы моментально продрогли так, что пришлось срочно надевать куртки-ветровки, предусмотрительно положенные в багажник заботливой Тamarой, женой Армена.

По авторитетному утверждению Армена: «Настоящий армянский хаш в это время года можно поесть только у подножия Арагаца!» Таких любителей хаша собралось под крышей неказистого длинного одноэтажного строения человек десять. В очень аскетичном обставленном длинном зале находились ещё две официантки, одетые в овчинные безрукавки и свитера; их тёплый гардероб дополняли зимние сапоги, ибо температура внутри помещения мало отличалась от уличной, только ветра не было. Уюта это не придавало нисколько. Голову начала сверлить предательская мысль: «Уж лучше бы сидели на берегу Севана и получали удовольствие от тепла и божественного вкуса запечённого ичхана — севанской форели — или кебаба из раков, добытых в том же водоёме, запивая их красным вином с виноградников благословенной Араратской долины».

Тем не менее, быстро изгнав малодушные мысли, мы заняли свободный стол, к которому почти сразу подошла

приветливая немолодая официантка и, как выяснилось, хозяйка хашницы по совместительству, которой нами было высказано пожелание, что трём голодным мужчинам, кроме хаша, нужно всего и побольше. На поверхности деревянного вместительного стола начали быстро появляться: только что вынутые из тандыра тонкие до прозрачности лаваша, по пол квадратного метра каждый, пышные лепёшки, источающие нежный запах хлеба, нарезанный пластинками острый сыр чанах, без которого немыслим армянский стол, пучки душистой кинзы, прохладно пахнущей петрушки, нежных метёлок укропа, перья зелёного лука, листья бледно-зелёного салата и, кажется, тархуна; золотился кружочками нарезанный желтокорый лимон; красные кругляши помидор врывались в поляну зелени; что-то похожее на белую редьку подчёркивало чистоту цветов; здесь же были свежие пупырчатые огурчики, разрезанные по длине; большая солонка с крупной солью напоминала снег ледников горы; рядом стояла внушительного объёма розетка, наполненная до краёв густо пахнущим дроблёным чесноком; на большом блюде горка жареных свиных рёбрышек издавала такой запах, что можно слюной изойти за одну минуту; неизменная водочка в запотевшей литровой бутылке из прозрачного стекла, с прижавшейся к ней стайкой гранёных стаканчиков, торчала сталагмитом,— всего этого было бы достаточно, чтобы удовлетворить даже взыскательного голодного гурмана.

Однако, как уже понял мой любезный читатель из названия повествования, нашей целью были совсем не сложные изыски армянской кухни, но хаш!

Моему воображению представлялось, что прославленный хаш, без сомнения, должен будет затмить великолепие уже накрытого стола, унизив его до закуски перед главным блюдом. Мои друзья и спутники загадочно отмалчивались и таинственно улыбались, интригуя меня ещё больше. Армен вообще заявил, что даже ему, постоянному жителю Армении, поесть хаша удаётся не более двух раз в год, и то если повезёт, конечно. Из чего следовало, что хаш — это не только очень вкусное, но и очень редкое блюдо, как, например, акульи плавники или ласточкины гнёзда, а значит, все страдания по преодолению сложнейшей трёхсоткилометровой дороги оправданы; более

того, преодоленные мной четыре тысячи километров окупятся райским удовольствием и наслаждением вкушения хаша.

И вот его внесли...

Глубокая керамическая чашка кирпичного цвета, похожая на низенький горшок с толстой стенкой, покоилась на такой же глиняной жаровне и источала тепло, поддерживая в горячем состоянии содержимое чашек-горшков. Такую чашку получил каждый участник трапезы. Чашка хаша дополнялась тремя скрученными в трубочку и высушенными до состояния сухаря лавашами.

Вижу, что за мной внимательно наблюдает Армен. В предвкушении чего-то необычного подвигаю к себе чашку, укрытую куском лаваша, грею руки, прикасаясь к ней. Открываю импровизированную крышку из лаваша, пар облаком вздымается вверх, вдыхаю его и вдруг ощущаю очень густой запах вываренного мяса, костей, сухожилий и чего-то очень странного — копыт, что ли? Я почти задохнулся! Я был ошарашен! Моя реакция вызвала неподдельное веселье у Армена. Он предложил: «Теперь нужно попробовать на вкус!» Беру ложку, зачерпываю немного белёсой горячей жидкости, не дыша вливаю себе в рот. Ощущаю вкус абсолютно пресного костно-мясного бульона. Глаза меня тоже не обманули: в бульоне лежала довольно внушительного размера кость с суставом, напоминающим коровье колено, без единого признака мышечной плоти, то есть мяса. Меня почти постигли разочарование и шок! Тут вмешался Армен и сказал: «Есть хаш нужно правильно, я тебя научу сейчас. Вася, делай всё как я, и хаш непременно станет вкусным!» Мы с Арменом сидели напротив, и все мои действия должны были быть зеркально-синхронными. Армен вытащил кость из своей чашки, положил на свободное место на блюде и прикрыл куском лаваша, который был крышкой, посолил бульон, попробовал на вкус, добавил ещё, положил немного дроблёного чеснока, снова попробовал. Я всё повторил в точности, соразмеряя со своими вкусовыми пристрастиями; вкус бульона положительно изменился. Для усиления аппетита выпили водки. Беру ложку и пытаюсь хлебать бульон вприкуску с лавашем. Армен снова остановил меня: «Не спеши!» — взял свёрнутый сухой лаваш и начал крошить его в бульон, затем второй — и повторил крошение. Я сделал то же со свои-

ми сухарями из лаваша. После третьего искрошенного лаваша консистенция бульона превратилась в густую кашу, в которой запросто может стоять ложка. Берусь за ложку, Армен снова меня останавливает и показывает, как правильно есть теперь готовый хаш. Такой хаш едят не ложкой, но пальцами, зачерпывая содержимое чашки уже мягким лавашем. Вкуспряного чесночного бульона смягчается тоже лавашем, придавая неповторимый аромат этого восточного не квасного хлеба.

Чувствую, как слипаются пальцы и немного губы. Армен удовлетворён: «Хаш удался!» — коль пальцы с трудом удаётся разлепить. Постепенно содержимое чашек переходит в наши желудки. Чувствуется тепло, которое идёт изнутри и распространяется на внешний мир. По утверждению Армена, хаш — очень полезное блюдо, особенно для суставов, и обладает снотворным эффектом, что может быть правдой, когда плотно поел и клонит в сон. Оставшаяся роскошь стола не поместилась в нас и была любезно упакована, чтобы можно было подкрепиться на обратной дороге.

Чувствую, что я на пороге разгадки хаша. Всё гениальное просто. Хаш — самодостаточное блюдо. Хаш — это явное изобретение пастухов, которые малосъедобные части животного превратили в очень сытное и редкое блюдо. По сравнению с целой тушей быка килограмм в двести, четыре его тонкие ноги явно проигрывают — кожа да кости. Когда хозяин стада забирает быка, пастуху достаются его копыта с лодыжками. Конечно, если быков и других крупнорогатых животных много, то ног тоже много, хаш будет чаще на столе. Чтобы можно было как-то подкрепиться, лодыжки и коленные суставы подвергались длительному вывариванию, часов двенадцать, то есть всю ночь или целый день, оставалось только добавить специи и пряности, за неимением которых приходилось обходиться доступными чесноком и солью. Лаваш, конечно, обязательно присутствует. Если ещё выпить немного чачи, то точно наступает нирвана.

Что может быть проще хаша? Может быть, холодец?

С течением времени хаш стал легендарным и загадочным блюдом, о котором многие слышали, да редко кто пробовал...

Сентябрь 2014, место действия — Армения

Мария МАНАЕВА

Емельяново

Участница многих проектов «Нового Енисейского литератора». Пишет стихи и прозу. Публиковалась в антологиях, альманахах, коллективных сборниках.

ПАМЯТНЫЙ ПЕЧАЛЬНЫЙ СОРОК ПЕРВЫЙ...

*Написано со слов отца, Авдеева Григория Антоновича,
участника и инвалида 2 группы, по его воспоминаниям
Манаева (Авдеева) Мария*

Я ИЗ СОРОК ПЕРВОГО

*Уж много лет прошло с тех пор,
С того ликующего мая,
Когда свободно, широко, победно
Вздохнула вся страна родная.
И вот однажды, в ясный майский день,
Когда на встречу едут ветераны,
Я у отца спросила своего:
— А где ж твои, отец, однополчане?
Ты почему не едешь, не спешишь?
Ты почему им писем не напишешь?
Ну почему же, папа, ты молчишь?
Ну почему ты так тревожно дышишь?
Отец притих, смахнул слезу рукою
И не сказал, а выдохнул в ответ:
— Твои слова загели за живое,
Но на тебя моей обиды нет.
...Тогда, в сорок шальном,
Нам приходилось туго:
На танки безоружные мы шли.
Мои грузья, грузья-однополчане
Пог Ельней все навечно полегли.
Ах, как я счастлив, дочь,
Что жив тогда остался,
Хоть раны до сих пор кровоточат.*

Но я дышу, живу, пою и плачу...
А вот грузья мои — они молчат...
И боль моя с тех пор во мне,
Ни на минуту не уходит;
Как призрак, рядышком со мной
Все годы бродит, бродит, бродит...
Вот потому я не пишу,
Вот потому я и не егу.
Запомни: жизни отдали они
За нашу славную победу.
— Прости меня, отец, за всё прости,
Прости за частые морщины,
И за товарищей прости,
Прости за ранние твои седины.

НА ПЕРЕДОВОЙ

Клонилось солнце к горизонту,
Очередной закончен бой.
С ног от усталости валялись,
Не в силах управлять собой.
Не залечить мне ран душевных.
Я потерял навек покой:
Мой друг из боя не вернулся.
Зачем остался я живой?
На долю выпали нам первым
Позор отхода, боль утрат.
Тебя не стало — в сердце рана.
Ты был мне более чем брат.
Твоя душа летает скорбью,
Твой светлый образ — всё со мной.
Зачем нет слёз, чтоб разрыдаться?
Как написать твоим домой?
Как описать тот бой последний?
Как рассказать о том, как дрался?
А пред тобой я виноват,
Я виноват, что жив остался.
...Но жизнь идёт, мерцают звёзды,
Листвой лопочут тополя,
И лишь окрест дымится гарью
Израненная Мать-Земля.

СПАСИБО, БРАТОК-СИБИРЯК

*...Село дымилось, пахло гарью.
Мы отступили за овраг.
Я полз в разведку в то селенье.
Со мной был Виктор-сибиряк.
Друг друга телом заслоняя,
Мы добрались до крайних хат.
И вдруг забилося сердце гулко:
В гозоре вражеский солдат!
Так, значит, фриц в деревне этой.
Поодаль танки, пушки в ряд.
Теперь — домой, скорей обратно,
Немедля доложить в отряд!
Ползли к своим, сил не жалея,
Вонзались ногти в чернозём.
От пота, грязи ныло тело.
Переживём всё, доползём!
Вдруг взрыв... В сознание: вражья мина.
На части тело рвёт огнём!
— Ты жив, Витёк? Тогда — до наших,
Нам не судьба ползти вдвоём...
Я весь в крови, нога немеет.
И вроде больше не жилец...
— Нет, Гриша, я тебя не брошу,
Я сибиряк, а значит — не подлец!
В беде друзей не покидают.
Так что терпи, крепись, браток!
Меня он вынес с того поля.
Его унёс войны поток.
Я — в медсанбат, а он — на битву.
И разошлись наши пути.
Поклон тебе, мой друг-спаситель,
А что не так — за всё прости...*

НАГРАДА

*Отец мой не был генералом,
В простой шинельке — рядовой.
Нас похоронка миновала,
С войны пришёл солдат живой.*

*Родная хата, ветер в поле,
Берёзы, вёстры по селу.
Тут ждали воина-солдата,
И каждый пел ему хвалу.
А я б могла и не родиться,
Не видеть купол голубой,
Если б отец не смог вернуться
Из сорок первого домой.
Не видеть солнца — это чудо?
Не слышать посвиста скворца?
Не посидеть рядом на лавке
С отцом у нашего крыльца?
Подумать страшно! Скольким людям
Увидеть мир не довелось,
Услышать пение зарянки,
Услышать шум родных берёз!
И кто сказал, что в сорок первом
Наград солдатам не давали?
А жизнь, дарованная свыше?
Ценнее дар найдёшь едва ли...*

ПОСЛЕ РАНЕНИЯ

*Медсанбат. Полевой медсанбат.
Наплывают виденья волной.
Груды раненых, стоны солдат.
Лишь одно утешенье — живой.
Раз живой, это значит, что я
Вновь увижу родные поля,
Вновь увижу затон голубой
И полёт облаков над собой.
А пока надо выжить бойцу.
Ведь со смертью лицом он к лицу.
И бомбёжки одна за одной.
Слава Богу, остался живой.
На Урал наш состав дотянул.
Персонал облегчённо вздохнул.
Санитарный добрался обоз.
Он довёз нас, счастливыхцев, довёз!
Госпитальные ночи и дни —
Как тревожны и серы они...
По семье, по сынам тосковал*

*И по дочке, хоть ту не видал.
В забытье часто грезился мне
Свет манящий в родимом окне.
Приближал тот момент я как мог,
Чтоб увидеть рогной огонёк...*

ВСТРЕЧА С ГЕНЕРАЛОМ ТИМОШЕНКО С. К.

*Ужасно страшный сорок первый.
Земля и небо — гарь и дым.
Рассвет, закат — не распознаешь:
Всё было пепельно-седым.
Друзей теряли мы бесщётно.
И чудо, если выжить смог.
Из уст в уста передавали:
Его поцеловал сам Бог.
...Разведка выдалась удачной.
Приказ исполнен комполка.
В засаде вражеская сила —
Не сунуть нос туда пока.
Иль сон, иль явь — потом что было?
Горит всё тело, как в огне.
Куда-то делись мои силы,
И в мексанбат дорога мне.
— Ну как дела, боец? — я слышу.
— Да можно жить, — ответил я.
Мне повезло с раненьем, право,
А вот ли выживут грузья?
— Мы вас всех в тыл сейчас отправим.
Вас там подлечат, снова — в строй.
Ты молодец, ей-богу, парень,
Орёл и только, ты — герой.
От этих слов вдруг жарко стало.
Слеза катилась по лицу.
Он взял исторшю болезни
И черкнул: «Помочь бойцу!»
Не знаю, я кому обязан —
Судьбе ли, росчерку ль пера?
Но капитально подлатали
Меня в Кургане доктора.
И мне не верится, что дома,
Что все со мной и наяву.*

*Я помню встречу с Тимошенко,
Не в счёт раненья я живу!*

ГОСПИТАЛЬНЫЕ СЁСТРЫ

*В госпиталь был я отправлен
В город уральский Курган,
Где наши души лечили,
Где нас спасали от ран.
Помню девчат-санитарок,
Руки с прожилками вен.
Сутками с нами бывали,
Не было им пересмен.
Белый халатик накинут,
С крестиком красным платок.
Так и снуют между коек:
Просьб нескончаем поток.
Милые лица сестричек
Нам улыбались всегда.
Только потом узнавали,
Что у них тоже беда.
Вот белокурая Натка —
Вовсе не ходит домой,
Днюет, ночует тут с нами,
Стала недавно вдовой.
Спрятала внутрь своё горе
И с добротой к бойцам
Ставит уколы, бинтует
Изо дня в день без конца.
Или Катюшка-молчунья —
То не беда, что молчит.
Там, где она побывает,
Всюду порядок царит.
Вовремя скажет словечко,
Запросто так, от души,
Иль поглядит нежно-нежно,
Взгляды её хороши.
И от таких её взглядов
Сразу становится вдруг
Боль удивительно малой,
Люди добреют вокруг.
Помню степенную Зину —*

*Кудри волнами до плеч,
Помню глаза-незабудки,
Плавную умную речь.
Только придёт на дежурство,
Сразу в палаты спешит.
Тех, кто в депрессии жуткой,
Тут же она тормозит.
Каждому слово подыщет,
Что-то нашепчет в лицо
Или достанет больному
Из-под полы письмоце.
От доброты её щедрой
Вдруг становилось светло,
В маленьком девичьем сердце
Всем находилось тепло.
Этим девчонкам-сестричкам
Бегать бы в клуб да в кино,
Вдоволь бы, всласть повлюбляться,
Но не судьба, не дано.
И, вопреки похоронкам,
Бедам, разрухе большой,
Эти девчушки-погранки
Нет, не скудели душой.
Нету границ удивленью:
Как удавалось найти
Столько старанья, терпенья,
Чтоб наши души спасти?*

ЭХО ВОЙНЫ

*Я родилась после войны,
Её не видела вживую,
Не испытала бед блокадных,
Войну я видела иную.
О ней узнала от отца,
Как он с врагами воевал
И долгожданную победу
С бойцами вместе добывал.
Был он изранен и контужен,
Не по годам седым он стал.
А в его теле затаился
Войны безжалостной металл.*

*Под непогоду ныли раны,
Кровоточили по ночам.
Отец, стенанья заглушая,
Скрипел зубами, но молчал.
И как реликвию святую
Осколки бережно хранил.
Забывать сраженья, раны, боли —
Нет у солдата на то сил!
Остались в памяти моей
Осколки чёрного метала.
Не знала я войны живой,
Но я её другой узнала.
Пусть наша память сохранит
Всё от войны нам дорогое,
Чем сердце каждое болит,
Всё, что несём в душе с собою.*

У МОГИЛЫ СОЛДАТА

Памяти дяди Миши, лейтенанта, погибшего в 18 лет

*Ушёл в историю сорок шальной,
Но в памяти свежи его картины:
Рвут танки напролом по степняку,
Под лязгом стонут русские куртины.
Окрест завеса дымная висит,
По-над долиной чад и гарь живая.
Солдат убитый под кустом лежит,
А рядом с ним ромашка полевая.
Совсем юнец, безусый лейтенант,
Едва успел он в девушку влюбиться.
Быть может, ей ромашку он сорвал,
Но не судьба любовью насладиться.
Я над могилкой клятву произнёс
И дал сынку-солдату свой обет,
Что отыщу его любовь под Пензой
И подарю ромашек ей букет.*

Емельяново, 2015

Маргарита РАДКЕВИЧ

Красноярск

Автор музыкальных пьес «Популярные мелодии для баяна и аккордеона» (2001). Состоит в литературных объединениях «Диалог» и «Русло». Стихи печатались в периодических изданиях, в коллективных сборниках «Сатурналии» (1996), «Своей дорогой» (2001), «Поэтессы Енисея» (2001), «...И слово в сердце отзовется...» (2003), «День поэзии Красноярского края» (2004), «Русло» (2005), «Поэзия на Енисее» (2006, 2008), «Часовенка» (2006), в антологии одного стихотворения «Поэты на берегах Енисея XVIII – XXI вв.», в альманахе «Новый Енисейский литератор». Автор книжки стихов «Нарисуй меня».

ЭХО ВОЙНЫ

Россия, прошлое твоё нам не чужое...

Автор

★★★

*Кто говорит, что лечит Время?
Зашиты раны нитью лет.
Войны осколочное бремя —
И радость снова видеть свет.
Как метроном часов — стук сердца,
Ритмичен жизни мерный шаг.
И снова песни будут петься,
А рядом — друг, и рядом — враг...
А по ночам мне снятся пули,
Свистящие вновь у виска.
Летящий рой — свинцовый улей,
По мирной Родине тоска.*

РАЗ В ГОД

*Раз в год на праздник в День Победы
Идёт, как прежде, ветеран.
Ладошка правнука в руке у деда —
Лекарство от душевных ран...*

Вера ЗОЛОТУХИНА

Красноярск

Родилась в Красноярске. По профессии экономист. Работала на заводе «Химволокно», в Дивногорске — на заводе низковольтной аппаратуры, на экскаваторном заводе. Увлекается поэзией, живописью, музыкой. Стихи пишет по вдохновению. Участвовала во многих коллективных сборниках и газетах. Отмечена благодарственными грамотами и призами.

МОЛЧАНИЕ

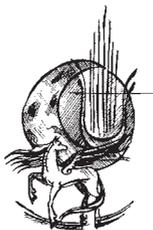
*Молчишь и куришь —
что ж, больней вгвойне,
Намеренно не замечая вызов...
Моей судьбы просроченная виза,
Я гумала, устроит нас вполне.
Строптивы дни, придурчивы года.
Немая сила нас разъединила,
А я тебе без устали звонила.
..Проистекало время, как вода...*

*В раздумьях улиц свой сокрыт резон:
Проталины, приливы и отливы...
Картавые подтрунивают ливни,
Цветы любви сгибая на газон...
Их свежесть — вдохновенье и восторг!
Бутонов нераскрывшихся случайность.
Но ты молчишь, — твоя ли в этом крайность? —
Ответным чувствам выставляя торг....*

*Пылит дорога, мчится БМВ,
Крылатый аэробус ввысь взлетает.
А мой родной чужак не замечает,
Что нагнетает прошлое во мне...
Пустынен и беззвучен этот мир,
Сурово без тебя его дыханье!
Ты — откровенных чувств мой конвоир!
Цепей сковавших — тяжкое молчанье...*

ПО ДОРОГАМ СЕВЕРНЫМ

Гоп, гнедая! Да в галоп...
По дорогам северным
В мой заснеженный чертог
Залетай уверенно.
Сильных крыл не обморозь —
Печь ещё не топлена.
Дышит хрипло, смотрит вкось
Ночь луной наглощенной.
Льдом покрыло спящий пруд,
Затянуло накрепко.
Вьюги стёжки заметут
Снеговую накипью.
Голубых перин тепло
Прячет ночь намеренно.
Вдоль округи намело
По веленью Севера...
Путь далёк, а впереди
Ветра придыхание...
Ночь сугробы громоздит,
Как напоминание...
...А наутро в гололёд
Полетишь, усердствуя.
Гоп, гнедая! Да в галоп...
Год грядущий пестуя!

Александр ТИХОНОВ

Игринское

Стихи и проза публиковались в «Новом Енисейском литераторе», коллективных сборниках.

ШАГ ВПЕРЁД, ДВА НАЗАД

Глава из повести «Конфликт на очистных»

А на дворе был уже октябрь. Приближались заморозки. Новая линия очистных сооружений была заполнена водой. Необходимо было срочно запускать линию в работу, иначе случилось бы замораживание водоводов, находящихся на поверхности.

Генеральный директор Николай Иванович Байбородов и начальник строительства Александр Ильич Крючков торопились. Из Кемерово, из экологического центра, была вызвана специалист, при действии которой и разрабатывался этот проект.

Приехала уже седая, но ещё шустрая старушка, которая знала все тонкости проекта. Три дня она суетилась, бегала по трапам, командовала слесарями, сама крутила задвижки, регулировала величину открытия шиберов и заслонок. Стоки то пускали по новой, то возвращали на старую линию, чтобы устранить недоделки. И вот наконец все узлы и агрегаты заработали в нормальном ритме.

Технолог Любушкина в пуске новой линии не участвовала. Она так и не дождалась приглашения от Крючкова. Незадолго до пуска её вызвали в отдел кадров и предложили перевод на завод ЖБК лаборантом. Перевод был мотивирован несоответствием занимаемой должности.

Лариса Николаевна, получив направление на новую работу, всплакнула украдкой, но жаловаться никуда не пошла. В условиях дефицита рабочих мест жаловаться было только во вред себе. Хорошо ещё, что не сократили и на год сохранили прежний заработок.

Отметить пуск новой линии решили на широкую ногу в просторной новой механической мастерской, где, кроме металлообрабатывающих станков и слесарных верстаков, были раздевалки, мужская и женская, душевая, туалеты, кабинеты начальника и технолога, которого пока ещё не приняли, но кандидатку на эту должность на очистных уже видели.

Её привозил сам Николай Иванович, знакомил с будущим местом работы. В новых мастерских всё теперь соответствовало статусу предприятия. На открытие новой линии были приглашены все работники, находящиеся на отдыхе, и все, без кого очистные могли на сей момент обойтись. Набралось двадцать пять человек. Штат увеличился в три раза.

На собрание приехали сам Байбородов и главный энергетик Жеглов. Было много сказано одобрительных слов в адрес новых очистных. Первой выступила старушка из экологии.

— Ваши новые очистные сооружения для меня уже не новые, — засверкала она золотом зубов. — Запускала я и более сложные.

Она, видимо, любила хвалить себя. Но эта похвальба вызвала у работников очистных только одобрение. Маленькая, уже чуточку сторбленная, симпатичная старушка и в самом деле разбиралась в своём деле отлично и умела этим пользоваться. Рабочие, в том числе и Рябцев с Богдановым, во время наладки смотрели ей в рот и бежали исполнять любое её распоряжение.

— Ваши новые очистные морально устарели. Есть новые проекты с более эффективной очисткой. Долго вы их строили.

Она повесила на стену схему новой линии и объяснила назначение каждого объекта.

Затем выступил генеральный директор. Николай Иванович выглядел внушительно, как и большинство крупных руководителей. Он был ладно скроен и крепко сшит. Коренаст, с волнистой шевелюрой на голове, в безукоризненно белой рубашке и чёрном костюме. Брюки в стрелочку, взгляд жёсткий, голос убеждающий.

В руднике Николай Иванович пользовался большим уважением. На работе он был суров, но зато дома, говорили, находился под каблуком жены. Про его любовь к жене и раболепствование перед ней ходили легенды. Жена заведовала всем торговым сектором рудника.

Рассказывали, как однажды Николай Иванович, «отдыхая» на даче, до двенадцати часов ночи по требованию жены убирал с дороги камни. Мимо дачи ходили самосвалы с гравием, и чтобы они меньше гремели и давали спокойно отдыхать его жене, он фактически ползал по дороге, отбрасывая крупные камни в сторону. На работе жена подчинялась мужу беспрекословно, но дома генеральным директором была она!

— Товарищи! Друзья! — начал Николай Иванович по социалистической привычке, улыбнулся и поправился: — Господа!

Среди сидящих прокатился смешок.

— Да, да! Мы теперь все господа! — продолжал генеральный. — Вот у вас теперь есть новые очистные сооружения. Надеюсь, вы оправдаете доверие, будете и работать по-новому. Мы много вложили в них средств и надеемся, что эти вложения оправдаются. Штрафы за сбросы должны уменьшиться. И это зависит от вас. Зависит от того, как вы будете работать. Пора кончать с социалистическими принципами работы: лишь бы день прошёл. Вы думаете, мы не знали, как вы работали на старых очистных? Вы думаете, если мы сидим в кабинетах, то ничего не видим? Нельзя платить людям деньги только за то, что они находятся на рабочем месте. Всех, кто будет просиживать рабочее время, мы будем увольнять. Вот вам новый руководитель участка, — показал он на Крючкова. — Думаю, вы с ним уже знакомы. У вас тут не было хозяина. При социализме всё было ничейным. Была и растащилка, и незаконные калымы. Теперь у всего предприятия один хозяин, и живёт он не в Абазе и даже не в Новокузнецке, а в Москве. Вы теперь не хозяева предприятия, а наёмные работники. Даже я в руднике не хозяин, а такой же наёмный работник, как и вы. И меня в любой день могут уволить, если я буду плохо руководить.

Всё и всем стало ясно как белый день: начинается новая эпоха, эпоха капитализма, где человек человеку — волк, где будет мягко стелено, да жёстко спать!

— Мы разработали новые инструкции на каждое рабочее место, — продолжал Николай Иванович. — Необходимо строго их соблюдать! Хочу ознакомить вас с положением дел в руднике. О положении в стране, я думаю, вы уже слышаны.

И посыпались цифры об итогах работы рудника за девять месяцев. Цифры и проценты выполнения заданий по руде. Экономические результаты были положительными.

— Это хорошо, что ЗСМК разрешает нам широкий диапазон деятельности. Есть у нас и сельскохозяйственный цех — не из последних в области, и другие подсобные предприятия. Но стоит смениться хозяину или случиться мировому кризису, что сейчас очень может произойти, и всё наше благополучие может закончиться. Новый хозяин может заставить нас отказаться от подсобных и сопутствующих отраслей. Ему нужна будет только руда — и всё! Рудник не умрёт, но город сильно пострадает. Все подсобные и сопутствующие цеха без поддержки за счёт руды развалятся. Большинство из них убыточны. Вот сельхозпредприятия только через пять лет вышли на прибыль. И надои у нас наивысшие по области, и привесы, и урожаи, и лошади наши берут высокие призы на областном ипподроме. И свиноферма и маралоферма вышли на прибыль. А сколько рудник

туда вложил средств — не сосчитать! Вот и в ваши очистные сооружения вложено много. Всё это за счёт руды. А выживете ли вы без поддержки рудника? Так что давайте работать добросовестно. Вон у вас и ворота нараспашку, и калымы незаконные, и воровство. Ворота должны быть всегда заперты, по забору проведена колючая проволока. Ваш объект — это объект повышенной опасности. Мы введём пропускной режим, как ввели на шахте. Воспитательной работой, как в советские времена, мы заниматься не будем. Появился на рабочем месте в нетрезвом состоянии, нарушил производственную дисциплину, допустил аварию — будешь уволен! Всё! Коммунизм кончился! Всё, господа, давайте работать! У кого будут вопросы?

Вопросов не было. Генеральный закончил говорить, сел на боковую скамейку, а в мастерской ещё с минуту стояла тишина.

Выступил главный энергетик.

— Вам надо прибавить ещё одну единицу электрика. Электрооборудования много. Мы пришлём квалифицированного инженера. Ваш объект — объект повышенной опасности. Вон и хлораторная рядом с забором. Ранее вы пользовались только хлоркой, теперь будете пользоваться жидким хлором, а это очень опасно. Вы должны понимать это. К тому же вы знаете, что в стране действуют террористы. Откроют баллоны с хлором или бросят через забор гранату...

Он не договорил, помолчал, давая слушателям усвоить сказанное.

— Компрессоры должны быть защищены тремя ступенями защиты. У вас пока этого нет. Компрессорщики должны быть защищены от шума компрессоров. Комната для дежурных должна быть вынесена за пределы компрессорной, а перед дежурным должен находиться щит с приборами слежения. Все вы пройдёте курс подготовки в нашем учебном комбинате. От нерадивых и неумелых мы будем освобождаться.

Рябцев смотрел на главного инженера и не понимал, чем он смог взять красавицу Ларису. Коротенький, лысенький, лицо какое-то размазанное, глаза бегающие, голос вкрадчивый. Заштатный любовник. Такие мужчины, несмотря на невзрачный вид, любвеобильны и словоохотливы. Но слышал он, что Лариса бросила его. «Поднадоел, видимо. А может, жена прослышала о его связи», — подумал Пётр Иванович.

После напутственных речей высокое начальство вместе с шустрой старушкой покинуло мастерскую. Настала очередь «настоящего» торжества. Были убраны к стенам скамейки, на середину мастерской были установлены столы. На них появились выпивка и закуска. Управляли застольем женщины-операторы.

Зазвучали тосты, поздравления, пожелания, бо́льшая их часть была адресована Александру Ильичу. Пётр Иванович прочитал длинную, специально сочинённую оду новым очистным, из которой выходило, что грязные городские стоки, пройдя все стадии очистки, превратятся в дистиллированную воду. И заканчивалась она такими строчками:

В Абакан течёт вода
Годной сразу хоть куда —
Хоть на варку, хоть питьё,
Хоть на банное мытьё.

Аналитическим своим умом Рябцев дал шуточную оценку каждому члену своей бригады. Новому начальнику очистных сооружений он намекнул на его отчество:

Не стоит на пьедестале
С указующей рукой,
Но без него бы стройка стала
Просто круглой сиротой.

Мастеру Сяглову оценка была нелицеприятной. Но Рябцев знал, что Владимир Николаевич обижаться был не способен.

Каждый день и здорово
Он ломает голову.
С каждым утренним нарядом
Пот с него катится градом.

Намёк был на то, что Владимир Николаевич частенько приходил на работу с бодуна.

Меньшикову эпиграмма понравилась:

У него в руках держак,
А по виду он кержак:
Борода красивая —
Чёрно-буро-сивая.

Пястолову была дана пятёрка с плюсом, хотя тянул он едва ли на четвёрку:

Он ещё не инженер
По прозванию Пионер,
Только этот пионер —
Всем электрикам пример.

Диме Богданову, которому Пётр Иванович симпатизировал, была дана высшая оценка:

Симпатичный парень Дима,
Всюду он необходимый:
Столяр, плотник и кузнец,
Ай да Дима — молодец!

Филиппову Рябцев поставил двойку:

Этот парень — не профан,
А зовут его Вован.
Если честно — наш Вован
Очень даже хитрован.

Калачину была дана справедливая оценка, так как он, как и Сяглов, часто приходил на работу с похмелья:

Не высотник и не врач,
Очень норовом горяч.
Говорят, он холодильник,
А скорее — горячилицик.

Оленьке Байкаловой была дана оценка лестная:

Весела, смела, мила,
И умом, и всем взяла.
Средь мужчин не без причины
Она держится мужчиной.

Себе Пётр Иванович дал нейтральную оценку, подчеркнув свою любовь к лыжам. Во второй половине октября снег уже выпал, и Рябцев успел пробежаться по бору.

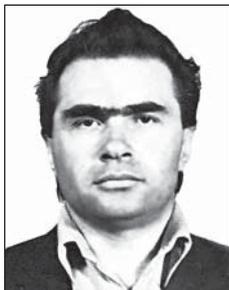
Не качок и не спортсмен,
Никакой не супермен
И совсем не чемпион —
Просто лыжи любит он.

Из солидарности ему хлопали после каждой эпиграммы, а оду новым очистным начальник участка положил под стекло на своём письменном столе. А женщины-операторы даже обиделись:

— А почему нам эпиграмм не досталось?

Праздник закончился, как только Александр Ильич произнёс напутственную речь:

— Ну вот, друзья, и наступила новая эра — капитализм! Призываю всех работать по-новому, использовать всё рабочее время для дела. Работать будем по графику: от восьми до семнадцати с перерывами с десяти до десяти тридцати и с пятнадцати до пятнадцати тридцати. Хочу повторить слова Николая Ивановича: социализм кончился! Помашите ему ручкой! До свидания!

Вячеслав НАСОНОВ

Красноярск

Публиковался в «Новом Енисейском литературатре», коллективном сборнике.

ЗАКАТ НАД ЕНИСЕЕМ

*Солнце спряталась за гору,
За горою не видать.
Но лучи его ласкают
Белооблачную прядь.*

*Это облако повисло
И висит над той горой,
Словно айсберг в океане,
Словно парус голубой.*

*Смотришь, облако краснеет
Ярко-бархатной волной,
И на летнем светлом небе
Контур виден золотой.*

*Тихо, медленно и важно
Всё темнеет горизонт.*

*Мрак на землю опустился,
Ночь раскрыла чёрный зонт.*

*Минул день, и ночь настала,
Наступило царство тьмы.
Только звёзды светлячками
По всему небу видны.*

*Слышен где-то плеск от вёсел,
Плеск волны о берега.
Ночь колдует над водою,
Спит могучая река.*

*Овладела ночь Сибирью,
Енисей притих во мгле,
Молоком туман клубится,
Расстилаясь по воде.*

14 сентября 1999

Рисунок автора

Нина КИРИЛЛОВА

Красноярск

Автор книг стихов для детей и взрослых.

ДЕРЕВНЯ ПИРЧЮПИС

*Жила деревенька, немного дворов,
Мужчины в ней, женщины, дети.
Любили, работали, пели они,
Как все и всегда на свете.*

*Фашисты пришли, и порядок свой
В деревне они навели.
В упор расстреливали стариков,
Домов половину сожгли.*

*И кто-то узнал, что связь с партизанами
В этой деревне была,
И отдан приказ: «Уничтожить всех.
Деревню же сжечь дотла!»*

*Вначале забрали мужчин молодых
И всех закрыли в сарай.
Облили бензином со всех сторон
И крикнули: «Поджигай!»*

*Мужчины горели в сарае живьём,
И если кто-то вылезал,
Стреляли по жертве со всех сторон,
И он от пуль погибал.*

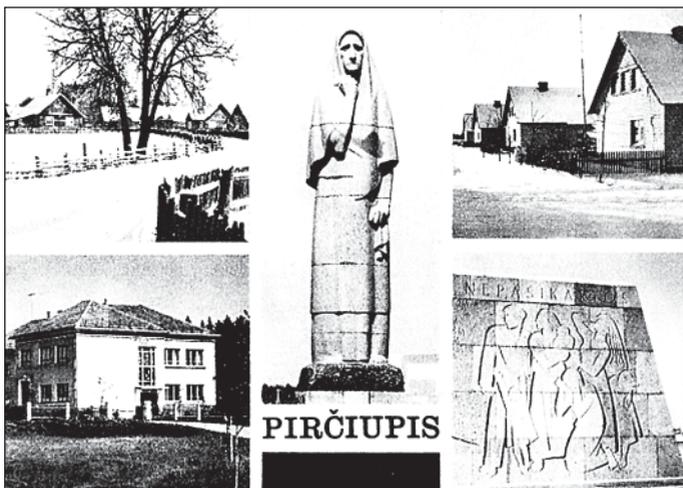
*А после взяли жителей всех —
Женщин, детей, стариков.*

*В другой сарай их всех повели,
Нет жалости у врагов.*

*Девчонки, мальчишки, младенцы даже
В ужасном пожаре сгорели,
И только трое осталось свидетелей,
Трое лишь уцелели.*

*Они сообщили миру всему
О преступлении жутком.
Кто в этой деревне был палачом,
Кого война пощадила,
Народ поставил всех пред судом,
Судьба всё равно отомстила.*

*На месте казни ужасной той
Скорбящая мать стоит.
Народная память навечно здесь
Выбита в серый гранит!*

Мемориал в деревне Пирчюпис

Вера ПРОКОПЬЕВА

Красноярск

Вера Николаевна Прокопьева родилась в Орловской области. После школы приехала по комсомольской путёвке в Сибирь. Окончила Иркутский университет. Физик. Работала на заводе «Красмаш» инженером-конструктором. Стихи и проза публиковались в альманахах и антологиях, коллективных сборниках.

ЧАСТИЧКА ВОЙНЫ

Все тяготы войны я испытала в детстве. Наш посёлок (двадцать пять километров от города Орла) был оккупирован немцами, как и вся Орловская область. Два лихих года оккупации. А в 1943 году советские войска погнали фашистов. И немцы, убегая, сожгли наш посёлок, а всех оставшихся жителей погнали в плен. А когда русская армия догоняла фашистов, они нас, пленных, ставили живым щитом, чтобы русские меньше их били.

Нас гнали немцы аж до Гомельской области. И я своими маленькими ножками прошагала половину Орловской области, всю Брянскую область и часть Гомельской. Нас гнали строем, а по бокам немцы с автоматами и собаки.

На какой-то станции бой шёл три дня. Немцы спрятались по домам, а нас, пленных, оставили на поле перед домами. Стреляли с двух сторон. Половина нашего обоза погибла.

Мать наша кое-как выкопала маленькую ямку, положила нас туда (нас было три сестрѐнки, я — средняя) и закрыла собой. Бог нас спас, мы остались живы. Рано на рассвете на четвёртый день нас освободили русские. Я это хорошо помню.

Мама будит нас: «Дети, дети, проснитесь. Нас освободили, наши идут». Господи, какое это счастье! Свобода!

Солдаты идут в пыли, в крови, в бинтах. Но все счастливые.

Женщины плачут, целуют солдат. Дети ревут, старики плачут.

Но, слава Богу, освободили нас. И мы живы.

Потом мы пошли назад, домой. Но уже без конвоя, свободные.

Два месяца шли. Чем ближе подходили к родным местам, тем страшнее на душе. Ведь крутом всё сожжено, одни пепелища.

В свой посёлок мы пришли уже после захода солнца. Дома сожжены, одни трубы торчат. Все зарыдали, завыли. Был уже конец октября. Где жить? Как зимовать?

Такой плач, такой вой стоял наших матерей.
Господи, сколько же вынесли наши матери, наши женщины!
И какое тяжёлое детство у нас было после войны, холодное, голодное.
Не дай Бог, чтобы повторилось такое. Пусть всегда будет мирное небо!

Посвящается солдатам, пропавшим без вести на войне

*Где ты, родной мой отец?
В какой стороне ты лежишь?
Больше полвека тебя уже нет.
Тебя я не слышу, и ты всё молчишь.*

*Родился и рос на орловской земле,
Землю пахал, пшеницу растил.
Трёх дочерей поднимал и мечтал,
Что будет счастливая доля у них.*

*Но вот наступил сорок первый,
И ты оказался в строю.
Пошёл защищать детей своих малых,
Пошёл защищать землю свою.*

*Когда тебя пуля настигла,
Подумал ты, знаю, о нас,
О наших садах и просторах,
О наших лугах и полях.*

*Погиб ты уже в сорок пятом
В чужой, незнакомой стране.
Родные с тобой не простились
И горькую стопку не ставят тебе.*

*Никто не придёт на могилку.
Никто не уронит слезу.
Лишь птицы поют в синем небе,
Да молнии блещут в грозу.*

Ольга РЫЧКОВА

Красноярск

Родилась в селе Каргино Енисейского района. Окончила Новосибирский педагогический институт.

МАЛИНКА ОСЫПАЛАСЬ...

Наша деревня в одну улицу называется Малиновка. Назвали её по слову «малина», ягода. Раньше было много малины по покосным лужкам. Бывало, на покос идут, а вечером с туеском малины возвращаются. Деревню ласково называли Малинка.

Дед Захар рассказывал, как в малинник захаживали медведи, как они спутнули сонного медведя в малиннике: закричали на весь лес «Калинку-малинку» и загремели пустыми вёдрами.

Паша ходил на покос с дедом, наблюдал, как сочно вживаются на лугу косы, перестукивают оселки, трещат косилки. Ровными рядами ложится скошенная трава. От знойного солнца трава вянет и издаёт приятный запах. Паша любил бывать на покосе. По скошенным рядам ходили птицы, налетевшие из леса, они подбирали разных букашек, которые скрывались в густой траве, клевали ягоды.

А в доме пахло парным молоком и тёплым хлебом. Бабушка Устинья ставила в русскую печь пироги с малиной. Печь закрывалась заслонкой на несколько минут. Пироги готовились очень быстро: какой аромат и вкус отменный! Бабушка всё делала с любовью, лицо её всегда было обращено в радость. Она обладала особым талантом доброты.

— Нежность заложена в женском сердце, — говорила она.

Её источник радости и доброты был в окружающей природе, в деревенской жизни, полной хлопот и труда. Она умела любоваться каждым цветком:

— До чего хороши цветы, хочется целовать их!

На гумне молотили сжатый хлеб, работали веялки, гудели трактора. Стадо растягивалось на всю улицу. Песни слышались в каждом доме.

Но однажды на сморщенном лице бабушки Паша увидел печаль. Он не знал, что такое война, но понимал, что это горе. Бабушка говорила:

— Я, старуха неграмотная, понимаю, что война приносит вред! Не возьму в толк: как можно разрушать, что создано трудом? На войне люди гибнут, остаются дети сиротами. Чем убивать людей, лучше бы пахали землю у себя дома. Они загубят природу, запоганят матушку-землю. Сынок, объясни, что же происходит?

Андрей растолковывал, что это варвары, когда нападают на мирных людей. Войну затевают богачи. Нам война не нужна, фашисты втягивают нас. Наш священный долг — защищать Родину. Бабушка опустила голову:

— Когда защищать — это другое дело.

Паша слушал, волновался вместе с бабушкой. Когда ему исполнилось три года, дед подарил ему дудочку.

— Может, в дудочку сильно подудеть — зло уйдёт? Вот какое оно, это зло, злые силы, горе?

Ночью Паша спал тревожно, несколько раз просыпался, что-то невнятно говорил, снова засыпал. Ему снился сон: он верхом на палочке скачет, ищет зло (может, волк, Кощей), встретил на пути что-то тёмное, большое.

Паша сильно дудел в дудочку, Поднялся сильный ветер, «Это зло», — подумал Паша. Оно задом отступает, отступает, отступает — и бултых с берега в воду. Паша еле удержался.

А дудочка заиграла, заиграла, заиграла, запела. Страсти сгинули. Стало светло. Яркий луч солнца пронзает утренний туман.

Травы стали выше, сочнее, цветы раскрыли бутоны, посыпались птички трели. В деревне на бревенчатом заборе запели петухи.

Волнует тема войны и взрослого Пашу. Запали в душу бабушкины слова: «Малинка осыпалась. Ни один мужик не вернулся с войны. Тихо в деревне. Стадо не пылит по улице».

Если бы объединённое человечество покончило с гонкой вооружений и социальной несправедливостью, каких звёздных высот достигло бы оно!

Мир — это молчание пушек и смех детей.

Анна ТУШКЕВИЧ

Емельяново

Участница литературно-музыкального объединения «Родничок». Стихи и проза публиковались в коллективных сборниках, альманахах.

ПАМЯТЬ

*Победе урок посвящён,
Дети ждали солдата.
А ветеран в класс вошёл
На удивленье ребятам.*

*На груди его сверкали
Ордена и медали.
И любопытные взгляды
Напряжёнными стали.*

*Походкой шаркающей он
Тихо подошёл к столу
И просто разговор повёл,
Что пришлось прожить ему.*

*Он вспоминал своих грузей,
Фрагменты поля боя
И горе на земле своей,
Невиданное горе.*

*«Рвались бомбы тут и там,
Всё горело под ногами,
Дышалось с гарью пополам,
И смерть неслась над головами.*

*Земля изранена была
Осколками снарядов,
И где-то близко медсестра
Тут оказалась рядом.*

*Услышав чудом стон, она
Склонилась наго мною.
И как тогда меня могла
Нести из поля боя?*

*Откуда силы те взяла
Та хрупкая смуглянка?
У смерти вырвала меня,
Тащила до землянки.*

*День Победы встретил я
В палате госпиталя.
И от радости такой
Со всеми вместе стал шальной.*

*Подушки к потолку летели,
Бросали на пол костыли,
А кто прикован был к постели:
«Ура!» — кричать лишь те могли.*

*В суматохе той от счастья
Вспомнил бой последний свой,
Медсестру с её участием,
Пред смертью ставшую горой».*

*Воспоминания, как грёзы,
Заполнили этот класс,
И медленно мутные слёзы
Катились из старческих глаз.*

*Тишина щемила душу,
Сковала мысли ребят.
Каждый себя тогда слушал,
То, что поведал солдат!*

*И только Витя Синичкин
Так робко руку поднял:
«А как зовут ту сестричку?»
Но ветеран промолчал...*

Екатерина НЕФЁДКИНА

Красноярск

Стихи и проза публиковались в «Новом Енисейском литераторе».

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК ВОСКРЕСЕНИЯ

*Светлый праздник Воскресения
пришёл весеннею порой!
Расстались мы без сожаления
со стужей, холодом, зимой.
Святая Пасха возвратилась,
бегут ручьи, и ярче солнце,
щебечут птицы за оконцем.
И так светло становится вокруг,
и веришь: всё пройдёт —
и кризис, и негуд,
и боль обиды, час невзгод
опять уйдут на целый год!*

ГОД КОЗЫ

*Симпатичная мордашка,
кучерявая рубашка,
травку щиплет без забот,
в ручейке водичку пьёт.
Угадай, кто к нам спешит
и копытцами стучит?
Это снова Новый год!
Год Козы уж у ворот.
Чуть капризна, чуть шумлива,
но мила и несварлива.
Обещает нам удачу,
очень хочет к нам на гачу.*

*Обещает нам творог,
молоко и сто забот!
Будет жаловаться вам,
что никто поест не дал...
Ни листочка, ни капусты,
и в корытце снова пусто!
Но, желая всем добра,
наша славная Коза
год удачный обещает,
счастья, радости желает!*

МАСЛЕНИЦА

*Блины, блины
с икорочкой,
с хорошей, чистой водочкой —
что может быть вкусней?!
Горячие, пушистые,
от масла золотистые,
сметаною политые,
давай пойдём скорей.*

*Срочно к тёще на блины
зять засобирался.
Галстук-бабочку надел
И бегом помчался.*

*Блин весёлый, озорной
солнышком прикинулся.
Ты, милёнок, отчего
близко так придвинулся?*

Линда ШАМКОВА

Красноярск

Организатор литературного клуба «Зелёный огонёк» в библиотеке им. И. С. Тургенева.

Зарисовки

ОБЩИЕ БЕДЫ

Когда я ездила в отпуск в Шушенское, то старалась, чтобы у меня были свободные деньги.

Моя сестра Миля работала в прокуратуре курьером и уборщицей кабинетов. Времени свободного не было, да и уставала. Ребята её, а их было четверо, с утра до вечера пропадали на реке Шушке. Зато когда они приходили домой целой ватагой, я старалась их всех накормить, каждому наливала в отдельную тарелку.

После трапезы все разбегались, и мне приходилось мыть много тарелок. Я решила сделать иначе: складывала всю грязную посуду в бак и отправляла их на речку. Им это нравилось. Они плескались и с песочком мыли посуду.

Баня всегда была натоплена. Мой зять Саша не любил, чтобы в доме было грязно. Я к вечеру мыла полы. Вода была в огороде и в бане. Я детей заставляла мыть ноги перед сном. Им казалось это наказанием! В поощрение я водила их на остров кататься на каруселях, зимой — в кино. Дети это помнят, и мне приятно.

Говорят, что я была самой строгой тётёй, но из большой нашей родни самой любимой. Остальных они не помнят. Помнят вкусные обеды. Вместе всегда веселей, как поётся в песне.

28 сентября 2014

КЛУБ «ЗЕЛЁНЫЙ ОГОНЁК»

Вот и прошёл ещё один год наших встреч в этой библиотеке. Мы пополнили свои знания, выпустили свои книги.

Они лежат здесь на полках, на нашем стенде. Как приятно взять их в руки и полистать, а на досуге — почитать. Только из книг можно будет узнать, как жило наше поколение, о чём мечтало. Встречаясь с молодёжью, мне приятно слышать, что нас читают, а главное — что видят на страницах наши души, образы. Люди пишут о природе, о любви, о родном городе, посвящают стихи поэтам и писателям, которых с нами нет, а также друзьям. Только через книги мы можем оставить свой след на земле. Они, как упавшие семена, со временем прорастут и расскажут молодому поколению о нашей жизни.

10 сентября 2014

О ЛЮБВИ

Я со своей половинкой познакомилась в 1964 году, первого января.

Пришла к подружке Наде и познакомилась с её братом Виктором, который пришёл из армии.

Он был среднего роста, с голубыми глазами. Одет был в парадную форму пограничника со знаком отличия на груди.

Я сразу вспомнила слова из песни: «На нём защитная гимнастёрка, и яркий орден на груди...»

Через неделю, на седьмое января, он признался мне в любви. Назначили свадьбу на двадцать третье февраля. Но его мечте не суждено было сбыться. Родня была против такого скороспелого брака. Мы продолжали встречаться. Через полтора года мы сошлись без свадьбы. Об этом я написала в своей книге «Дочь репрессированного» и в стихах.

Я была полузрячей, а он попал под облучение. Прошло пять лет, и я решила родить ребёнка. Ребёнку он был рад. Перед знакомыми он хвастал, что он родил сына. У нас уже была своя «гостинка», обставленная мебелью, и он не зависел от родственников. Отгуляли новоселье и рождение сына.

Он по-прежнему исчезал на рыбалки, забываясь о своей семье. Рыбой мы кормили всю родню и знакомых. Через восемь лет мы получили двухкомнатную квартиру, в которой живём.

В 2015 году будет вот уже полста лет, как мы живём вместе и он меня любит.

СТИХИ ТРЁХ ПОКОЛЕНИЙ

Эдуард ЛЕВЕНЕЦ

1936—1991

Эдуард Николаевич Левенец родился в городе Хилók¹ Читинской области, бóльшую часть жизни посвятил авиации — военной и гражданской. Всю жизнь занимался разными видами творчества: писал стихи, занимался резьбой по дереву, живописью и техническим творчеством.

БАГУЛЬНИК

*Снова багульник окрестные горы
Нежно окрасил в сиреневый цвет,
Снова кукушка кукует у бора —
Словно и не было прожитых лет...
Снова в душе и тревожно, и звонко —
Словно просвет в беспокойной судьбе,
Словно опять улыбнулась девчонка
С русой косой из десятого «Б».
Снова, как в юности, манят дороги,
Словно опять выбираешь пути,
Снова, как в юности, чувство тревоги,
Снова желанье скорее идти.
Словно за той за цветущей горою
Сразу настанет безбрежный простор,
Словно над миром весенней порою
Звонкие струны ведут разговор.
Словно и не было в жизни ненастья,
Словно навеки упряталось зло,
Словно для всех долгожданное счастье
Это цветенье с собой принесло.
Снова закон обновленья природы
Дарит кому-то весенний рассвет!
Счастлив и тот, кого в зрелые годы
Чем-то волнует багульника цвет!*

Газета «Рабочая трибуна», 2 июня 1984

¹ Узловая станция на Транссибирской магистрали, районный центр.

НОВОГОДНЕЕ

*Не надо грустить, о былом вспоминая.
Что было — прошло. Не вернуть никогда.
Всё также течёт между сопок Блудная²,
К другим берегам убегает вода.*

*Не надо жалеть улетевшие годы,
С тоской вспоминать про бывшие пути.
Лишь можно однажды в стоячие воды
По мутному броду два раза войти.*

*Не надо жалеть пожелтевшие травы —
От осени нам никуда не уйти!
Меняются люди — меняются нравы,
К весне через зиму проходят пути.*

*И даже под звуки забытой мелодии,
Явившейся вдруг из далёкой весны,
Не надо грустить о былом половодье,
Не надо будить отшумевшие сны.*

*Не вечно метель за окном завывает...
Не надо жалеть улетающих лет,
Последний листок со стены отрывая...
Что было — прошло. Но оставило след.*

Газета «Рабочая трибуна», 1 января 1981

ЗАБАЙКАЛЬЦЫ

*На могилах — пробитые каски,
Это после — гранит и цемент...
Может быть, забайкальские краски
Они видели в этот момент.*

*Может быть, за секунду до смерти
Они видели как наяву
Быстрой речки Блудной круговерти,
Забайкальских небес синеву.*

² Река в Забайкальском крае России, левый приток Хилка́.

*Как по этому небу весною
Кучевые плывут облака.
И пропахшие тёплой сосною
Берега голубого Хилка...³*

*И на родине тёплые грозы
Над речною долиной шумят...
И жаркі — забайкальские розы —
Украшают знакомых девчат...*

*Может быть, за секунду до смерти
Они видели землю такой
И ушли по-геройски в бессмертье,
На ненужный им вечный покой...*

*Их могилы отсюда не близко,
У какой-то далёкой реки,
Но приносят цветы к обелискам
Благодарные им земляки.*

Газета «Рабочая трибуна», 7 мая 1981

РОДИНА

*Повзрослев и уйдя от опеки,
Мы легко покидаем свой дом,
Покидаем таёжные реки,
По полгода покрытые льдом.
Покидаем суровые зимы,
Ищем где-то вне срока тепла —
В кипарисовых зарослях Крыма
Или в нижнем течении Днепра.
Уезжаем... И нет нам покоя,
Гложет душу немая тоска
По крутым перекатам Чикоя⁴,
По таёжным распадам Хилка.
И везде — в голубых океанах,
У полярных заснеженных скал*

³ Хилók — река в Забайкалье, правый приток Селенги (бассейн озера Байкал).

⁴ Чикой — река в Забайкалье, правый приток Селенги.

*И в чужих экзотических странах —
Вспоминаем мы светлый Байкал.
И повсюду, в любых заграницах,
Те же звёзды сияют не так,
И не так полыхают зарницы,
Как в родных забайкальских хребтах.
А когда зацветают каштаны
В синеве черноморской весны,
Мы грустим о далёких туманах,
Видим мы забайкальские сны.
И как только находим причину,
Больше грусти своей не таё,
С неизбежностью блудного сына
Возвращаемся в эти края.*

Газета «Рабочая трибуна», 5 мая 1981

Анатолий ЛЕВЕНЕЦ

Лесосибирск

Анатолий Эдуардович Левенец родился, как и отец, в городе Хилок в 1964 году. Работает на Лесосибирском таможенном посту Красноярской таможни. Лауреат конкурсов короткого рассказа в 2013 и 2014 годах.

ЧЁРНЫЙ ОГОНЬ

*Старый колдун заклятье читает,
чёрную свечку он зажигает.
Чёрное пламя чёрной свечи
ты не заметишь в тёмной ночи...*

*Чёрный огонь, чёрный огонь —
явь или сон? Чёрный огонь...*

*Этот огонь никого не согреет.
Этот огонь сквозь пространство и время
чь-то всегда пожирает сердца.
Чёрный огонь души жжёт без конца.*

Мистических новых миров очертания
открыло магических слов сочетание.
Какие б ни выбрал теперь ты пути,
тебе от судьбы никуда не уйти...

Чёрный огонь, чёрный огонь —
муки и боль! Чёрный огонь...

Этот огонь нас с тобой не согреет.
Этот огонь сквозь пространство и время
наши с тобой пожирает сердца.
Чёрный огонь души жжёт без конца...

Чёрный огонь догорит в колдовской суете,
Лишь развеется пепел в ночной пустоте...

★★★

Ну вот, окончен маскарад,
и сброшены все маски.
Преобразилось всё вокруг,
как будто в дивной сказке...
Поверьте, грузья,
что было чему удивиться,
Когда открылись миру
истинные лица...
Увы, паяцем оказался
тихий скромник,
Всего лишь рядовым —
лихой полковник...
Шут короля
умело так изображал —
Должно быть,
им себя воображал...
Такие речи говорил
и пышно, и фривольно
И улыбался
сам себе самодовольно...
Что шут — шут с ним,
таков он есть,
Но как придворные
роняли честь!..

И распевали дифирамбы,
и низко растилялись ниц...
Немудрено — под масками
не оказалось лиц.
Но лицемеры
новые примерят лица,
Другому стоит лишь
кумиру появиться.
А сам король
бродил среди народа.
И не считал
народ он сбродом.
Он веселился,
черпал пиво кружкой
И танцевал
с простой пастушкой...
Но вот заметил он:
в беседке рядом
Сидели трое
в стороне от маскарада.
То были музыкант,
художник и поэт.
Они не танцевали
вальс иль менуэт...
Текла беседа там,
иль спор кипел там жаркий...
Сидели, пили чай,
а иногда вино из чарки...
В обличии своём они,
не в гриме.
Лишь не было
актёра с ними.
Актёр, как воин на параде, —
В своей стихии
был на маскараде...
Но тоже был безумно рад,
что в мир вернулись краски
И что окончен маскарад
и сорваны все маски!

★ ★ ★

Не повторяйте мне любви заветы,
Их помню я, как «Отче наш».
Исчезнут прежних дней сюжеты,
Растаяв в дымке, как мираж...

Пусть грядущие дни — как в тумане,
Но, любовь сохраняя, как прежде,
Не пробреду в бреду воспоминаний.
Замёрзнув у огня несбывшейся надежды...

Не зовите вы прошлого призрак,
У зеркал вы не жгите свечи.
Как судьба ни была бы капризна —
Есть на свете от счастья ключи...

Не подливайте мне в бокал разлуки,
В них яг утраченной любви...
Уйдут из сердца боль и муки,
И жизнь воскликнет: «Вновь живи!»

Уходите же, чёрные тени,
Раз пришли ко мне светлые сны.
Я не встал пред судьбой на колени,
А дождался цветущей весны...

Так повторяйте ж мне любви заветы,
Хоть помню их я все как есть.
Для рыцаря и для поэта
Важней всего любовь и честь.

★ ★ ★

В полночь неразгаданная тайна,
Соскользнув со звёздной шири,
Скажет нам, что осень золотая
Снова разлилась в Сибири!..

Но не ищи тоску в поре осенней,
Впусти же в свою душу красоту —
Крик журавлей под неба сенью,
Багряную и жёлтую листву...

Ольга ЛЕВЕНЕЦ

Лесосибирск

Ольга Анатольевна Левенец родилась в Лесосибирске в 1996 году. Студентка первого курса ЛПИ(ф) СФУ. Свои стихи публикует с шестого класса средней школы. Участвовала в различных литературных конкурсах, отмечена дипломами разных степеней.

СОНАТА

*Я не забуду даже в горе
Твоё промокшее пальто,
Сонату грусти в фа-миноре,
Звук проезжающих авто...*

*Всё это, может, всколыхнётся
В усталой памяти моей,
И океан тоски прольётся,
И вскрикнет стая журавлей...*

*Потом опять — приёмы, встречи
И лица разные вокруг,
Трещат, искрятся, гаснут свечи...
Но звуки все утихнут вдруг...*

*И, пробегая мимо дома
Давно уже не твоего,
Печалью льётся в грудь истома,
Как будто горькое вино...*

*И в этих ставнях воеет ветер,
Как будто плакальщиц ряды.
Когда-нибудь он мне ответит
За то, что вдруг исчезнешь ты!*

*И я вернусь домой в печали,
И до утра не буду спать...
Но журавли ведь мне кричали,
Что возвратишься ты опять...*

*И через годы иль столетья,
Всё так же прячась от дождя,*

Услышу музыки соцветья,
Дыханье робко затая...

Ударив клавиши рояля,
Впустив улыбку на уста,
Сонату нашу заиграли
Твои умелые перста...

И я войду в твоё жилище
Тихонько, как в те времена,
Когда дышал ты еле слышно,
Играя только для меня...

Я встану за твоей спиной,
На плечи руки положу
И крикну молча, но душою,
Как я тобою дорожу!

И вновь вокруг погаснут свечи,
Дымок пуская в темноту...
И музыка в один лишь вечер
Навек заполнит пустоту...

Я не забуду даже в горе
Твоё прекрасное лицо,
Сонату счастья в ре-мажоре,
Не ставшую для нас концом...

К САМДИ

Отчаянно, по-ночному, щебечут птицы,
Закат догорает за волнами в горизонте...
Вы знаете, милый Барон, мне сейчас не спится.
Всё так же о крыльях мечтаю и о полёте...

На улице карнавал, пряный запах рома,
Что перцем приправлен изогнутым, красным, жгучим...
Там чувствуют Вас, мой Барон, только я сижу дома.
Меня не пускают туда веселиться в душе моей тучи.

Ну всё, я готова, на небе я вижу нити...
И россыпи звёзд, что мерцают, прельщая жаром...

*Туда Вы меня, мой Барон, сейчас заберите,
Я руку подам... Да и душу отдам Вам... Даром...*

*Барон, мне так страшно, скажите хотя бы слово!
Под маскою Смерти скрываете все секреты.
Смотрите со мною, как падает солнце за волны...
Тихонько шепчите все тайны и все ответы...*

Мой милый Барон, говорю вам за крылья спасибо...

★ ★ ★

*Помолись о дожде,
Говорящая с Богом.
Хоть не слышишь его —
Всё равно помолись...
Но колышутся волны,
Внушая тревогу,
Да и жрицы давно
Все с колен поднялись.
Помолись о дожде,
Говорящая с Богом,
Ведь за столько времён
Нет ни капли одной...
И измучен народ
Жаждой алчной и строгой,
Словно пёс на цепи,
В небо смотрит и ждёт.
Но молчат небеса,
Синью дней обжигая,
И белеет песок,
Ослепляя глаза.
Дождь не вызовешь ты
(Лучше всех это знаешь),
Но Царицей Дождя
Скоро станешь сама...*

ПРИСТАНЬ

ДЕБЮТАНТОВ

Наталья ГАНДРИХ

Красноярск

Родилась на Сахалине, детство и юность прошли в Южной Якутии, в городе угольщиков Нерюнгри. В 1998 году окончила Восточно-Сибирский государственный технологический университет по специальности «Бухгалтерский учёт». С 1999 года работает бухгалтером. Заниматься творчеством начала ещё в школе, в 12 лет.

И, ТАЙНЫЕ ЖЕЛАНЬЯ РАЗГАДАВ...

★★★

*Я рисовала жизнь рукою неумелой,
И кистью там была моя гуша.
Была художником я робким и несмелым,
Картину я писала не спеша.*

*А жизнь вперёд бежала, мчалась быстро,
И кисть души грожала на холсте.
Хотела быть я искренней и чистой,
Но краски выбирала всё не те.*

*Пейзаж мой получился очень грустным,
Всегда на нём суровая зима.
Я отдала картине столько чувства,
А получила «горе от ума».*

*Нельзя её ни выкинуть, ни спрятать.
Картина жизни, ты со мной всегда,
И даже если слёзы начнут капать,
Пейзаж уже не смоешь никогда.*

*Хотела быть решительной и смелой,
Решила натюрморт нарисовать,
А сердца кисть мне подсказала верно:
«Другие краски надо выбирать».*

★★★

*Я ухожу в пустыню, в темноту,
Туда, где ветер, дождь и слякоть,
Где берегут людскую доброту,
Где можно откровенно просто плакать.*

*Где, обретя свободу и вкусив
Плода запретного устами во крови,
Сумеешь, сможешь жизнью жить —
Не в белом саване, но и не в пыли.
Загадкой нежданною в пути
Сплестись однажды, обретя друг друга,
И перепутьем жизненным пройти,
Не уставая от сует мирского круга.
И, тайные желанья разгадав,
Не прячась, не стыдясь своих страданий,
Забиться в затяжных седых дождях
И отрешиться от гурных воспоминаний.*

*СМС-письмо тебе писала
Лёжа, под унылый стук колёс,
И рука моя опять грожала,
И меня куда-то поезд нёс.*

*Пролетали быстро километры,
Продолжала я тебе писать.
За вагоном гули злые ветры,
На полях лежала снега гладь.*

*А в ушах звучал Таривердиев,
Разливая нежности букет.
СМС-письмо я выводила,
В поцелуях жизни твой портрет.*

*Я тебе писала, точно зная:
Это безысходности письмо.
Сердце, от тоски изнемогая,
Больше не хотело ничего.*

*И под стук колёс в вагоне белом,
Вспоминая карие глаза,
Я хотела СМС-письмо отправить,
Но отправила к отцу на небеса.*

*Он там прочитает и рассудит
Глупых наших помыслов букет.
Он же папа, он меня так любит
И отправит мне сюда ответ.*

Лидия ДЬЯКОВА

Красноярск

Родилась в Амурской области. После окончания Благовещенского пединститута преподавала русский язык и литературу в школе. С 1971 года живёт в Красноярске. До 2006 года работала в детской библиотеке им. С. Я. Маршака.

ВСТАЛИ В РЯД ВОСПОМИНАНИЯ

★★★

*Летят мои мысли сквозь годы и гали
туда, где не помнят меня и не жгут.
Мы где и когда в этой жизни встречались?
Взглянут безразлично и мимо пройдут.
Но я не в обиде.
Мне лишь интересно:
ну как же живут они все без меня?
И где в этом мире, огромном и тесном,
живёт мне неведомая родня?*

★★★

*Прилетела бабочка из прошлого,
тихо опустилась на плечо.
И шепнула: «Вспоминай хорошее.
Вспомни, как влюбилась горячо».
Ты накрыл ту бабочку ладонью,
нежно подержал и отпустил.
Друг о друге мы давно не помним.
Только этот чудный миг, он был...
он был...*

★★★

*Встали в ряд воспоминания
и помчались что есть мочи.
Боже, что за наказание —
вдруг проснуться среди ночи!*

*Вновь листать страницы прошлого,
сожалея и не очень...
Вот плохие, вот хорошие,
вот любимые, вот прочие.
Вы простите...
вас прощаю...
Стоп! Долой круговорот!
Засыпай уж! Засыпай уж!
Утром дел невпроворот.*

★★★

*Уж эти детишки — лукавые глазки!
Им папа — для игр,
им мама — для сказки.
Бабуля — с ватрушкой,
дедуля — с конфетой.
Пусть длится и длится
для них счастье это.*

★★★

*Негосказанные слова,
незаконченные дела
о себе вдруг напомнят укором
из какой-то далёкой гали.
Ну простите, была не права!
Ну простите, что не смогла
досказать, завершить —
и так далее...*

★★★

*В тишине ночной часики: тик-так.
Кажется, что где-то капает вода.
Вот вначале время — быстрый ручеёк.
Вот — неукротимый горных рек поток.
Разливалось озером.
Вверх взлетал фонтан.
Собралось в огромный океан.*

Антонина ПЕРМЯКОВА

Красноярск

Родилась 20 ноября 1929 года в деревне Линёво Ужурского района Красноярского края. В 1948 году окончила три курса Абаканского педагогического училища и поступила на работу в топографический отряд геологоразведочной партии, занимавшейся разведкой нефелинового месторождения Андрюшкина Речка. Затем трудилась пробщиком Ужурской ПРП «Сибцветметразведка» МВД СССР. В 1967 году перевелась в Красноярск и поступила в комплексную тематическую экспедицию КГУ, работала техником-геологом, геологом в геолого-экологической и геохимической партиях. В 1965 году избиралась депутатом Горячегогорского поселкового совета.

ГОРЫ

*Пройдено много троп и дорожек,
Разведано немало полезных руд.
И были для нас всего дороже
Похвала и награда за честный труд.*

*Теперь из окна я смотрю на Саяны,
Отроги которых почти под окном.
Над ними туман курит постоянно,
А зима укрывает их словно ковром.*

1989

СУДЬБА

*Ты распахни свою дверь пошире
И впусти на порог судьбу.
Она искала тебя в этом мире,
Она пришла через всю войну.
Не стесняйся, поплачь вместе с нею,
Горе, радость, любовь раздели.
Рядом с ней ты сердце согреешь
И уснёшь у неё на груди.
Через многие годы ты скажешь:
«Спасибо, Бог, Тебе за судьбу».
Ты одной нас верёвочкой свяжешь,
Я её никогда не порву.
Не суди ты о ней так строго,
Что такая судьба пришла.*

*Ведь судьба — не прямая дорожка,
И она не с небес сошла.*

2002

ПРОСЬБА

*Вспоминай меня, вспоминай!
Вспоминай ушедший наш май.
Вот и травы в стога залегли,
А мы встретиться не смогли.
Вспоминай меня, вспоминай!
Белый снег под ногами сминай.
И тропинку ко мне протопчи,
И на ней помечтай, помолчи.
Вспоминай иногда, вспоминай!
Пожалей или поругай.
Хоть подарком я не была,
Но была я тебе всё ж мила.*

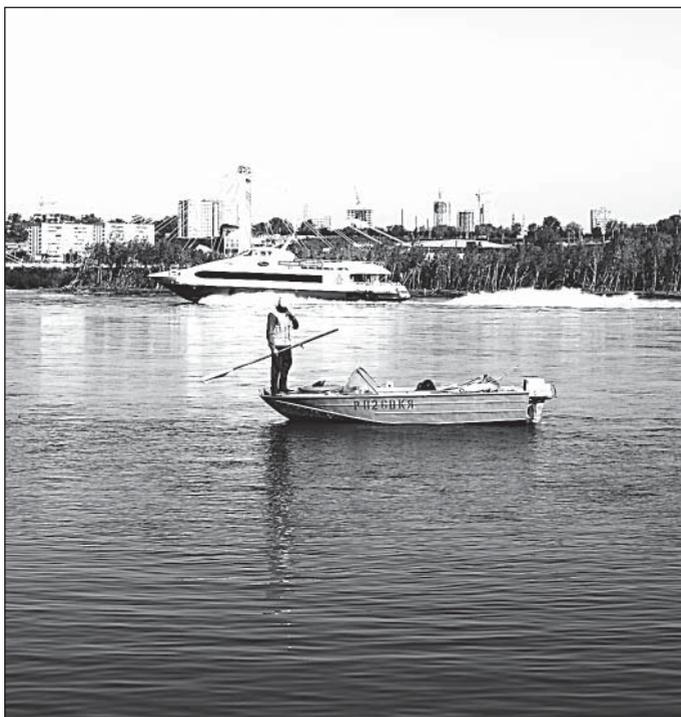
1969

ДРУЗЬЯМ-ГЕОЛОГАМ

*Мы те же птицы, только отлетали.
Теперь отдыхаем на грешной земле,
Но гордость — наши ордена и медали,
Значит, честно трудились на благо стране.
Открыли немало цветных металлов,
Уголь, нефть и стройматериал.
Хотя нелегко всё это давалось,
На голод и холод никто не роптал.
На долю досталось трудное время —
Война. Стране срочно был нужен металл.
И, взвалив на себя это тяжкое бремя,
Трудно стране, каждый из нас понимал.
А после войны — та же забота,
Нужен снова металл и стройматериал.
И снова геологи — в путь: это их работа —
Искать, искать то, чего не терял.*

1992

ОСТРОВ ПУБЛИЦИСТОВ

ОЧЕРК. ПУБЛИЦИСТИКА

В. П. АСТАФЬЕВ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ ЖИЗНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Когда писатель живёт, то он как бы сам себе мешает и портит отношения со множеством людей, несогласных с его видением большого мира и его отдельных маленьких людей. После смерти писателя на первых порах царит растерянность: как мы теперь без него? И даже несогласие с потерей: он не должен был умирать! Потом боль утраты утихает, и наступает некое общее единодушие: о покойниках плохо не говорят, простим ему его грехи, мы и сами греховны и виноваты перед ним.

Такие вот чувства, похоже, мы испытали после смерти В. П. Астафьева и переосмысливаем сами себя, отмечая 90-летие со дня его рождения (1924 – 2014). В холодном ноябре и в первых числах декабря 2001 года было огромное количество соболезнований-откликов на смерть писателя. Телеграммы от бывших президентов-соперников М. Горбачёва и Б. Ельцина, от начавшего править Россией В. Путина, горестные отклики других политических деятелей, газетные заметки и высказывания писателей, журналистов, литературных критиков и деятелей искусства, чистосердечные признания в любви к писателю читателей-почитателей, в том числе из-за рубежа. Общая тональность всех сожалений: умер великий писатель земли русской, проповедник Правды и Совести, мужественный солдат Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов и современной литературы. Но была не только «стена плача», но и «стена умолчания». На смерть писателя не откликнулись и не приехали на его похороны руководители Союза писателей России, а также такие выдающиеся писатели общего поколения, как Юрий Бондарев и Валентин Распутин. Основная причина — духовно-нравственный раскол во взглядах между В. П. Астафьевым и его «оппозицией». Схлестнулись мировоззренческие оценки прошлого в истории государства Российского, особенно его советского периода. Вспоминаются строчки замечательного «серебряного» поэта с философским настроем Валерия Брюсова: «Как хорошо о прошлом мыслить, как сладко плакать в настоящем».

По истечении более двадцати лет после распада СССР и более двенадцати лет после ухода из жизни В. П. Астафьева наше национальное бытие перевернулось несколько раз: от выхода России из империи, ею созданной, до недавнего воссоединения

Крыма с общероссийским Отечеством. За прошедшие годы в стане интеллигенции «левые поправили», а «правые полевели», но для первых и вторых чужд, неприемлем западный либерализм, особенного местечкового толка. Все сошлись на вопросе «Как нам обустроить Россию?». Автор вопрошания и своеобразного манифеста А. И. Солженицын, навестивший В. П. Астафьева после возвращения из эмиграции, имевший трёхчасовую беседу в Овсянке с собратом по перу, отказался от правительственной награды из рук президента Б. Ельцина. То же самое сделал Ю. Бондарев при В. В. Путине. Валентин Распутин, кажется, к своему 70-летию со дня рождения, награду взял. Он же — Герой Социалистического Труда. Это наивысшее трудовое отличие В. Г. Распутин получил раньше, чем В. П. Астафьев, что вызвало в «нашем» писателе чувство ревности, потому что он и старше по возрасту, и писатель-фронтовик, и книг у него было больше. В. П. Астафьев стал Героем Социалистического Труда после приезда в Красноярск, чему, в первую очередь, способствовал Красноярский крайком КПСС, а я работал в нём и принимал участие в обустройстве писателя на родной земле. Мы выполнили одно его требование — освободить А. И. Чмыхало от руководства Красноярской писательской организацией, длившегося тринадцать лет. Я впервые публично сообщаю о том, что «большой правитель» с громким голосом сильно переживал, нервничал и, возбуждённый, грозил даже «покончить жизнь самоубийством, застрелиться под ёлками крайкома партии», где он поджидал меня по утрам и заходил вместе со мной в крайком, чтобы обсудить ситуацию. Мне горько писать об этом, я уважаю всех писателей, знаю их психологию, и у меня были хорошие отношения с А. И. Чмыхало. Он придал писательской организации высокий общественный статус, заботился вместе с книжным издательством об издании книг профессиональных писателей и их общего альманаха «Енисей». Но время шло, писательская организация выросла и очень хотела возвращения В. П. Астафьева в Красноярск. Именно с учётом мнений большинства членов организации крайком партии и пошёл на замену А. И. Чмыхало на руководящем посту писателем Н. И. Волокитиным, вернувшимся по нашей просьбе из Томска в Красноярск, что не понравилось Е. К. Лигачёву, тогдашнему первому секретарю Томского крайкома КПСС. Кстати, он проявлял добрую заботу об интеллигенции, о её бытовом благополучии. Потом прославился выражениями «Борис, ты не прав» и «чертовски хочется работать», но Горбачёв отбил такое желание.

В. П. Астафьев

Я пишу об этом, чтобы напомнить о том, как противоречиво переплелись человеческие отношения (политические, гражданские, творческие) в конце прошлого столетия, как история обострила проблему «писатель и власть», «человек и государство». Как все запутались и стали обвинять

друг друга во всех смертных грехах на «развалинах перестройки», полетевшей без «адреса посадки», по словам Юрия Бондарева, в лоб Михаилу Горбачёву. А В. П. Астафьев имел с «архитектором развалин» встречу и полуторачасовую беседу в Кремле, пожелал нелегитимному президенту СССР: «Да поможет вам Бог». На что тот ответил: «А больше и помочь-то некому». Вот момент истины: писатель всё-таки желает правителю Божьей помощи, а у него нет в стране никакой опоры. В неожиданном признании — правда «катастрофы»! «Прокляты и убиты» все те, кто воевал с фашизмом, а разрушитель Берлинской стены удостоен звания «лучший немец года» и бюста на родине гитлеризма. «Лучшие немцы» заскочили сегодня на Украину, не так уж и далеко от родины М. С. Горбачёва, осуждающего В. В. Путина за «авторитарность».

М. С. Горбачёву, очевидно, снова хочется немецкой оккупации, в которой он провёл первые детские годы.

Что бы сказал в нынешнее время В. П. Астафьев о «лучших немцах» и бандеровцах, открыто призывающих убивать, вешать, резать москалей, кацапов, всех русских? Его роман «Прокляты и убиты» и все повести о войне, значит, им не пошли впрок, ничему не научили.

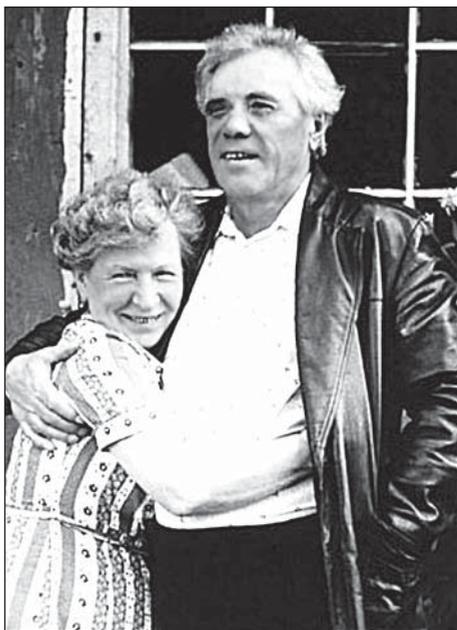
Почему Виктор Петрович Астафьев не стал лауреатом Нобелевской премии? Недавно на восемьдесят восьмом году жизни умер колумбийский писатель, лауреат самой престижной премии Габриель Гарсиа Маркес, родившийся позже В. П. Астафьева, но они как писатели фактически современники. Колумбиец участвовал в 1957 году в Международном фестивале молодёжи и студентов в Москве, был начинающим писателем, от напылява желающих получить от него автограф в то время ещё не изнемогал.

А В. П. Астафьев в 1958 году вступил в члены Союза писателей СССР. Роман Маркеса «Сто лет одиночества» вышел в 1967 году, получил всемирную известность и славу, нобелевскую отметку. Роман Астафьева «Прокляты и убиты» издан после 1993 года. Разница во времени выхода двух великих произведений — двадцать шесть лет. История литературы не дала в этом промежутке времени более выдающихся произведений, чем романы Маркеса и Астафьева. Сравните с ними роман Б. Пастернака «Доктор Живаго», тоже лауреата Нобелевской премии. Как несоизмеримы художественные величины двух первых романов и литературная усреднённость третьего из названных авторов. Где же справедливость? Очевидно, она избирательна и конъюнктурна.

Осмелюсь заявить, что «Сто лет одиночества» и «Прокляты и убиты» — родственные романы по глубине постижения перипетий истории и пластов народного сознания, человеческих страданий. Гарсиа Маркес стремился, по его словам, «вернуть действительность наизнанку, чтобы разглядеть, какова она с обратной стороны». Его роман замешан на фольклоре, на смеховой культуре латиноамериканцев, воевавших за свободу от колониального гнёта.

Чилийский писатель Пабло Неруда, оценивая Гарсиа Маркеса, отметил в его творчестве «небывалое извержение: земляная его фантазия породила много бессмертных, перепачканных грязью и лавой людей из плоти и крови».

Фактически все книги В. П. Астафьева представляют нам людей «из плоти и крови» на нашей национальной русской почве. В сочинениях русско-

В. П. Астафьев и
М. С. Корякина-Астафьева

го писателя тоже извергается смеховая культура, но тяжелее по характеру — в силу славянской ментальности. Смех становится обличительным, порой переходит в «ожесточение», в «злобцу», на что указывали В. П. Астафьеву и пронизательный критик Валентин Курбатов, и гуманный Юрий Бондарев. Любимый В. П. Астафьевым малоросс Николай Гоголь обсмеял всю Россию, но получилось у него как-то невесело. И А. С. Пушкин, ознакомившись с «Мёртвыми душами», заметил: «Какая грустная страна Россия». Во втором томе «мертвенного» сочинения, брошенного в огонь, как знать, писатель пытался выправить «грустное положение», но сам сломался и странно умер.

Не умаляя таланта Гарсиа Маркеса, мы бы поставили роман «Прокляты и убиты» в разряд выше «нобелевских» сочинений. Виктор Астафьев на опыте Второй мировой войны показал изнанку всего человечества, смертью смерть поправ. Это не пацифизм, не космополитизм, это чудовищная боль, великое страдание за людей. В качестве эпиграфа к первой части романа «Прокляты и убиты» («Чёртова яма») он взял слова апостола Павла: «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом».

Христос перед воскрешением был распят на кресте и понёс муки за людей: «Он голову склонил покорно. Челом поник. И отошёл». И обратился к Богу со словами: «Зачем ты меня оставил?..» Ф. М. Достоевский сказал: «Не знаю ничего лучше личности Христа». Все мы пытаемся спастись, молясь в единстве Святой Троицы.

Наряду со многими искренними признаниями, В. П. Астафьев, вспоминая об охоте, говорил и такое: «Не могу видеть много крови». Поэтому охотился в основном на боровую дичь, на пернатых. У них мало крови, и в перьях убитой птицы не так она заметна. По его же признанию, он лет пять после войны смотрел равнодушно на покойников, когда кого-то хоронили. Так окопная, полевая война притупляла сознание, убивала человеческие чувства — милость и сострадание. Писатель сам пострадал, имел ранения, лишился правого глаза, после войны на охоте стрелял с левого плеча и этого стеснялся. Какого же труда стоило ему писать романы, повести и рассказы с ослабленным зрением, с большим впоследствии сердцем?!

Писатель поправлял своё здоровье в родной русской природе, любя лес, озёра и речки. Как много проникновенных слов посвящено им тайге, могучему Енисею, рассветам и закатам. В описании природы он стал поэтом и глубинным «де-

ревенщиком», что не дано писателям с асфальта. Он неотделим от природы, от её нутряной стихии, от любви ко всему живому. В лучших своих произведениях он, обращаясь к природе, ставит вечные вопросы:

«Всё течёт, всё меняется — так свидетельствует седая мудрость. Так было. Так есть. Так будет... Время плакать и время смеяться. Время молчать и время говорить. Время любить и время ненавидеть. Время войне и время миру.

Так что же я ищущу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем? Нет мне ответа» (из повести «Царь-рыба»).

Почти как у Гоголя: «Русь, дай ответ. Не даёт ответа».

Житейские ответы, конечно, есть, но они умозрительные, суточные, писатель призван вопрошать к Вечности, к Пространству и Времени. Количество «вечных вопросов» в творчестве В. П. Астафьева возросло, как считают некоторые исследователи, во второй половине его жизненного пути, начиная с 70-х годов прошлого столетия. Духовное вопрошание волей-неволей приводит писателя к полемике с другими творцами и с обществом, к задору и категоричности в суждениях, к публичному мудрствованию, к роли пророка в своём Отечестве, хотя сие часто отрицается. Пророческие размышления снижают уровень художественности, усиливается публицистичность высказываний. Все великие писатели по зрелости творчества выходили на рубежи «задиранья мира», вступали в дискуссию и в опровержение вождей политической элиты, стремясь превзойти их. Так начиналась смута в умах и растерянность в чувствах и поступках, организация идейных баррикад. К примеру, Лев Толстой, «второй царь в России», носил на груди вместо натального православного крестика медальон с портретным изображением французского просветителя Ж.-Ж. Руссо. Это ли не вызов православию и самодержавию?!

Писатели-деревенщики прошлого столетия сделали много вызовов советской власти, но принимали все её награды и большие гонорары. Как выразился один диссидент: «Мы боролись с советской властью за счёт её средств». Результат известен: не стало советской власти и больших гонораров от неё.

В. В. Путин восстановил статус Героев Социалистического Труда, и теперь те, кто имеет это звание, получают персональную пенсию. В. П. Астафьев не дожил до нынешнего правления В. В. Путина, сказавшего: «Россия — это судьба!» Из этой Судьбы не изъять В. П. Астафьева. Он — плоть и кровь её истории. Он — зеркало русской революции второй половины XX века. Писатель попытался встать над миром, над страной, над литературным со-

обществом, но дальше своего народа никуда не ушёл. Он лежит в земле, принадлежащей пассивному русскому роду, способному на мировые подвиги и бескорыстие, на любовь по призванию и на ненависть, когда вынуждают.

Мне хочется завершить эти заметки словами другого великого писателя-сибиряка Валентина Распутина, обращёнными к Марии Семёновне Корякиной-Астафьевой 28 декабря 2001 года: «Примите и мою вину тоже — в том, что было между нами, русскими людьми, в том числе между мною и Виктором Петровичем, в последние годы. Но я стал бы лукавить в своём покаянии, если бы отнёс эту вину только к себе. Или к Виктору Петровичу. „Все виноваты, все виноваты, и если бы все это понимали“, — кажется, что-то есть в этом роде у Достоевского. Вся Россия разошлась в непонимании. И характера нашего, к несчастью, не хватило, чтобы быть добрее друг к другу. Это уж я говорю не о всех, потому что всеми своё личное не прикрыть. И собственные грехи отмаливать каждому из нас придётся поодиночке». Вспомним также глубоко трагичные слова Виктора Петровича в завещании: «...Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощание». Таким образом, он не принял перед смертью «новый мир», почувствовал себя в нём уже не пророком, а даже отверженным. Его стали чернить те, кто поднимал его на щит в перестройку. Но истинная любовь народа к своему кровному писателю сохранит его имя и его литературное наследие. Русский писатель Виктор Петрович Астафьев ещё полностью не прочитан, не оценён, и его роман «Прокляты и убиты» не убьёт самого себя и его создателя.

Об авторе:

Владимир ЗАМЫШЛЯЕВ — член Союза писателей и Союза журналистов России, заслуженный деятель культуры Российской Федерации, профессор Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнёва, кандидат философских наук, лауреат премии Главы города Красноярск и Профессорского собрания Красноярского края за заслуги в области науки и образования за 2012 год.

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА

Литературный институт
им. А.М.Горького

Рубрику ведёт Г. Н. Яковлева, помощник ректора Литературного института имени А. М. Горького, член Союза российских писателей

Галина ЯКОВЛЕВА,
Москва

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Другие материалы из истории Литературного института — в №№ 1–3/2014 «Нового Енисейского литератора».

В годы Великой Отечественной войны Литературный институт продолжал учебную деятельность по очной и заочной формам обучения, велась активная переписка со студентами, находившимися в действующей армии, осуществлялась издательская деятельность. Так, в 1943 году первомайским подарком фронтовикам стал поэтический сборник «Друзьям».

В стенах Литинститута был размещён истребительный батальон по уничтожению диверсантов, на территории находился пороховой погреб. После занятий студенты принимали участие в оборонных работах. Осуществлялась тесная связь с Филатовским госпиталем.

Как участники обороны Москвы были отмечены следующие сотрудники института: Гавриил Сергеевич Федосеев, директор (1941–43), Василий Семёнович Сидорин, директор (1947–49), Сергей Константинович Шамбинаго, Слава Владимировна Щирина, Лев Николаевич Галицкий. Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» были награждены Александр Александрович Реформатский, Иван Александрович Львов-Иванов, Александр Леонидович Слонимский, Леонид Иванович Тимофеев.

Тридцать семь студентов погибли, защищая свою Родину.

Наиболее ярко события тех лет воссоздаются из воспоминаний, писем и дневниковых записей. Вот как фиксирует происходящие события в своём военном дневнике Александр Яшин

(студент вечернего отделения с 1936 по 1941 год, аттестат об окончании вуза был получен в мае 1942 года).

1941 год, 22 июня. Москва. День нападения Германии на Советский Союз. *«Занятия не получились. Я позвонил в ССП. Там митинг с трёх часов. Хорошо выступали Уткин и Вишневский, В. Брендель (на немецком языке)... Вишневский начал: русские уже дважды были в Берлине, немцы никогда не были в Москве и не будут. Потом я с группой поэтов был у Храпченко — нужны песни. Далее в Союзе композиторов прослушивали музыку песен, к которым нужно дать новые, свежие тексты. В Москве спокойно, только очереди в магазинах сразу. Очереди в сберкассы. Обидно смотреть. Надо приготовиться ко всему. Я всё ещё нахожусь под обаянием «Войны и мира» Толстого... Решил быть на войне, всё видеть, во всём участвовать. Сейчас будет делаться новая история мира, и тут бояться за свою жизнь стыдно...»*

28 июня. *«Утром хотел дописать стихотворение. Но срочно вызвали в институт. Ходили в РК ВКП(б): решением ЦК ВКП(б) проводится мобилизация коммунистов на фронт. Берут пока только бывавших в армии, обученных. У нас взяли Артёмова, Ярополка Семёнова, Евдокимова, Хайкина. Я ещё не нужен...»*

Этот дневник является ценным документальным свидетельством военной поры, из него мы узнаём все основные изменения, происходящие в Москве, на фронте, в стенах учебного заведения. Так, 2 июля в институте прошло собрание, на котором обсуждалось создание народного ополчения из людей, не годных для

фронта, и формирования истребительных батальонов по уничтожению диверсантов. Дневниковая запись от 12 июля фиксирует: *«В институте размещён истребительный батальон. Много наших ребят... Всюду полосатые мешочки с песком. Вход в институт для студентов через дверь Литфонда...»*

14 июля. *«...В Москве всё более становится заметно, что страна ведёт войну.»*

На днях вводятся прогдовольственные карточки... в институте — истребители, и у обоих ворот часовые — штыки кинжальные».

Анатолий Медников, написавший об истребительном батальоне повесть «Дом Герцена», в своих воспоминаниях отмечает, что уже в предвоенные годы в институте установилась отличная нравственная, гражданственно-психологическая атмосфера, которая во многом формировала души юношей сороковых годов в самый канун Великой Отечественной войны. *«И не случайно,— пишет он,— что в первые же дни военных испытаний добровольцами в роту истребительного батальона, которая и размещалась на третьем этаже теперешнего здания института, записались многие наши студенты. Я помню состав своего отделения. Вначале я шагал в строю за командиром Сергеем Наровчатовым, пока его не назначили комсоргом батальона, и отделение принял я. На меня, правофлангового, равнялись бойцы: Всеволод Розанов и Георгий Ломигзе, Фёдор Траубе и Николай Котляревский, Борис Лебский и Павел Шагур. Это в глубину шеренги, а рядом шагал командир отделения Михаил Луконин, помкомвзвода Платон Воронько, бойцы Сергей Сергеевич Смирнов, Анатолий Ференчук и другие...»* После истребительного батальона бойцы студенческого взвода воевали на разных фронтах, в разных должностях, командных и журналистских.

«Алексей Негогонов и Михаил Луконин воюют уже вторую войну и начали свой военный путь бойцами-добровольцами ещё в финскую кампанию,— пишет в «Письмах о стихах» Константин Симонов.— Оба они прошли путь от рядового бойца до офицера, политработника, армейского газетчика. Всё это время они оба писали стихи. Иногда собирали их по несколько и присылали мне в письмах. На стихах стояли разные даты и места: Россошь, Богучар, Воронеж, Сталинград. Сначала названия городов и деревень под стихами двигались с запада на восток. Потом, с наступлением армии, движение их переменялось. Одно из последних писем я получил из Румынии. Это значило, что молодые писатели прожили войну вместе с армией, с ней переживали тяготы отступления, с ней научились великому умению „выстоять“, с ней заодно узнали ни с чем не сравнимое счастье наступать...»

...Война вошла в их жизнь, они не только пошли на неё добровольно, не только участвовали в ней, но и много думали над тем, что делает с душой человека война. И они правильно поняли, что

для молодого человека, который хочет стать писателем, участие в защите своей родины есть прямая душевная необходимость...

Михаил Луконин хорошо сказал об этом в простых словах, заканчивающих одно из его стихотворений:

...лучше прийти
с пустым рукавом,
чем с пустой душой...

«В военных отделах райкомов постоянно толпы народа»,— отмечает А. Яшин в дневнике.

Запись от 15 июля: «Сегодня вызвали в военкомат, сегодня же и выезжаю в город Кронштадт».

23 августа. «Я — солдат. О том, что „поэта беречь надо“, и в голову, видно, никому не приходит... Под Кингисеппом погиб почти весь наш комсостав... Образ Дениса Давыдова передо мною. Вот кому надо подражать. Буду думать о нём, о Лермонтове и надеяться на свою изворотливость и хладнокровие в бою. Ненавижу наших поэтических мальчиков, которые, сидя в тылу, пишут: «Я сам колол штыком...»

«На военных дорогах,— замечает Сергей Наровчатов,— мы нашли новых грузей, но они не оттеснили прежних, а встали рядом с ними». И порой вместе с ними прямо из фронтовых окопов приходили в учебные классы Литинститута, занятия в котором в военное время не прерывались. Отсюда уходили на фронт, сюда же возвращались после тяжёлых ранений. В те годы семинары в институте вели известные писатели: Константин Федин, Леонид Леонов, Константин Паустовский, Николай Асеев, Илья Сельвинский, Павел Антокольский, Леонид Тимофеев.

Учебный год в сорок первом во всех высших учебных заведениях страны начался 1 октября.

«Мы собрались в самой большой — пятой — аудитории Литинститута,— вспоминает Виктор Федотов.— Знали, что учёба ненадолго. Каждый из парней ждал часа, когда он уйдёт в армию. У девушек свои заботы. Нина Ходарковская после института спешила на курсы медсестёр. Женя Золотникова, как и Борис Куныев, часто вместо лекций пропадали где-то на оборонных работах. Литинститут жил событиями на фронте...

„Пусть профессор Шамбинаго читает лекцию в пятой аудитории, пусть институт продолжает жить своей обычной трудовой жизнью,— оправдывала пропуски занятий Женя Золотникова,— всё равно как-то невозможно сидеть спокойно

там, сейчас надо строить, помогать всеми силами на подступах к городу”.

Редкий день проходил без волнующих встреч с бывшими студентами. Огни заходили перед отправкой на фронт, другие — прямо из госпиталя. Да и нас, первокурсников, становилось всё меньше и меньше. Заглянул в ладно сшитом флотском обмундировании Александр Яшин. Впечатление такое, будто он всю жизнь носил офицерскую морскую форму. У него на руках было назначение в базовую газету в Прибалтику. Читал стихи. Среди них — хорошо сейчас известное „Шинель“... От встречи к встрече узнавали мы тех, кто учился до нас и теперь защищал Родину.

Памятным был общеинститутский митинг 15 октября. На нём выступил наш старший товарищ, студент Виктор Семёнов. Высокого роста. Русый. Прибыл он к нам после тяжелейших испытаний. Ехал на фронт, а попал в окружение. Затем плен. Бегство из плена. Рассказывал обо всём этом так, как будто, по словам одного из наших студентов, проехал на 41-м номере трамвая с Каляевской на Таганку.

После выхода из окружения, в октябре же, побывал в институте Борис Ямпольский. „Я видел женщин, прячущих оружие, — рассказывал он, — чтобы, когда настанет час, обратить его на головы врага”.

Прямо из госпиталя приехал в институт Владимир Александрович Радзиванович. Выпускник Литинститута, он был в первые месяцы войны нашим военруком. В октябре ушёл на фронт. Прошло совсем немного времени, а он уже майор, командир гвардейского кавалерийского полка. В его фронтовых впечатлениях сказывалась наблюдательность писателя. Говоря об одном ночном сражении, он заметил: «Фрицы скулят: „Русские воюют не по правилам. Ночью надо спать, а они ведут бой...”»

«...Мне повезло, — вспоминает Абдурахман Абсалямов, — со мной была целая группа товарищей из Литинститута. К этому времени меня перевели в редакцию фронтовой газеты «В бой за Родину». В начале марта 1944 года, после завершения боевых действий на своём участке, к нам в Карелию прибыл штаб Волховского фронта, и вместе с ним редакция фронтовой газеты. В её коллективе были бывшие воспитанники Литературного института М. Эдель, Б. Рунин, Н. Мельников и В. Розанов. Видел А. Чаковского и В. Курочкина. „Ну, кажется, полный филиал Литинститута!” — сказал тогда в шутку кто-то из нас. Шутка шуткой, а на войне мы проходили другой институт, ступенькой выше, — институт жизни, и это окончательно определило

творчество многих: тема войны, тема героизма советских людей стала для нас главной...»

«Мы все здесь стараемся, как можем, честно выполнять долг свой перед родной землёй, настоящая любовь к которой приходит, как я убедился, только на войне,— делает запись в своём дневнике А. Яшин 10 ноября 1941 года.— Многого мы раньше не понимали и не умели ценить, часто мелочи заслоняли от нас главное, и это главное сейчас стало для всех до слёз родным, близким, за что радостно идти в бой и не жалко отдать жизни своей. Великая любовь к родной земле... и великая ненависть к врагу рождается на войне...»

«Удивительное чувство эта любовь к Родине!.. — восклицает в письме с фронта к С. Щириной от 17 сентября 1941 года преподававший в институте крупный советский литературовед Александр Аникст.— Пошёл уже третий месяц с тех пор, как я, записавшись ополченцем, вступил в армию... Я простой рядовой боец. Уже почти забыл, что я доцент и кандидат наук. Но чувствую себя от этого не хуже, а лучше. Среди бойцов есть несколько моих бывших учеников (кстати, они и бывшие студенты Литинститута) — Карцев, Россель, Габинский. Всех нас связывает глубокое чувство любви к родине, за которую мы готовы проливать свою кровь...

И если я ещё вспоминаю о своей прежней специальности, то разве лишь для подходящих аналогий... Сражаться, как Роланд, ненавидеть, как умел ненавидеть Данте, отложить в сторону перья и взять в руки оружие, как это сделал Байрон...

Передавайте от меня горячий красноармейский привет всему коллективу сотрудников, преподавателей и студентов Литинститута...»

«Не было большей радости, чем воинские треугольнички, приходившие по адресу „Тверской бульвар, 25“ от наших старших друзей — Михаила Луконина, Сергея Наровчатова, Семёна Гудзенко, Михаила Кульчицкого. Этих писем мы ждали, словно от самых близких людей, хотя знали наших фронтовиков только по рассказам и, конечно, по их стихам»,— вспоминает Валентина Жегис, ставшая студенткой вуза в 1941 году. Вот как она об этом пишет:

«Никогда не забуду, как меня, санитарку военного госпиталя, вдруг пригласили на собеседование в кабинет на Тверском бульваре, 25, в исторический Дом Герцена. Меня, робкую 16-летнюю девочку, принимал сам ректор — Гавриил Сергеевич Федосеев. Он

держал в руках мою тетрадку и, с любопытством глядя на меня, предложил стать студенткой Литературного института.

Я пыталась возразить, ссылаясь на то, что работаю в госпитале, ухаживаю за ранеными. „Это не помешает: наш институт тесно связан с Филатовским госпиталем, будешь совмещать учёбу с работой“.

Так 16 октября 1941 года я стала студенткой. Для Москвы это был тревожный, я бы сказала, трагический день...»

Михаил Кульчицкий

«Пятнадцатое, шестнадцатое, семнадцатое, восемнадцатое октября,— вторит ей Анатолий Медников.— Пожар, тяжелее этих дней не было за всю войну...»

В. Ж.: «...В срочном порядке эвакуировались учреждения и заводы. Люди суетились, спеша покинуть осаждённый город, в воздухе пахло гарью, летали клочки обгоревших бумаг. Наиболее важные здания были, как сейчас выяснилось, заминированы, чтобы не достались врагу, который приближался к столице...»

А. М.: «...Бои шли в ста восьмидесяти километрах. Москва — прифронтовой город... Улицы пустынные, и только кипение толпы на вокзальных перронах... Тяжело было на душе у всех тех, кто не имел достоверной информации о положении на фронтах, о подвигающих к Москве резервах».

В. Ж.: «18 октября 1941 года. В Доме Герцена продолжается жизнь. Такая же кипучая и оживлённая, только более сосредоточенная и серьёзная. Шамбинаго по-прежнему читает о каких-то свадебных припевках, и только изредка, когда оружейные залпы становятся ужасными, он останавливается и, подняв вверх указательный палец, говорит: „Уважаемые, кажется, стреляют!“ Мы говорим профессору, что это, вероятно, наверху маршируют ополченцы, временно поселившиеся в нашем институте. Он успокаивается, и лекция продолжается».

А. М.: «Студенты не бегают в бомбоубежище при каждом выстреле... Продолжается лекция и в третьей аудитории, где Сергей Иванович Рациг...»

В. Ж.: «20 октября в Москве и прилегающих к ней районах было объявлено осадное положение. Но институт при этом работал. Студенты были в отрядах ПВО, во время воздушных тревог устремлялись на чердаки и крыши, гасили зажигательные бомбы всем, чем могли: песком, водой из бочек. Делать это как следует не умели, получали ожоги, но я накладывала повязки, и мы, пряча обожжённые руки в стареньких пальто и телогрейках, снова возвращались в аудиторию».

«В ту давнюю зиму сорок первого институт жил,— подтверждает А. Медников.— В старинном особняке не затухал благородный огонёк поэзии и культуры в самые трагические дни московской битвы...

Зима сорок второго. Великая битва под Москвой — переломный этап в ходе войны, когда огненный её вал покатыл от стен нашей столицы на запад. Было впереди много ещё испытаний в том и последующих годах — и прорыв немцев на юг, на Дон, на Кавказ, Сталинградская битва и Курская дуга, определившие собою вехи легендарных сражений, сокрушительного разгрома гитлеровских полчищ. Но стрелка истории уже твёрдо повернулась на Победу именно здесь, в заснеженных полях под Москвой.

Счастливы те фронтовики, кому довелось это увидеть, кто пережил сам...

Мне довелось быть в числе таких воинов, участников событий зимы сорок первого — сорок второго года. Из истребительно-го батальона я перешёл на работу военного журналиста в газету той армии, которая наступала на крайнем южном крыле фронта, ведущего битву под Москвой...»

«Ни для кого сейчас не секрет, что ряды нашей литературы пополнят прежде всего люди, вернувшиеся с фронта», — отмечал К. Симонов.

Ранней весной 1944 года, демобилизованная после ранения, появилась впервые в стенах Литературного института и Юлия Друнина, которая впоследствии вспоминала:

«Встретила меня высокая пышноволосяя женщина с добрым и энергичным лицом — Слава Владимировна, парторг. Отнеслась она ко мне очень сердечно. Да и кого могли не расположить к себе

и забинтованная ещё голова, и пообтрёпанная, пообгоревшая шинелька, вроде бы случайно распахнутая так, чтобы видна была медаль „За отвагу“, и весь юный облик худущего, бледнящего солдата?

Но... Слава Владимировна была человеком предельно честным. А стихи мои ей не понравились. Они и впрямь были слабыми, хотя в них попадались отдельные удачные строки.

„Да, да, — мягко сказала Слава Владимировна. — У тебя есть искренность, теплота. Но у кого из девушек, пишущих стихи, нет этих качеств?.. А писать надо так... — и окликнула ярко накрашенную, эффектную девицу: — Прочитай-ка что-нибудь!“

Подавленная, или, точнее, раздавленная, ушла я из Дома Герцена. И через несколько дней отправилась в военкомат со слёзной просьбой опять отправить меня на фронт...

Через тридцать лет после Победы в майском номере „Дружбы народов“ были опубликованы письма некоторых поэтов-фронтовиков (Луконина, Наровчатова, Слуцкого) к Славе Владимировне Щириной. Среди этих писем я обнаружила своё... Написано оно было в октябре 1944 года, на подступах к Риге, и являлось прямым продолжением того нелёгкого нашего разговора в Доме Герцена. В письмеце были такие строки: „Если останусь живой, то мы обязательно встретимся в стенах Вашего института. Простите за самоуверенность...“

И мы встретились, когда после второго ранения я снова пришла на Тверской бульвар, 25. Меня приняли в Литинститут. И голодные, холодные послевоенные студенческие годы вспоминаются теперь как счастье...»

В начале сорок четвёртого «в тот самый Дом Герцена, из которого и ушёл в армию, в истребительный батальон» после ранения вернулся доучиваться и Анатолий Медников. В своей документальной повести он напишет:

«Одновременно я поступил работать в редакцию „Последних известий“ Всесоюзного радиокомитета, в конце войны стал военным радиожурналистом. И уже в этом качестве снова поехал на фронт, владея исправно только одной рукой — левой, писать которой было затруднительно, однако я мог держать в ней микрофон. В октябре сорок четвёртого была командировка в Восточную Пруссию, часть территории которой в ту пору уже отвоевали наши войска, а весной сорок пятого мне выпала длительная и ответственная командировка в Центральную Германию...»

С чувством особого волнения и гордости я вспоминаю и по сей день, что мне довелось быть участником исторического заседания, на котором были подписаны акты о полной и безоговорочной капитуляции нацистской Германии. Состоялось это заседание, как известно, в ночь с 8 на 9 мая 1945 года в восточном пригороде Берлина — Карлхорсте.

Микрофон Всесоюзного радио, наш микрофон, который мы возили с собою в «радиотанке», стоял перед столом президиума заседания, за которым сидел Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, от имени Советского правительства поставивший на этом великом документе свою подпись».

«Я счастлив, как молодой бог. Я уже писал вам, что от имени института приветствовал на днях скелет Берлина,— делится радостью победы гвардии старший лейтенант П. Хорьков.— Сегодня от имени нашего Дома праздную в Германии полную Победу. Я чувствую себя как Чрезвычайный и Полномочный Посол Дома Герцена на величайшем и неповторимом мировом торжестве. Слава нам, ей-богу!..

Не знаю, как выглядит праздник Победы в Москве... Я рад, что видел этот день на фронте и тоже веселился и плакал. Я ни

когда не забуду минуту тяжёлого молчания, когда героиктанкисты почтили память павших грузей. У всех, от солдата до генерала, в эту минуту засверкали на солнце глаза. Сколько вспомнили и пережили в эту минуту! Сужу по себе.

...Громогласному торжеству я предпочитаю молчание. Когда звучит оркестр и чередуются речи — человек обращается к Родине мыслью, когда кругом молчание и тишина — он прикасается к ней душой.

Да, я видел в День Победы слёзы на глазах русского солдата. Но это не те слёзы, которыми плакали наши люди в сорок первом году. Мы нача-

Владимир Карпов

ли войну слезами горя и проклятиями. Мы закончили её с гордой радостью и слезами торжества.

*Дорогие грузья! Как мне хочется быть теперь вместе.
День Победы, 9 мая 1945 г.».*

Вручая в 1949 году дипломы своим воспитанникам, директор Литинститута Василий Семёнович Сидорин в своём напутственном слове сказал: «Ныне институт производит двенадцатый выпуск, выдавая дипломы об окончании вуза двадцати двум молодым литературным работникам. Среди оканчивающих институт свыше половины — участники Великой Отечественной войны, награждённые орденами и медалями...»

Тогда никто не подозревал, что среди выпускников появятся и прошедшие всю войну Герои Советского Союза, которые сумеют взять и свои литературные высоты, увековечив в уникальных книгах военный подвиг советского народа: В. В. Карпов — вып. 1954 г., С. Г. Курзенков — вып. 1956 г., П. Е.Брайко — вып. 1967 г., — но особой чуткостью русской души все понимали, что героически павшие за Родину собратья по перу и оружию навсегда останутся в благодарной народной памяти высоким накалом опалённых войной строк.

«Нынешний читатель знает имена Павла Когана, Михаила Кульчицкого, Николая Майорова, — отмечает Андрей Турков. — Но их было больше. Помню свежий номер литинститутской стенгазеты, где наклеена только что полученная телеграмма: „МОЙ МАЛЬЧИК ЕВГЕНИЙ ПОЛЯКОВ УБИТ МАМА“... И тут же стихи, запомнившиеся на всю жизнь: „Если я останусь в живых... то я от капель дождевых спать не буду по ночам...“»

Они остались жить в нас, рядом с нами, в воспоминаниях современников, в бессонных ночах ветеранов, в смятении новых поколений юных литераторов, обдумывающих своё житей и судьбы России; они пронзают тревожной мыслью, рождают внезапный образ, становясь совестью нации, звуча грозным эхом в гулких раскатах дождя, и обжигают немим укором...

Их имена выбиты на мемориальной доске, которые бережно хранит, словно в материнском сердце, Дом Герцена.

КНИГА ГОДА

В Международном сообществе писательских союзов прошла торжественная церемония вручения Седьмой ежегодной литературной премии имени Сергея Михалкова «Лучшая книга года». Высокохудожественные произведения писателей Москвы, республик, областей России, стран ближнего и дальнего зарубежья побеждают в этом конкурсе. Лауреатов чествовал и награждал председатель МСПС Иван Переверзин, он же — председатель жюри, в состав которого вошли ведущие литераторы Отечества — С.Куняев, А. Турков, А. Парпара, В. Гусев и другие.

Премии и почётный диплом лауреата за вклад в развитие литературы, многолетнюю плодотворную творческую деятельность, высокое служение культуре получили: Лев Аннинский в номинации «Литературная критика» — за книгу «Красный век. Эпоха и её поэты» (1 место, 100 тысяч рублей), Валентин

Валентин Сорокин

Сорокин в номинации «Поэзия» — за книгу «Пути свидания» (2 место, 70 тысяч рублей), Виктор Петелин в номинации «Литературоведение» — за книгу «История русской литературы XX века» в 2 томах (3 место, 50 тысяч рублей).

Остальные лауреаты получили поощрительные премии в 20 тысяч рублей и почётные дипломы. Среди них — Ямил Мустафин в номинации «Проза» за книгу «Бешеная», в этой же номинации — Геннадий Сазонов за книгу «Однажды зимой», Наталья Аришина в номинации «Поэзия» за книгу «100 стихотворений» и другие.

*Инна ВОСКОБОЙНИКОВА,
Москва*

ОТ ИСТОКА ДО УСТЬЯ

УРОКИ КЛАССИКОВ

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

1915—1994

Евгений Аронович Долматовский родился в Москве, в семье адвоката. В годы учёбы в педагогическом техникуме начал публиковаться в пионерской прессе. В 1932—1934 годах работал на строительстве московского метро. В 1937 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Первая книга лирических стихов была опубликована в 1934 году. С 1939 по 1945 год в качестве военного корреспондента находился в действующих частях Советской Армии.

В 1941 году попал в окружение и был взят в плен, из которого бежал снова на фронт (эти события отражены в повести «Зелёная брама»). Наибольшую известность принесли написанные на его слова песни («Офицерский вальс», «Песня о Днепре», «Добровольцы» М. Фрадкина, «Сормовская лирическая» Б. Мокроусова, «Моя любимая» М. Блантера, «Любимый город» Н. Богословского), многие из которых звучали в кинофильмах («Истребители», «Встреча на Эльбе»). За свою деятельность был удостоен пяти орденов и ряда других правительственных наград. Лауреат Сталинской премии III степени (1950, за цикл стихотворений «Слово о завтрашнем дне»).

ОЛЕНЬ

*Июль зелёный и цветущий.
На отдых танки стали в тень.
Из гревней Беловежской пуши
Выходит золотой олень.
Короною рогов ветвистых
С ветвей сбивает он росу
И робко смотрит на танкистов,
Расположившихся в лесу.
Молчат угрюмые солдаты,
Весь мир видавшие в огне.
Заряженные автоматы
Лежат на танковой броне.
Олений взгляд, прямой и юный,
Как бы навеки удивлён,
Ногами тонкими, как струны,
Легко перебирает он.
Потом уходит в лес обратно,
Спокоен, тих и величав,
На шкуре солнечные пятна
С листвой пятнистою смешав.*

1944

Юрий ГЕРМАН

1910—1967

Юрий Павлович Герман родился в Риге, в семье поручика. Учился в Курске, где в «Курской правде» был напечатан его первый рассказ. В 1931 году вышел роман «Вступление», положительно оценённый М. Горьким, затем — «Бедный Генрих» (1934), в 1936-м — роман «Наши знакомые», затем — повести «Лапшин» и «Алексей Жмакин» (1938), переработанные впоследствии в роман «Один год» (1960). Во время Великой Отечественной войны служил на Северном флоте военным корреспондентом. Автор киносценариев фильмов «Пирогов», «Дело Румянцева», «Белинский», «Дорогой мой человек», романов «Россия молодая» (1952), «Подполковник медицинской службы» (1956), «Дело, которому ты служишь» (1957). По роману «Россия молодая» создан телесериал (1983). Поставленные на основе повестей Ю. Германа его сыном, режиссёром А. Германом, кинофильмы «Проверка на дорогах» (1971) и «Мой друг Иван Лапшин» (1984) стали заметным явлением современного искусства.

ОКОШКИН

Фрагмент из романа «Один год»

За завтраком, по обыкновению, Окошкин рассказывал истории, которыми его начинал начальник музея Грубник — ходячая летопись всех уголовных происшествий во всём мире.

— Вот ещё тоже ничего себе фрукт был, аферист класса «экстра», — говорил Вася, засовывая в рот непомерно большой кусок хлеба с маслом и тараша глаза, — некто Отто Стефан. Не слышали, Иван Михайлович?

— Не слышал.

— Это после войны четырнадцатого года случилось, после империалистической бойни, когда в Берлин, в Германию, приехала комиссия военного контроля...

— Между прочим, что Берлин в Германии — мне известно, — сказал Лапшин.

— Ну вот, — продолжал Окошкин, — вы слушайте, Иван Михайлович, это здорово интересно. Встретил комиссию прусский генерал Тюдерен, и притом в полной парадной форме. Приветствовал чин чинарём и о багаже так любезно позаботился. Багаж, конечно, пропал. На целые миллионы.

— Про миллионы — соврал, — шурша газетой, заметил Лапшин. — Сознайся, Василий. А?

Но Окошкин захохотал и не сознался. Немецкая марка тогда ничего не стоила — вот в чём всё дело. Так что по тем ценам багаж, может быть, и в миллиарды обошёлся комиссии военного контроля.

— А у тебя за них душа болит, да?

— Не болит, но должны же мы знать преступное прошлое, — возразил Окошкин. — Изучать должны, анализировать.

— Ты свою квартирную кражу на Васильевском лучше бы анализировал, — посоветовал Лапшин. — Уже вроде бы третий месяц анализируешь.

Окошкин сделал оскорблённое лицо и сходил к почтовому ящику за газетой. Когда он вернулся, из репродуктора доносились тоненькие звуки музыкальной передачи для детей, Патрикеевна — домоуправительница Ивана Михайловича — сердито убира- рала со стола, а Лапшин делал пометки в своём «псалтыре», так в обиходе называлась его записная книжка в потрёпанном клеёнчатом переплёте. Так как Василий Никандрович не умел долго молчать, то он почитал кое-что из газеты вслух и прокомментировал Лапшину и Патрикеевне новости.

— Ничего себе собаки! — сказал Вася. — Совсем расхамились. Чиано и Рибентроп встречаются на днях в Вене — делить Чехословакию. Видали?

— То ли ещё будет, — рассеянно ответил Лапшин.

Патрикеевна с хлебницей в руке сказала зловеще:

— Катятся по наклонной плоскости, вот что!

Она любила такие выражения, но употребляла их обычно несколько загадочно.

Вася прочитал ещё про дрейф «Седова», про бомбардировку Мадрида, про изгнание евреев из Германии и опять вернулся к Мюнхену.

— Крепко им товарищ Эренбург даёт! — произнёс Окошкин. — Наверное, Адольф здорово ругается, когда читает про себя такие выражения.

— Коричневая чума! — заметила Патрикеевна вскользь.

Лапшин посмотрел на неё снизу вверх, встал и пошёл в переднюю одеваться. Окошкин поплёлся за ним. Ему хотелось ещё почаяёвничать, полистать журнал, но возражать Ивану Михайловичу было бесполезно. Единственное, что посмел Вася, — это намекнуть насчёт машины.

— Пешочком полезнее! — холодно ответил Лапшин.

— Но если положена машина и Кадников всё равно ждёт. Да и вообще, в вашем возрасте...

— Ты за своим возрастом следи, — посоветовал Иван Михайлович. — Тоже, «в вашем возрасте»...

— Если вы начальник и заслуженный товарищ...

— Оделся?

И они вышли на морозец, оба высокие, статные, Лапшин побряжистее, Вася ещё юношески лёгкий, гибкий, невероятно болтливый, до того, что Иван Михайлович иногда даже морщился, словно от головной боли. До самых Пяти углов Окошкин говорил, не останавливаясь, — выспавшийся, с блестящими глазами, переполненный энергией. На всё ему нужно было отвечать, на всё решительно.

— А? — спрашивал Вася. — Верно, как вы считаете? Психологически правильно? А?

Василий Никандрович Окошкин — он же Васька — возник в жизни Лапшина давно. Как-то ему доложили, что его желает видеть какой-то мальчик по неотложному делу. Лапшин оторвал взгляд от протокола допроса, подумал и переспросил:

— Какой такой мальчик?

— Ну, мальчик, товарищ начальник. Так вроде бы приличный...

Приличный мальчик сел в предложенное ему кресло и, страшно побагровев, сказал, что желает работать в органах уголовного розыска. Сейчас он заканчивает учёбу в школе и параллельно изучает в тире стрельбу, а также с одним частным лицом (Васька тогда утаил, что частным лицом был его дружок, по кличке «Гаврош») изучает джиу-джитсу. Он недурной велосипедист, неплохо плавает, знаком с химией в пределах, необходимых для работы в розыске. Судебную медицину, правда, знает только теоретически...

Здесь, под взглядом Лапшина, мальчик вдруг словно бы скис.

— Пир... Пил... Пинкертон читал? — спросил Лапшин. Ему с трудом сразу давалось это слово.

— Читал! — кивнул Окошкин.

— И Шерлока читал?

— Читал. И читал про вас, товарищ Лапшин, в «Красной вечерней газете», как вы...

— Да, Пиркентон... — задумчиво произнёс Лапшин. — И Шерлок... Играл на скрипке. Трубку курил. «Положите бумаги на солнечные часы». Его друг Ватсон...

— Доктор Ватсон, — поправил Окошкин почтительно. — Знаменитый, который в истории обряда дома Мейсгревов...

Лапшин серьёзно, без усмешки, смотрел на мальчика. Тот напомнил ему пять зёрнышек апельсина, пляшущих человечков, собаку Баскервилей и высказал своё суждение о дедукции в сыском деле.

— Вы разве не согласны со мной? — спросил наконец мальчик.

Лапшин молчал.

— Конечно, я понимаю, что Шерлок Холмс защищал интересы правящих классов, — горячась и опять краснея, заговорил

Окошкин, — но тем не менее мы не можем игнорировать его метод. Дедукция — такой способ...

— Ты вот что, друг, — перебил Лапшин, — ты, сделай одолжение, закончи сначала школу. Начнут у тебя усы прорезываться, бородёнка, заговоришь побасистее, побреешься, пиркентонов своих закинешь на шкаф. Тогда и подумаешь, как тебе быть, куда идти, куда заворачивать. А сейчас мало ли... ещё в пожарные захочешь пойти, и в лётчики, и в моряки... У нас ведь тут дело трудное, скучное... Например, скажу я тебе... чердачная кража. Украли у дворничихи две простыни, споднее тоже украли, юбку... Вот и ищем. Трудящийся человек, надо отдать вещички...

— Разумеется, — подтвердил Окошкин. — Дактилоскопия, привлекаются служебные собаки...

— Вот придёшь работать — тогда увидишь.

Мальчик ушёл расстроенный. А через шесть лет, когда в милицию прибыло пополнение по мобилизации комсомола, Лапшин узнал в одном из новичков того самого мальчика, которому советовал «закинуть пиркентонов на шкаф». Юноша трудился неумело, но старательно и даже страстно, и вскоре Лапшин взял его в свою бригаду. Внимательно приглядываясь к Окошкину, Иван Михайлович решил про себя, что у Василия Никандровича горячее сердце и чистые руки, не хватает же ему холодного ума, а именно три этих слагаемых, по формуле Дзержинского, и составляют настоящего чекиста. «Наживёт со временем и ум, — думал Лапшин, — а вот с горячим сердцем, пожалуй, надо родиться».

В первой же серьёзной перепалке Окошкин показал себя человеком далеко не трусливым, хотя и изрядно бестолковым, за что и получил соответствующее внушение.

— Лезть под пулю ума не требуется, — говорил Лапшин багрово-красному Василию, — а вы сунулись, даже не предполагая, что вам окажут вооружённое сопротивление...

— Я не мыслю себе... — начал было Окошкин.

— Мыслят мыслители, — сурово сказал Лапшин, — а толковому оперативному работнику надо соображать. Идите.

Окошкин ушёл. Тупо-сухие звуки пистолетной пальбы ещё не забылись ему. И то, как повис он на руке бандита, и то, как оба они упали на вонючий асфальт, и то, как блеснул нож, — всё это произошло так недавно, всего два часа назад, и никто не поблагодарил Василия, никто не пожал ему руку «коротко и сильно», как бывает это в книгах, никто не призвал брать пример с мужественного и скромного комсомольца товарища Окошкина. Ничего себе угодил он в коллективчик! И ухо саднило — бандит в драке больно его укусил.

РУССКАЯ ЖЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Надежда ПОЛЯКОВА

1923—2007

Надежда Михайловна Полякова родилась в деревне Басутино Новгородской области. Окончив 7-й класс, переехала в Ленинград к родственникам, где окончила среднюю школу. Три месяца в 1941 году рыла окопы под Малой Вишерой. С марта 1942 года работала зав. избой-читальней, фининспектором. В 1943 году была призвана в армию. Служила в пехотной части зав. делопроизводством штаба полка. Награждена орденом Отечественной войны II степени. Первое стихотворение напечатано в 1940 году в журнале «Смена». В 1949 году окончила филологический факультет Ленинградского университета. Работала в газетах «Ленинградская правда», «Смена», «Крылья Советов». Член Союза писателей СССР. До последних дней продолжала писать и стихи, и прозу. Автор поэтических сборников «Избранное» (1989), «Чёрный жемчуг» (1996) и книг прозы «Дорога» (1990), «Беды царя Давида» (1996).

МАЛЬЧИК НА ДОРОГЕ

*В молчанье тягостном и строгом
Мы отступали на восток.
И мальчик шёл по тем дорогам
И отыскать родных не мог.
С неровно стриженною чёлкой,
С припухлой верхнею губой...
А я сама была девчонкой
И не взяла его с собой.
О, если б нынешнюю мне бы
Мою решительность — тогда!
Я только поделилась хлебом,
Спросила: чей? идёт куда?
А он молчал, вдыхая запах
Ржаного хлеба, и не ел.
И молча плакал, и на запад,
Залитый пламенем, глядел.
И полз сентябрь лисицей рыжей
И листья в лужах полоскал...
Я верю в то, что мальчик выжил
И отыскал, кого искал.
А мне всё помнить о галёком,
И позабыть его нельзя.
Ведь там — с надеждой и упрёком
Ребятчи светятся глаза.*

1959 — 1961

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ

ЖИВОПИСЬ ВРЕМЁН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Советские художники создали своего рода летопись Великой Отечественной войны. Содержание картин напрашивалось само собой: фашистская угроза, суровые будни войны, скорбь по погибшим, ненависть к врагу, затем — радость победы, чувство причастности каждого к общему делу. «Образное раскрытие переживаний советских людей в грозную годину превратилось позже в тематическую традицию советского искусства».

Особенно ценны картины, написанные непосредственно в годы войны под впечатлением от неё. Одно из первых подобных произведений такого рода — «Окраина Москвы. Ноябрь 1941 года» (1941) кисти Дейнеки. Особого сюжета нет, но художник даёт обобщённое фиксированное свидетельство необычного состояния города и собственно эпохи. Аркадий Пластов в первый период войны создал известную картину «Фашист пролетел» (1942).

Произведения, созданные за годы войны, различаются по мере растущего опыта восприятия событий художником, в зависимости от года их создания. Немногословность и лаконичность постепенно сменяются тяготением к пространному выражению переживаемого — по причине углубления осмысления происходящего. Так, это очевидно, если сравнить «Оборону Севастополя» (1942) Дейнеки с его более ранней картиной. Новое полотно — уже историческая эпопея. Так же и Сергей Герасимов пишет «Мать партизана» (1943), отдавая дань развёрнутости действия. К этому же типу произведений, которые обобщают историческое представление о стойкости и героизме народа в борьбе, относится ряд картин Пластова 1943 — 1945 годов, в частности «Жатва» (1945).

Константин Юон написал «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года» (1942), воплотив исторически достоверный образ парада, с которого войска шли на фронт. Павел Корин в 1942 году создаёт центральную часть триптиха «Александр Невский» (боковые части «Старинный сказ» и «Северная баллада» были написаны позднее), выражая в образе князя героическое начало, непреклонную энергию. Иногда обращение к историческим сюжетам опиралось на традиции Васнецова и Сурикова (историческую живопись XIX века) — например, Александр Бубнов пишет картину «Утро на Куликовом поле» (1943 — 1947). Даже пейзаж приобрёл патриотический характер — так его истолковывал, в частности, Николай Ромадин в серии картин «Волга — русская река» (1944).

Различные формы проявления нашёл и портретный жанр. Художники писали героев войны, тружеников тыла, учёных, деятелей культуры, иногда обращались к автопортрету — чтобы передать сложные мысли и чувства свидетеля эпохи («Автопортрет» Кончаловского, 1943; «Автопортрет» Сарьяна, 1942).

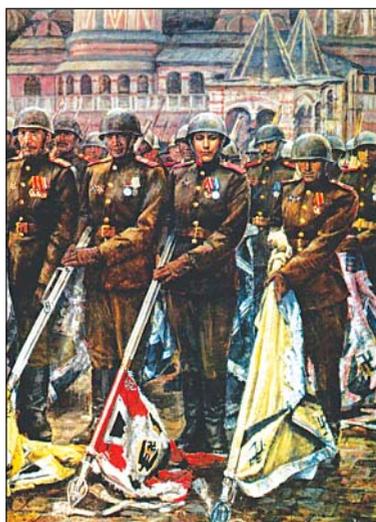
Картины о Великой Отечественной войне

А. Лысенко. **Москву отстояли**

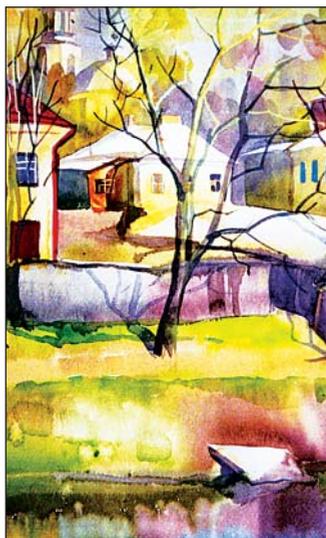
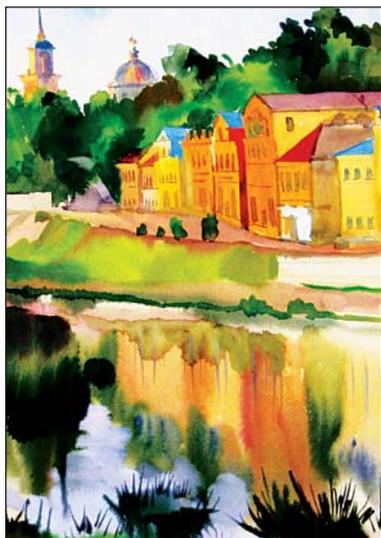
И. Соколов. **На Запад, 1943**

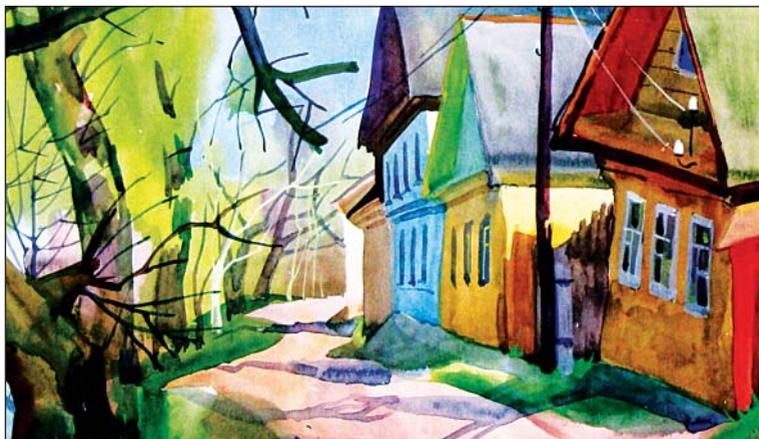
К. Антонов. **Победители**

Торжок в акварелях

МАРИНЫ ПУГАЕВОЙ

«Новый Енисейский литератор»

В библиотеке имени Семёна Дрожжина

в Твери

**На Волге: В. Чернышев, В. Грибникова, С. Кузичкин,
О. Сорокина, С. Ставер**

В ладье Афанасия Никитина

У памятника А. Никитину

Презентация «Енисейки-2015»

Мальчика Енисейку с динозавриком Юрашкой встречают Весна-красна, капитан Кузнецов и боцман Котельников

Выступает Аня Дроздецкая (Красноярск, детский сад № 35)

Авторы песен для детей Галина Рукосуева и Лариса Мерзлякова

Поздравление от библиотеки имени Б. Житкова

Красноярск. Краевая библиотека. 28.03.2015

Михаил Гафнер из
Емельяновского района

Читаем «Енисейку»

После презентации

**Встреча авторов «Нового Енисейского литератора»
Красноярск. Краевая библиотека. 21.02.2015**

**Выступает Геннадий
Фёдоров (Дивногорск)**

**Стихи читает Александр
Чичерин (Красноярск)**

Фотография на память. Фото Ярослава Фёдорова

МАЯКИ

Лауреаты Нобелевской премии по литературе. 1917

Карл Адольф ГЬЕЛЛЕРУП

1857—1919

Датский романист и драматург Карл Адольф Гьеллеруп родился в Рохольте, в семье Анны и Карла Адольфа Гьеллерупа, лютеранского священника. Карла привёз в Копенгаген кузен его матери Ю. Фибигер, священник, теолог и поэт, оказавший значительное влияние на юного племянника. Будучи школьником, Гьеллеруп начал писать, а вскоре после окончания Хэрслевской школы (1874) сочинил трагедию «Сципион Африканский» и драму «Арминий». Но пьесы опубликованы не были. В том же году он поступил в Копенгагенский университет на богословский факультет, но в 1878 году перестал верить в Бога, став атеистом. «Идеалист» (1878), роман, написанный после окончания университета, был первым опубликованным произведением Гьеллерупа. Во втором романе, «Ученик германцев» (1882), выведен молодой человек, переживающий кризис веры. В новеллах, написанных в последующие годы, «Соль мажор» (1883) и «Ромул» (1883), остро чувствуется влияние И. С. Тургенева. Ещё одним ранним произведением стала драма в стихах «Брунхильда» (1884), навеянная «Кольцом нибелунгов» Р. Вагнера. Сказывается на «Брунхильде» и влияние греческой драмы, шекспировского белого стиха и аллитеративного стиха древнеисландской «Эдды». Отойдя от героической трагедии, Гьеллеруп начинает писать современные драмы в духе Ибсена: «Герман Бандель» (1891), «Вуторн» (1893) и «Его превосходительство» (1895). Драма «Вуторн» более 100 раз игралась в копенгагенском театре «Дагмар». В середине 1890-х годов под влиянием Шопенгауэра и буддийского учения Гьеллеруп увлекается идеей растворения личного начала в нирване. Он пишет пьесу «Жертвенные огни» (1903) и романы «Пилигрим Каманита» (1906) и «Вечные странники» (1910) — история влюблённых, которые сознают, что это не первая их жизнь. В 1917 году Шведская академия наградила сразу двух датских писателей — Карла Гьеллерупа и Хенрика Понттоппидана. Гьеллеруп был удостоен Нобелевской премии «за многообразное поэтическое творчество и возвышенные идеалы». Из-за войны церемония награждения не проводилась. Гьеллеруп умер в 1919 году в Клоцше близ Дрездена. При жизни критика хвалила его за использование литературных форм, соответствующих возвышенным философским идеям, однако после смерти его авторский стиль постепенно утратил свою привлекательность, а посмертная репутация не шла ни в какое сравнение с прижизненной.

Новый Енисейский литератор 2/2015 (47)

Год выпуска — девятый

КОРРЕКТУРА, ВЁРСТКА:

Андрей Леонтьев

ФОТО:

Сергей Дяденко, Леонид Кузнецов, Лариса Мерзлякова,
Вячеслав Пенеров

ОФОРМЛЕНИЕ ОБЛОЖКИ:

Любовь Веселова. Использован рисунок Анны Матвеевой
Фото на обложке — Сергей Дяденко

Сдано в набор 10.03.2015 года.

Подписано в печать 16.04.2015 года.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Балтика. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,8. Тираж 900 экз. Заказ № ___.

По вопросам приобретения и распространения альманаха
обращаться по телефонам редакции :
296-38-93; 8-905-976-38-93

Цена договорная

Отпечатано в типографии «ГОРОД» (ИП Михайлова И. Г.)
г. Красноярск, Северное шоссе, 37